UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00009079 5

POLNOE SOBRANIE SOCHINENII
Vol. 12

P. Viazemskii

Published on demand by
UNIVERSITY MICROFILMS
University Microfilms Limited, High Wycomb, England
A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ XII

1863—1877

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин.,
1896

LIBRARY
JUL 1 6 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3447
V5
1878a
t. 12.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

154

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ XII

1863—1877

245
Библиотека

Арх. 14430

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1896

891.78
V623
1878

v.12

2453

Кн. Вяземскій
Гомбургъ іюнь 1875

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

КЪ

СТИХОТВОРЕНІЯМЪ

1808—1877 гг.

Александрійскій стихъ, XI, 31—35.
Александру Андреевичу Иванову, XI, 284—286.
Александрѣ Ильиничнѣ Карамзиной, XII, 74—75.
А. О. Смирновой, IV, 273.
Алексѣю Алексѣевичу Перовскому, III, 20—22.
Альбомъ, III, 406—407.
Англичанкѣ, XI, 192—193.
Андрею Карамзину, XI, 122—123.
Аю-Дагъ, XII, 305—306.

Баденскія Воспоминанія, XI, 145—146.
Баденъ-Баденъ, XI, 212—214.
Байронъ, III, 423—426; XII, 59—63.
Балтійское видѣніе, IV, 185.
Баркароллы, XI, 84—87.
Басни (съ польскаго изъ Красицкаго), III, 402—404.
Бастей, XI, 55—56.
Бахчисарай, XII, 307—311.
Башибузукъ литературный, XII, 167—168.
Безсознательность 5, XII, 551—552
Безсонница, XI, 406—407.
Береза, XI, 194,
Берлинъ, XI, 330—335.
Битва жизни, XI, 383—384.
Битый песъ, III, 176.
Благодарность, XI, 329.
Благополучно я доѣхалъ до Мотавы, XI, 240.
Блюхеръ и Веллингтонъ, XI, 134—135.
Борметты, XII, 203—205.
Босфоръ, IV, 347—349.
Брайтонъ, IV, 222.
Былое, XI, 401.
Быль, III, 298—299; IV, 6—7.
Быль въ преисподней, III, 14.
Вѣдный Ротшильдъ, XI, 215—217.

Важное открытіе, IV, 294—295.
Вакханаліи, XII, 93—101.
Вакхическая пѣсня, III, 36, 247.
Вашъ прогрессистъ закуралесилъ, III, 164—165.
Введенскія горы, XII, 410—414.

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ, XII, 316—317.
Вдоль дома вашего, въ одинъ изъ зимнихъ дней, XII, 361.
Вевейская рябина, XII, 143—144.
Вездѣ, гдѣ только есть возможность, XII, 167.
Венеціанка, XI, 81.
Венеція, XI, 71—75; XII, 25.
Верона, XII, 111—113.
Весеннее утро, III, 62—63.
Весна, XII, 250.
Весна 1877 года, XII, 541—546.
Вечеромъ на берегу моря, XII, 200—202.
Вечеръ, XI, 379—380; XII, 238—239.
Вечеръ въ Ниццѣ, XI, 315—316.
Вечеръ на Волгѣ, III, 230—232.
Визирь Гассанъ, III, 326—328.
Victoria, XI, 265.
Висбаденскіе стихи, XII, 441—442.
Витцлебенъ, чудно здѣсь твой смѣлый карандашъ, XI, 27.
Витязь, III, 310.
Виченца, XII, 107—110.
Вкушая бодрую прохладу, XI, 394.
Владиміру Николаевичу Карамзину, IV, 139; XII, 72—73.
Владиміру Павловичу Титову, IV, 346, 358—359.
Во внутрь блестящаго чертога, XI, 327—328.
Возвращаясь изъ Корепза, XII, 314—315.
Воли не давай рукамъ, III, 350—351.
Волки и Пастухи, III, 215—216.
Волненіе, IV, 59—63.
Волшебная Обитель, IV, 316—318.
Вопросъ искусства для искусства, XI, 448.
18 Февраля, 17 Апрѣля 1855, XI, 200—207.
Воспоминаніе, III, 417 — 419; XII, 525—526.
Вотъ и у насъ заводятъ рѣчь о краснихъ, XI, 429—430.
Вотъ мчится тройка удалая, XI, 120—121.
Вотъ улыбнулась Дезенцано, XII, 116.
Вотъ умеръ во время Токвиль, XI, 374—375.
Всегда мы черезъ край черпонялемъ чашу, XII, 527—528.
Все въ скорбь мнѣ и во вредъ, XII, 7.
Всегда, XII, 217—218.
Все тѣхъ же щей, хоть и пожиже, XII, 287.
Всепылчивость добродѣтельнаго, III, 435.
Встрѣча въ Ялтѣ, XII, 341—351.
Всѣ сверстники мои давно ужь на покоѣ, XII, 452.
Всѣ скорби, всѣ язвы покорно, IV, 297.
Всякій на свой покрой, III, 300—301.
Въ альбомъ, XII, 443—444.
Въ альбомъ Т. И. Остолоповой, III, 32; изъ Байрона, III, 318; К. А. П. Т., III, 271; К. К. Яшинъ, IV, 90—91.
Въ воспоминаніяхъ ищу я вдохновенья, XII, 535.
Въ насъ внутренно идетъ война, XII, 10—11.
Въ нашъ вѣкъ патріотизмъ хитеръ на проявленье, XII, 16.
Въ Оріандѣ, XII, 310.
Въ писцахъ заморскихъ нашихъ кстати, XII, 169—170
Въ походъ (Княгинѣ Вѣрѣ Аркадьевнѣ Голицыной), IV, 355.
Въ припадкѣ зависти заносчивой и грубой, XII, 177—178.
Въ природѣ ничего нѣтъ цѣльнаго ни въ чемъ, XII, 378.
Въ Севастополѣ, XII, 352—354.
Въ сіяньи радуга взошла, XII, 338—339.
Въ скотахъ и насъ, твердишь, способности одинѣ, XII, 16.
Въ шляпѣ дѣло, III, 352—353.
Вы гласность любите, но въ одиночку, съ правомъ, XI, 389—390.
Выдержка, III, 445—447.
Вы на небѣ моемъ, покрытомъ ночью темной, XII, 223.
Выходъ Вздыхалова, III, 275.
Вѣра и Софія (Бухариной и Горсткиной), IV, 144—146.

Гдѣ вы, мои розы, XII, 134—135.
Географическій вопросъ, XII, 380.
Герои, славные мужья, XI, 438.
Глашатый соціальныхъ бредней, XII, 160.
Глядишь — вдругъ умники повздорятъ, XI, 446.
Годъ новый встрѣтя съ безпристрастьемъ, XI, 397—398.
Голосъ сердца, III, 218.
Голосъ съ того свѣта, XII, 376—377.
Гондола, XI, 83.
Гора, XI, 402—403.
Горжусь и радуюсь я вами, XII, 199.
Горныя вершины, XI, 191.
Горы ночью, XII, 323—324.
Горы подъ снѣгомъ, XI, 183.
Графинѣ *,** IV, 8—9.
Графинѣ *** (на смерть ея родителя), III, 370—372.
Графинѣ Е. М. Завадовской, IV, 149—150.
Графинѣ Людольфъ, IV, 78.
Графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной, III, 242—244.
Графинѣ Александрѣ Андреевнѣ Олсуфьевой, XII, 466.
Графинѣ Каролинѣ Потоцкой, IV, 173—174.
Графинѣ Толь, XII, 511—512.
Графинямъ Чернышовымъ, на проѣздъ ихъ черезъ Москву, III, 376—377.
Графу Д. Н. Блудову, XI, 22—26.
Графу Михаилу Юрьевичу Вьельгорскому, XI, 222—223.
Графу Модесту Андреевичу Корфу, XII, 467—468.
Графу Соллогубу, XI, 368—369.
Графу Ѳ. И. Толстому, III, 161—163.
Грусть, XI, 400.
Густыя брови тучи хмуря, XI, 178—179.
Гусь, III, 309.
Гусь и Змѣя, III, 83.

Давно плыву житейскимъ моремъ, XII, 132—133.
Давнымъ-давно, III, 354.
Давыдовъ говорилъ, XI, 452.
Да, какъ бы не такъ, III, 287—28
Даромъ что изъ хладныхъ нѣдр IV, 286.
Даръ все дѣлать не вопадъ, I 284—285.
Дарьѣ Алексѣевнѣ Шиповой, у жденной Окуловой, IV, 103—105.
Дача за Петергофомъ, XII, 228—2
Два Адмирала, XI, 139—142.
Два Ангела, IV, 126—127; XII, 19
Два живописца, III, 178.
Два разговора въ книжной лав IV, 171.
26 января 1872, XII, 451.
Два чижа, III, 173.
Двухъ вовсе разныхъ лицъ въ ви недугъ имѣя, XII, 177.
Двѣ весны, XII, 271—272.
Двѣ луны, III, 388—389.
12 іюля 1854 года, XI, 130—133.
Двѣ собаки, III, 176.
Двѣ строчки Климъ стихами на салъ, III, 49.
De mortuis aut nihil, aut bene, 443.
Д. В. Давыдову, III, 128—130.
Дервишъ и ученикъ, III, 173.
Деревенскій праздникъ (22 і 1860), XI, 346—349.
Деревня, III, 439—444.
Дивлюсь всегда тому счастли XI, 248—250.
Дидоны прелести Виргилій вы ляетъ, III, 24
Для женщины удѣлъ единый, 166.
Для стариковъ я слишкомъ мол XI, 343.
Дня прекраснаго разсвѣтомъ, 469—470.
Доброе желаніе, IV, 47.
Добрый совѣтъ и пріятельское желаніе А. И. Тимоѳееву, XII,
Добчинскій гласности, XI, 430—
Доведь, III, 137.
Домъ И. И. Дмитріева, XI, 350—
Дорогою, XI, 297—298; XII, 141—
Дорогою въ Шамуни, XI, 197—
Дорогою изъ Ниццы въ Ка XI, 317—318.

Дорожная дума, IV, 73, 175, 254—255.
До свиданія, IV, 140—141.
Древніе и новые, III, 50.
Дрезденъ, XI, 52—54.
Другу Сѣверину, XI, 301.
Дружеская бесѣда, IV, 99—100.
Друзьямъ, XI, 408.
Дунайскія пѣсни, XII, 111—114.
Дѣвичій сонъ, IV, 123—124.

Европейская легенда, XII, 523—524.
Екатеринѣ Петровнѣ Ермоловой, XII, 145.
Е. А. Кологривовой, III, 427.
Е. Н. Ушаковой, III, 448.
Елиза, XI, 136—138.
Если вѣтеръ вдругъ подуетъ, XII, 418.
Есть прогрессистъ, и изъ числа горячихъ, XII, 163.
Еще одно послѣднее сказанье, XII, 479—480.
Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, XI, 241—247, 253—257, 269, 316—349; XII, 35—37, 49—54, 226—227, 235—237, 240, 291—292, 325—327, 330—333, 368, 451, 474—478.
Ея Императорскому Высочеству Княжнѣ Евгеніи Максиміліановнѣ Романовской герцогинѣ Лейхтенбергской, XII, 232—233.
Ея ужь нѣтъ!..., XII, 257—260.

Желаніе, XI, 308—309.
Je me mis pleurer comme on pleure à vingt ans, III, 234.
Жизнь и смерть, IV, 172.
Жизнь, какъ въ дарахъ ни будь обильна, XII, 148—149.
Жизнь наша въ старости изношенный халатъ, XII, 549—550.
Жизнь ѣдкой горечью проникнута до дна, XII, 453.
Giardino Publico, XI, 80.
Жрецъ и Кумиръ, III, 261.

Забыть ли мнѣ прогулки наши, XII, 195—197.
Завѣщаніе Амура, III, 366—369.
Загадка, XII, 485.
Замѣтки, ракетки, силуэтки, XII, 502—503.
Запретная роза, III, 393.
Застѣнчивой рукой вношу кривыя строки, XII, 251.
Зачѣмъ въ трагедіи, недавно сочиненной, III, 49.
„Зачѣмъ вы, дни?“ XII, 8—9.
Зачѣмъ глупцовъ ты задѣваешь? XI, 412.
Зачѣмъ здѣсь левъ съ орломъ въ раздорѣ, XII, 64.
Здѣсь, гдѣ подъ синевой небесной, XII, 130—131.
Зима, IV, 325—326; XII, 386—387.
Зимнія каррикатуры, IV, 25—31.
Зимняя прогулка, XII, 384—385.
Златомъ и лазурью нѣжной, XII, 88—89.
Золотая посредственность, XI, 336.
Зонненштейнъ, XI, 65—66.

И. И. Дмитріеву, III, 262.
Идти своимъ путемъ свободно, XII, 380.
Идутъ ли въ прокъ дѣла, XI, 432—435.
Изъ Ж. Б. Руссо, III, 299.
Изъ Москвы, III, 253—254.
Изъ письма къ Эоловой арфѣ, А. И. Тургеневу, III, 252.
Изъ фотографіи Венеціи, XII, 29.
Изъ Царскаго Села въ Ливадію, XII, 447—448.
Ильинскія силетки, XII, 421—427.
Императоръ умираетъ, XI, 208—209.
Иной—ужь такъ привыкъ — не засыпаетъ, XII, 379.
Иному жизнь—одна игрушка, XI, 378.
Ирландская мелодія, IV, 55.
Исповѣдь, XII, 291—292.
Исторія человѣка, III, 15.
И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной, XII, 66—68.

Іерусалимъ, IV, 357.

Кабанъ и Оселъ, III, 321.
Кабы молодость да знала, XI, 299—300.
Какъ Байронъ онъ хромаетъ, XI, 444.
Какъ много слезъ, какое горе, XII, 547—548.
Какъ ни придешь къ нему, XI, 260—261.
Какъ ни хвали его усердный кругъ друзей, XII, 177.
Какъ сердце, такъ и вашъ мизинчикъ, XII, 492—493.
Какъ тамъ Катона онъ не корчи, XII, 174—177.
Какъ трудно жить, III, 138—139.
Калифъ и Дервишъ, III, 324—325.
Калоша (Е. Л. Игнатьевой), XII, 321—322.
Капля, III, 316.
Карлсбадъ, XI, 302—303.
Картина, XI, 190.
Катай-валяй, IV, 12—13.
Kennst du das Land? IV, 201—202.
Кирпичные заводы, XII, 211.
Киссингенъ, XI, 253—257.
Кладбище, XII, 146—147.
Княгинѣ Вѣрѣ Аркадіевнѣ Голицыной, IV, 351, 360—361; XI, 28—30.
Княгинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Урусовой, XII, 261—262.
Княжнинъ, фонъ-Визинъ, III, 202.
Княжнѣ Аннѣ Давыдовнѣ Абамеликъ, IV, 176.
Князю Александру Ивановичу Барятинскому, XI, 338—341.
Князю Владиміру Ивановичу Барятинскому, IV, 267—268.
Князю А. М. Горчакову, XII, 294—298.
Когда, III, 79—80.
Когда вамъ нечего сказать мнѣ, XII, 459—460.
Когда жь въ чаду высокомѣрья, XII, 286,—287.
Когда Карамзина не стало, XI, 439—441.
Когда онъ на кого сердитъ, XI, 376.
Когда у насъ возникнутъ пренья, XI, 342.
Когда я былъ душою молодъ, IV, 291.
Коляска (Отрывокъ изъ путешествія, въ стихахъ), III, 394—400.
Комаръ и клопъ, IV, 296.
Комисарову, XII, 252.
Корнелій Мейерберъ, XII, 3.
Красавица Венецію забыла, XII, 80—83.
Красавицей она и умницей слыветъ, XI, 455.
Красивый Эмсъ, XII, 494—495.
Крохоборамъ, III, 449.
Круговая порука, III, 175.
Крыловская хавронья, IV, 293.
Кто въ человѣкѣ видитъ дрянь, XI, 418.
Кто на людей глядитъ сквозь смѣхъ лукавый, XI, 399.
Кто по привычкѣ ли, на отдыхъ иль со скуки, XI, 377.
Кто скажетъ мнѣ мою судьбу? IV, 370—371.
Кто спать не ляжетъ, XII, 160.
Куда дѣвались вы съ своимъ закатомъ яснымъ, XII, 481—482.
Куплеты пана Чижевскаго (Изъ оперы-водевиль: **Кто братъ, кто сестра?**), III, 355.
Куплеты, пѣтые на семейномъ праздникѣ Окуловыхъ, IV, 65—66.
Къ . . ., IV, 76—77.
Къ ***, III, 270; XI, 279—280.
Къ ***, IV, 11.
Къ ***. Въ новый годъ, IV, 64.
Къ Александру Яковлевичу Княжнину, III, 312—313.
Къ А. О. Россетти, IV, 82, 122.
Къ Барановой, III, 42.
Къ Батюшкову, III, 100—105, 135—136.
Къ Бухариной, IV, 143.
Къ Венеціи, XI, 79.
Къ В. А. Жуковскому, III, 29—30, 226—229.
Къ В. Л. Пушкину, III, 73—74.
Къ Воспоминанію, III, 319, 356.
Къ графу В. А. Соллогубу, IV, 186—187.
Къ графу Чернышову въ деревню, III, 342—345.

Къ двоюродной сестрѣ, III, 387.
Къ друзьямъ, III, 70—72, 81—82.
Къ Е. С. Огаревой, III, 112—113.
Къ Ельвирѣ, III, 16.
Къ Ельминѣ, III, 78.
Къ журнальнымъ благопріятелямъ, IV, 119—121.
Къ журнальнымъ близнецамъ (М. А. Дмитріеву и А. И. Писареву), III, 388.
Къ Илличевскому, III, 430.
Къ итальянцу, возвращающемуся въ Отечество, III, 225.
Къ картинкѣ, IV, 214.
Къ кн. Гагариной (при посылкѣ пѣсенъ), III, 110.
Къ княгинѣ Трубецкой, III, 41.
Къ княжнѣ***, III, 383—384.
Къ Кокошкину и Мераликову, III, 53—54.
Къ Красавицѣ уединенной, III, 200.
Къ лагунамъ, какъ frutti di mare, XII, 26—27.
Къ Лаурѣ (въ день ея рожденія), III, 203—204.
Къ Межакову, III, 55—56.
Къ мнимой счастливицѣ, III, 413—416.
Къ моимъ друзьямъ Жуковскому, Батюшкову и Сѣверину, III, 27—28.
Къ молящейся, III, 434.
Къ N. N. на смерть его сына, III, 114—115.
Къ Неѣлову, III, 105—106.
Къ нимъ, IV, 74—75.
Къ Нисѣ, III, 6.
Къ нѣкоторымъ, XII, 379—380.
Къ овечкамъ, III, 131.
Къ Окуневу, III, 109.
Къ Остолопову, III, 33—34.
Къ партизану-поэту, III, 66—69, 308.
Къ перу моему, VII, 120—124.
Къ подругѣ, III, 95—100.
Къ подушкѣ Филлиды, III, 59—61.
Къ портрету Боброва, III, 15.
Къ портрету болтуна, III, 302.
Къ портрету Меньшикова, III, 14.
Къ портрету, III, 39—40.
Къ прелестной, III, 329.
Къ пріятелю, III, 364—365.
Къ Риму, XI, 462—463.
Къ ружью, XI, 38—39.
Къ слезливому стихотворцу, III, 51.
Къ смерти, III, 218.
Къ Софьѣ, III, 64.
Къ С. Ѳ. Безобразовой въ деревню, III, 272—274.
Къ С. П. Шиновой, XII, 383, 407, 430—431.
Къ спящему Амуру, III, 318.
Къ усопшимъ льнетъ, какъ червь, Фигляринъ, IV, 292.
Къ кн. Шаховской (при посылкѣ стихотвореній Жуковскаго), III, 111,
Къ Языкову, IV, 180—182.

La biondina in condoletta, XII, 94—95.
Lago di Garda—Яхонтъ синій, XII, 114—115.
Ландышъ, III, 341.
Левъ и Лисица, III, 322—323.
Ливадія, XII, 325—327.
Лилія, IV, 79—81.
Липецкія воды, III, 86.
Листокъ, IV, 45—46.
Листу, IV, 266.
Литературная исповѣдь, XI, 166—172.
Литературы идеальной, XII, 282—283.
Лишь сѣли мы въ вагонъ, XII, 150.
Лобъ не краснѣющій, XI, 430.
Логогрифъ, III, 266, 306—307; IV, 83—84.
Луга, III, 420.
Лукавый рокъ его обчелъ, XII, 486.
Лѣса, IV, 112; XII, 457—458.
Лѣсъ горитъ, XI, 295—296.
Любить, молиться, пѣть, IV, 240.

Мадригалъ (къ двумъ красавицамъ: матери и дочери), III, 320.
Мадригалы Е. Н. К., Е, А. Г., Настасьѣ Павловнѣ Мансуровой, III, 76—77.
Малютка на лошади, III, 181—182.
Ma profession de foi, XII, 553.

Маріи Максимиліановнѣ, принцессѣ Баденской, XII, 44.
Маріи Ѳедоровнѣ Тютчевой, XII, 189—190.
Масляница на чужой сторонѣ, XI, 3—7.
Матери отъ дѣтей, XII, 138.
Матросская пѣсня, XI, 117—119.
Медвѣдь (апологъ), III, 180.
Меня вы дразните прекрасными стихами, XII, 273—275.
Меня „За ненависть къ журналамъ“ судятъ строго, XII, 370—371.
Меранъ, XII, 117—125.
Мери-Нери, XII, 219—220.
Милонову, III, 19.
М. И. Глинкѣ, IV, 203.
Младой пѣвецъ, III, 380.
Младость, IV, 19.
Мнимому классику, IV, 48.
Мнѣ не къ лицу шутить, не по душѣ смѣяться, XII, 435.
Мнѣ нужны воздухъ вольный и широкій, XII, 137.
Мое мнѣніе о нынѣшней войнѣ, XI, 321—323.
Моей рукой ты раненъ былъ слегка, III, 94.
Мои желанія, III, 314—315.
Моленіе Лауры, III, 205.
Молись, IV, 237—239.
Молитва, IV, 242—243, 356.
Молитва Ангелу Хранителю, IV, 362.
Молитвенныя думы, III, 255—258.
Молодой Эпикуръ, III, 12.
Молотокъ и гвоздь, III, 341.
Море, IV, 14—17; XI, 88—93; XII, 334—335.
Море широкое, море пространное, XII, 191—193.
Москва, XII, 369—372.
Моя комната въ Вене, XI, 180—182.
Моя Легенда, XII, 554—557.
Моя молитва, IV, 305—307.
Мудрецъ или лѣнтяй, иль просто добрый малый XII, 485.
Мудрость, III, 293.
Мужество, XI, 414.
Мы въ сторонѣ чужой, но сердце наше дома, XI, 160—163.
Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними розно, XI, 376—377; XII, 163—164.
Мы за собой не примѣчаемъ, XII, 379.
Мѣсячная ночь, XII, 318—320.
Мѣсячной ночи сіянье, XII, 419—420.
Мюнхенъ, XI, 165.

На берегу Леманскаго озера, XI, 147—153.
На болѣзнь принца Наполеона, XI, 158.
На бракосочетаніе княжны Е. А. Вяземской, III, 8.
На взяточниковъ громъ, все съ каждымъ днемъ сильнѣй, XII, 504.
Надгробная надпись С. С. Кушникову, IV, 241.
Надменный нуль, пигмей, крикунъ картавый, III, 299.
Надпись надъ бюстомъ Императора Александра I-го, III, 45.
Надпись на памятникѣ супругѣ И. И. Новосильцева, IV, 170.
Надпись солдату, III, 246.
На желѣзной дорогѣ, въ день отъѣзда изъ деревни, XII, 265—266.
На жиломъ берегу, XII, 136.
Назвалъ бы ты журналъ свой заведеньемъ, XII, 361.
На Canal grande леди. миссы, XII, 28.
Накинутъ на гондолу фельце, XII, 96.
Намъ кое-что еще темно въ натурѣ, XI, 427—428.
На нашей почвѣ урожайной, XII, 161.
На нихъ вы клеплете напрасно, XII, 361.
На новый годъ (графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной), III, 65.
На новый 1828 годъ, IV, 3—5.
На нѣкую поэму, III, 239.
На открытіе въ Москвѣ дома Россійскаго Благороднаго Собранія, III, 88—90.
На память, IV, 207—208.

На память о посѣщеніи Великимъ Княземъ Государемъ Цесаревичемъ домика Петра Великаго въ Сардамѣ, XII, 374—375.
На память о себѣ, какъ надпись на гробницѣ, XII, 194.
На поэмы въ честь Петра Великаго, III, 52.
Напрасно говорятъ, что будто Полидоръ, III, 11.
На пріѣздъ принцессы Дагмары, Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, XII, 267—270.
На пріѣздъ Словенъ въ Россію, XII, 293.
На прощанье, XI, 219—221.
Нарвскій водопадъ, III, 408—409.
Наружностью твоей спасется честь твоя, XI, 454.
На смерть А. А. Иванова, XI, 287—291.
Наталіи Николаевнѣ Пушкиной, IV, 262.
Нахимовъ, Бебутовъ побѣды близнецы! XI, 98—99.
На церковное строеніе, XI, 231—233.
Наши дачи хороши, IV, 284—285.
Наши Ларошфуко, III, 401.
Нашъ вѣкъ, IV, 259—261.
Нашъ вѣкъ, всѣмъ жертвуя идеѣ, XII, 288.
Нашъ диллетантъ Молешотъ, XII, 164.
Невыгоды лѣта, III, 241.
Не глупо сказано: пожалуй, и Брызгаловъ, XI, 455.
Не говорю, что я пишу умно, XII, 530.
Негодованіе, III, 164—169.
Не даромъ здѣсь вода, вездѣ вода, XII, 69—71.
Не даромъ нашъ должникъ слываетъ краснобаемъ, XI, 454.
Не для меня, IV, 128—130.
Недовольный, III, 381—382.
Не жди себѣ отъ ближняго пособья, XI, 451.
Не надо грустныхъ словъ прощанья, XI, 381—382.
Ненастье, XI, 189.
Не помните? XI, 115—116.
Не рѣдко намъ, XI, 373.
Не спорю я: онъ не глупецъ, XI, 453.
Нетлѣнный цвѣтокъ, III, 436—437.
Не тѣмъ трудна житейская дорога, XII, 416—417.
Нигдѣ такъ роза не алѣетъ, XII, 221—222.
Николаю Аркадіевичу Кочубею, XII, 31—32.
Ни лѣтъ, ни старшинства, XII, 362.
Ницца, XI, 313—314.
Н. М. Д., IV, 92—93.
Н. Н., IV, 21.
Notturno, XII, 33—34, 209—210, 212—213, 216.
Ночь, IV, 271.
Ночь въ Венеціи, XI, 76—78.
Ночь въ Ревелѣ, IV, 274—277.
Ночь на Босфорѣ, IV, 344—345.
Ночью на желѣзной дорогѣ, XI, 67—70.
Нравоучительныя четверостишія, (Изъ Вольтера), IV, 67—68.
Нѣмецкая природа, XI, 456—457.
Нѣтъ, на него поклепомъ не грѣши, XII, 167.
Нѣтъ, я отъ гласности не прочь, XII, 172—174.

Объявленіе, III, 13.
Объясненіе и разрѣшеніе Восточнаго вопроса, XII, 553.
Одесса, XI, 121—125.
Одно сокровище, XI, 48—51.
Одному изъ многихъ, XII, 13.
Одну весну онъ знать привыкъ, XII, 178.
О. С. Пушкиной, III, 405.
О Матери Его, о Матери Царицѣ, XI, 210—211.
О нашихъ нигилистахъ, XII, 13.
Онъ вовсе не Гомеръ, а общее съ нимъ что-то, XII, 166.
Онъ говоритъ и дѣло, но такъ вило, XI, 452.
Онъ золъ, по крайней мѣрѣ злится, XI, 376.
Онъ общимъ мнѣньемъ былъ разбитъ на обѣ корки, XII, 167.

Оправданіе, XII, 18—20.
Оправданіе Вольтера, III, 33.
Оправданіе Тургенева, IV, 131—132.
Оріанда, XII, 330—333.
О Русскій Богъ! Какъ встарь, Ты намъ заступникъ буди! XI, 173.
Оселъ и быкъ, III 305.
Осень, XI, 404—405; XII, 473.
Осень 1830 года, IV, 96—98.
Остафьево, XI, 262—264.
Отвѣтъ, IV, 190—191.
Отвѣтъ древняго мудреца, III, 341.
Отвѣтъ фонъ-Визина, III, 202.
Отличнымъ вкусомъ, острословьемъ, XI, 372.
Отложенныя похороны, III, 281—283.
Отрывки изъ журнала исповѣди, IV, 157—163.
Отрывокъ, III, 245.
Отрывокъ изъ стихотворенія Деревня, III, 143—145.
Отсутствующій виноватъ, XII, 432.
Отшельникъ, спрятанный въ Капрерѣ, XII, 283—286.
Отъѣздъ, XI, 195—196.
Очарованіе, IV, 350.
Очерки Карлсбада, XI, 304—307.
Ошибка врача, III, 237.
Очерки Москвы, XI, 272—277.

Палестина, XI, 43—47.
Памфилъ забавенъ за столомъ, III, 94.
Памяти***, XII, 151—155.
Памяти графа Д. Н. Блудова, XII, 45—48.
Памяти Авраама Сергѣевича Норова, XII, 402—406.
Памяти живописца Орловскаго, IV, 217—221.
Памяти М. П. Погодина, XII, 505—507.
Памятникъ Петру I-му въ Карлсбадѣ, XI, 62.
Пастухъ и овца, III, 265.
Пенять цензурѣ намъ не кстати, XII, 168—169.
Первый отдыхъ Вадыхалова, II 276—279.
Первый снѣгъ, III, 146—149.
„Per obedir la“, XII, 102—104.
Петербургская ночь, IV, 249—251.
Петербургъ, III, 157—160.
Петергофъ, XII, 224—225.
П. А. Плетневу и Ѳ. И. Тютчеву, XII, 126—127.
Петръ Алексѣевичъ, XII, 299—304.
Печально видѣть, какъ казармы, XII, 65.
Пиши пропало, III, 373—374.
Плачь изъ Петергофа, XII, 381—382.
Plutôt être que paraître, XI, 36—37.
Погребъ, III, 117—118.
Подмосковная, XII, 235—237.
Подъ камнемъ сынъ лежитъ Надаль, III, 75.
Подъ фирмой пернаго апрѣля, XI, 199.
Пожалуй, онъ и однороденъ, XI, 453.
Пожаръ на небесахъ, XII, 37.
Поздравить ли мнѣ Васъ, XII, 226—227.
Поздравленіе, XII, 248—249.
Покажется она, XI, 454.
Полтава, IV, 339—343.
Польской (пѣснь на взятіе Парижа), III, 46—47.
Поминаніе, IV, 167—169.
Поминки, XI, 8—21; XII, 139—140, 536—540.
Поминки по Бородинской битвѣ, XII, 391—401.
По мнѣ—онъ просто скучный враль, XI, 445.
По мосту, мосту, XII, 30.
Попробуй съ рѣзнымъ неофитомъ, XI, 442.
Пора пересмотрѣть всѣ наши словари, XII, 16—17.
По поводу новыхъ пріобрѣтеній Россійскаго языка, XII, 484.
Пора стихами заговѣться, XII, 359—360.
Порученіе въ Ревель, IV, 177—179.
Португальская пѣсня (изъ Байрона), III, 196.
Посвященіе, XI, 270.

Посланіе къ * въ деревню**, III, 3—5.
Посланіе къ А. А. Б., IV, 49—51.
Посланіе къ графу Д. Н. Блудову, IV, 368—369.
Посланіе къ И. И. Дмитріеву, III, 294—297.
Посланіе къ М. Т. Каченовскому, III, 219—223.
Посланіе къ Д. Н. Сѣверину, XI, 362—367.
Посланіе къ А. И. Тургеневу (съ пирогомъ), III, 189—191.
Послушать—вѣкъ нашъ вѣкъ свободы, XI, 344—345.
Послѣдній Олимпіецъ, XII, 449—450.
По современному зоологическому вопросу, XII, 483.
Потокъ и рѣка, III, 177.
Пошла писать, III, 240.
Поэтическій вѣнокъ Шутовскаго, III, 84—85.
Поэту-Археографу, XII, 463—464.
Поэтъ, чтобъ быть великъ, не долженъ подражать, III, 7.
Поэты стараго почета, XII, 161—163.
Прага, XI, 63—64.
П. Ѳ. Перфильевой, рожденной графинѣ Толстой, IV, 282—283.
Предопредѣленіе, IV, 142.
Предостереженіе, IV, 52.
Прекрасенъ міръ! Театръ великолѣпно-чудный! XII, 178.
Прекрасной Итальянкѣ, III, 82.
Прелести деревни, III, 339—340.
Прелестный край! Надъ свѣтлой Брентой, XII, 105—106.
При возвращеніи долго задержаннаго альбома, III, 197.
Привычка, XII, 521—522.
Привѣтствіе В. А. Жуковскому, IV, 331—334.
Признанье, III, 23.
Примѣру слѣдуя ученаго народа, III, 49.
При Ней намъ вѣетъ на чужбинѣ, XI, 143—144.
Принцессѣ Ольденбургской, XI, 164.
При посылкѣ двухъ монхъ портретовъ, XI, 278.
Природа всѣмъ намъ мать родная, XII, 165.
При старости, откланявшись веселью, III, 298.
Природы странною игрой, XI, 453.
Пріятель мой, къ тому жъ ринмачъ, XI, 454.
Пробудится ль мой слухъ напѣвами Травіаты, XII, 489—491.
Прогулка, XI, 184—185.
Прогулка въ степи, IV, 106—108.
Простоволосая головка, IV, 23—24.
Простосердечный отвѣтъ, III, 386.
Противорѣчишь ли ему хоть маломальски, XII, 177.
Прощаніе, IV, 166.
Прощаніе воина, III, 347—348.
Прощаніе съ Ниццею, XI, 319—320.
Прощаніе съ халатомъ, III, 150—153.
Проѣздомъ чрезъ Кишиневъ, XII, 355—358.
Проѣздъ чрезъ Францію въ 1851 г., IV, 372—374.
Путь къ честности, III, 31.
Пьянство, IV, 20.
Пѣсни, III, 35, 124, 140—142, 286, 332; IV, 125, 164—165.
Пѣснь въ день рожденія Государя Императора Александра I-го, III, 87.
Пѣснь въ день юбилея графа Д. Н. Блудова, IV, 365—367.
Пѣснь въ день юбилея И. А. Крылова, IV, 211—213.
Пѣснь вѣваки, III, 349.
Пѣснь лейбъ-гусаровъ, XII, 365—367.
Пѣснь на день рожденія Жуковскаго, IV, 329—330.
Пѣснь Русскаго ратника, XI, 40—41.

Разбитая статуя, III, 119.
Разговоръ, III, 251; IV, 147—148.
Разгуляевскому обществу, III, 126—127.
Раздумье, IV, 281.
Разнообразной остротою, XII, 530.
Разъ кѣмъ-то сказано остро и очень кстати, XII, 166.
Рейнъ, XI, 458—461.
Ренейникъ, III, 264.

Римъ, IV, 287—288.
Ристори, XI, 359—361.
Родительскій домъ, IV, 113—118.
Роза и Кипарисъ (Графинѣ Потоцкой), IV, 197.
Романсъ, XII, 403—409.
Романцеро, XI, 285.
Ронъ, XI, 186—187.
Русскіе проселки, IV, 256—258.
Русскій богъ, III, 450—453.
Русскій плѣнникъ въ стѣнахъ Парижа, III, 91—93.
Русскій романтикъ Русскому классику, IV, 18.
Русской крылатой дружинѣ, IV, 377—379.
Р—у, III, 433.
Рыбакъ, XI, 94—97.
Рябина, XI, 154—157.

С., III, 183.
Саловка (глава изъ путешествія въ стихахъ), IV, 56—58.
Самоваръ, IV, 225—228.
Santa Elena, XII, 57—58.
Сбылось мое пророчество предъ свѣтомъ (Мадригалъ), III, 109.
Свободой дорожу, но не свободой вашей, XI, 386—388.
Своей повадкой неусыпной, XII, 436—437.
Своею славой безымянной, XI, 453—454.
Своимъ неромъ тупымъ и бурнымъ, XII, 166—167.
Святая Русь, IV, 311—315.
Святочная шутка, IV, 110—111.
Ce que j'aime et ce que je hais, XII, 206—208.
Сельская пѣсня, IV, 86—87.
Сельская церковь, XI, 234—236.
Семь пятницъ на недѣлѣ, III, 410—412.
Сергѣю Александровичу Николаевскому, XII, 471—472.
Сибирякову, III, 210—212.
Сицилійская пѣсня, XI, 218.
Скажи, какъ могъ попасть ты въ либералы, XII, 529.
Скажите, отчего иной такъ въ душу вьется, XI, 454.
Сказать о Фирсѣ мнѣнье трудно, III, 94.
Сквозь зелень блѣдныхъ маслинъ, XII, 156.
Скользя налѣво и направо, XII, 165—166.
Слеза, IV, 94.
Слезная компилята, XII, 241—242.
Слезы, IV, 85.
Слезы прощанія, III, 438.
Слово примиренія, XI, 281—283.
Слово Шамфора, XII, 484.
Слуху милыя названья, XII, 328—329.
Слухъ изъ Ливадіи, XII, 429.
Смиреніе, XI, 415.
Снѣгъ, XI, 188.
Современная легенда, XII, 496—500.
Современныя замѣтки, XI, 107—110.
Совсѣмъ я выбился изъ мочи, XII, 6.
Сознаніе, XI, 128—129.
Спросите Бисмарка, XII, 179—180.
Спрошу, зачѣмъ землетрясенье, XII, 501.
Сравненіе Петербурга съ Москвой, III, 289.
Стансы (А. П. Готовцовой), IV, 53.
Станція, IV, 32—41.
Старое поколѣніе, IV, 247—248.
Старому гусару, IV, 151—153.
Старость, XI, 413.
Старый гондольеръ, XII, 84—87.
Статуя Геркулеса и прохожій, III 331.
Стень, IV, 335—336.
Стенью, IV, 337—338.
Стихи, вырѣзанные на мертвой головѣ, обращенной въ чашу, III 206—207.
Стихи на обѣдъ барону Сакену, III 125.
Столъ и постеля, III, 238.
Сумерки, IV, 323—324.
Судьба насъ за носъ водитъ всѣхъ, XII, 530.
Сфинксъ, не разгаданный до гроб, XII, 373.

Съ его ль душонкою свободѣ цѣну знать, XII, 529.
Съ наружности ужь онъ не лысъ ли? XI, 453.
Съ одними бѣлъ онъ, то-есть, веленъ, XII, 529—530.
Съ веромъ въ рукѣ, враждой онъ пышетъ, XI, 376.
Съ раздумiемъ смотрю, IV, 272.
Съ тѣхъ поръ, какъ упраздняютъ будку, XI, 447.
Сѣтованiе, III, 346.
Сѣтованiе араба, III, 363.
Сюда, IV, 265.

Тамъ на земной границѣ, XII, 90.
Теперь всему и всѣмъ законъ, XII, 170—172.
Теперь мнѣ недосугъ, III, 428—429.
Тихiя равнины, XII, 415—417.
Того-сего, III, 378—379.
Тому сто лѣтъ, XII, 276—281.
Торчелло, XII, 91—93.
Тоска, IV, 137—138; XII, 214—215.
Тоска по запоздаломъ, XII, 181—186.
Три вѣка поэтовъ, IV, 88—89.
Тройка, IV, 188—189.
Тройка. Пѣсня, басня и быль, XII, 246—247.
Тропинка, IV, 319—322; XI, 409—411.
Трудная задача, III, 201.
Ты свѣтлая звѣзда, IV, 216.
1854-й годъ, XI, 103—106.

Убогiй и камень, III, 174.
Уголокъ, XII, 263—264.
Ударомъ молнiи растрескается камень, XII, 531.
Умъ и у насъ въ большомъ ходу, XII, 160.
У насъ и дважды-два все какъ-то лѣзетъ въ пять, XII, 379.
Унынiе, III, 193—195; XI, 258—259.
Усладъ, III, 184—185.
Уставъ столовой (подражанiе Панару), III, 198—199.
У страха глаза велики, XI, 292—294.
Утро на Волгѣ, III, 233—236.
Утѣшенiе, IV, 289—290.
Ухабъ, III, 154.
Уѣздный врачъ, Эрастъ, въ часы свободы, III, 75.

Ферней, XI, 324—326.
Флоренцiя, IV, 192—193.
Фонтаны! жаль васъ, отдохните, XII, 407.
Фотографiя Венецiи, XII, 21—24.
Французскiе журналы, XII, 14—16.
Французы — хвастуны и не таятъ того, XII, 378.
Фрегатъ Александръ Невскiй, XII, 158—159.
Фрейбергъ, XI, 57—61.
Фрейлинѣ Огаревой, XII, 245.

Хандра, IV, 135—136; XII, 4—5.
Хандра съ проблесками, XII, 513—520.
Характеристика, III, 401.
Хорошiе люди, XI, 419—425.
Хоть съ заочнымъ поздравленьемъ, XI, 42.

Царица красоты, XI, 82.
Царскосельскiй садъ зимою, XI, 391—393.
Царскосельскiя сплетни, XII, 428.
Царь-Горохъ, XI, 237—239.
Цвѣтокъ, XII, 517—518.
Цвѣты, III, 303—304.
Цензоръ, IV, 95.

Чего-то нѣтъ въ его натурѣ, XII, 529.
Человѣкъ и мотылекъ, III, 179.
Чернильница и перо, III, 177.
Черныя очи, IV, 42.
Черта мѣстности, III, 385.
Чертогъ Твой вижу, Спасе мой, XI, 271.
14 января въ Вене, XI, 177.
Чистосердечный врачъ, III, 237.
Что мой свѣтикъ луна, IV, 301—302.
Что такъ шумите вы? XI, 426.
Чуфутъ-Кале, XII, 312—313.

16 апрѣля 1866, XII, 253–256.
6 декабря 1854, XI, 159–160.
6 мая 1868 года, XII, 368.
Шлоссъ Планта, XII, 128—129.
Шутка, III, 335—336, 359—360; IV, 252—253.
Шуточныя замѣтки, XII, 445—446.

Щеголеву, XI, 126—127.
Щипцы и свѣчи, III, 432.

Эверне, IV, 229—233.
Эпиграммы, III, 7, 70, 192, 208–209, 217, 248—250, 267—269, 305, 311, 330, 333–334, 348, 361—362, 390, 401, 431; IV, 54, 71—72, 109.
Эпитафія И. П. А., IV, 22.
Эпитафія себѣ заживо, XII, 439.
Эрнестинѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой, XII, 76–79.
Эсмеральда, XI, 224–227.

Юпитеръ, Фебъ и Момъ, III, 280.

Я было разлюбилъ красавицу свою, XII, 55—56.
Я вѣкъ тебя хвалю, ты вѣкъ меня ругаешь, III, 11.
Я жду тебя, III, 116.
Языкъ и зубы, III, 317.
Ялта, XII, 336—337.
Я не умѣлъ постигнуть жизни смысла, XII, 12.
Я пережилъ, IV, 215.
Я піѣнье соловьевъ любилъ въ свой возрастъ дѣтскій, XII, 440.
Я тихъ и кротокъ сталъ, XII, 362.

Ѳедору Ивановичу Тютчеву, XII, 41—43, 157.

1863 г.

DLXXXV.

КОРНЕЛІИ МЕЙЕРБЕРЪ.

Нѣтъ, въ темные мои и поздніе года
На радость въ будущемъ безумны упованья:
Не смѣю вамъ сказать я: до свиданья!
И силы нѣтъ сказать: простите навсегда!
Но позабыть ли мнѣ день милой съ вами встрѣчи?
Мнѣ помнится не разъ, что, скорбь свою тая,
Я вашей молодой заслушивался рѣчи,
На свѣтлый образъ вашъ заглядывался я.
Когда, подъ сумракомъ недуга и печали,
Тянулись медленно болѣзненные дни
И чувства хладныя во мнѣ такъ одичали,
Что ласки дружеской чуждалися они, —
Вы облако мое улыбкой озарили:
Унынья моего не испугались вы,
И съ вашей розами увѣнчанной главы
Мнѣ свѣжихъ нѣсколько листковъ вы удѣлили.
Весной повѣяло отъ васъ зимѣ моей:
Такъ роза иногда алѣетъ на могилѣ;
Такъ на кладбищѣ при ночномъ свѣтилѣ
Пѣснь звонкую поетъ весенній соловей.

DLXXXVI.

ХАНДРА.

А есть же гдѣ-нибудь пріютный уголокъ,
Гдѣ бъ могъ я отыскать спокойство и здоровье,
Гдѣ бъ жизнь моя вошла въ свой обыденный токъ,
Гдѣ сонъ дало бы мнѣ ночное изголовье?

Есть этотъ уголокъ. Мерещится онъ мнѣ,
Какъ пристань тихая пловцу въ дали туманной,
Но нѣтъ попутнаго мнѣ вѣтра къ той странѣ,
Но недоступенъ мнѣ тотъ край обѣтованный.

Вездѣ ищу его, но тщетенъ поискъ мой:
Какъ оный Агасферъ, на коемъ Божья кара,
Изъ края въ край гоннмъ и день и ночь тоской,
Отвсюду такъ и я бѣгу, какъ отъ пожара,—

Но лютый сей пожаръ переношу въ себѣ;
Куда ни брошусь я, вездѣ одно и то же:
И день томительный въ безвыходной борьбѣ,
И ночь безсонная, и огненное ложе!

Мужайся, говорятъ. Есть воля. Ею ты,
Какъ воинъ, облекись въ доспѣхъ и ратуй смѣло.

Слова и ложь одна! Все гордости мечты:
И воля въ насъ больна, когда хвораетъ тѣло.

Соль — вещь полезная, сказалъ Учитель нашъ:
Но, если и она вдругъ оскудѣетъ силой,
Чѣмъ осолишь ее, чѣмъ крѣпость ей придашь?
Не то же ль съ волею болящей и унылой?

Мужайся, говорятъ! — Премудръ и благъ совѣтъ.
Но чѣмъ упадшій духъ воспрянуть приневолю?
На черный день у насъ запасной воли нѣтъ,
Чтобъ ею подкрѣпить разслабленную волю.

Не знаю, что бъ могло утѣшить и развлечь
Тоскующей души томительную праздность.
Чужда мнѣ ближняго привѣтливая рѣчь,
Не радуетъ меня весны благообразность.

Лѣнивый сонъ души не могутъ пробудить
Высокаго ума сказанья и уроки.
Не въ силахъ чувствъ моихъ увядшихъ освѣжить
Когда-то милой мнѣ поэзіи потоки.

Къ прекрасному душой усталой охладѣвъ,
Не упиваюсь я ихъ звучными волнами;
Не увлекаетъ вдаль ихъ родственный напѣвъ,
И на мечты пѣвца не отзовусь мечтами...

Не чую струй живыхъ въ душевной глубинѣ:
Оледенили ихъ болѣзнь, тоска и годы.
Какъ буква мертвая — и книга жизни мнѣ,
И книга чудная таинственной природы.

Я пережилъ себя: развалинъ рядъ за мной.
Во мнѣ страдать одна способность уцѣлѣла,
И полумертвый жду, чтобъ хладною рукой
Смерть разрушительный свой трудъ запечатлѣла.

DLXXXVII.

Совсѣмъ я выбился изъ мочи!
Безсонница томитъ меня,
И дни мои черпѣе почи,
И ночь моя бѣлѣе дня.

Днемъ жизни шумъ надоѣдаетъ,
А въ одиночествѣ ночей
Во мнѣ досаду возбуждаетъ
Сонъ и природы, и людей.

Ночь вызываетъ злыя мысли,
Чувствъ одичалость, горечь думъ:
Не перечислишь, какъ ни числи,
Все, что̀ взбредетъ въ мятежный умъ.

Ночь злой наушникъ, злобный Яго,
Цѣдитъ онъ въ душу ядъ тайкомъ.
Вы говорите: жизнь есть благо,
Что жь послѣ назовете зломъ?

DLXXXVIII.

Tout m'afflige et me nuit et conspire à me nuire.
Racine.

Все въ скорбь мнѣ и во вредъ. Все въ общемъ заговорѣ
Мнѣ силится вредить и нанести мнѣ горе.
Сдается, что судьбой я отданъ съ давнихъ поръ
Ея чиновникамъ подъ мелочной надзоръ,
Что каждому изъ нихъ особымъ порученьемъ
Дано за мной слѣдить и съ злобнымъ ухищреньемъ,
Чего бъ ни пожелалъ, что̀ дѣлать ни начну,
Все мнѣ въ бѣду зачесть, иль ставить мнѣ въ вину.
Отъ сихъ лазутчиковъ усердныхъ и прилежныхъ,
Невидимыхъ всегда и всюду неизбѣжныхъ,
Укрыться не могу: ихъ тяжкая рука,
То явно, то въ тиши таясь, исподтишка,
Царапиной, щелчкомъ или ударомъ грома —
Мнѣ чуется во всемъ и на людяхъ, и дома,
Гдѣ съ глазу на глазъ я съ собой назаперти
Хотѣлъ бы въ самого себя отъ нихъ уйти.
Иль я игрокъ плохой, иль жизнь игра плохая:
Но все я въ дуракахъ, въ накладъ себѣ играя,
То въ картахъ синглетонъ, то на бильярдѣ **киксъ.**
Такъ къ лучшему идетъ все въ лучшемъ нашемъ **мірѣ,**
Гдѣ для меня успѣхъ — все неизвѣстный *x*,
А неудача сплошь — какъ дважды два четыре.

DLXXXIX.

„Зачѣмъ вы, дни?“ сказалъ поэтъ [1]).
А я спрошу: „Зачѣмъ вы, ночи?“
Зачѣмъ вашъ мракъ сгоняетъ свѣтъ
И занавѣшиваетъ очи?

И такъ жизнь наша коротка,
И время годы быстро коситъ,
А сонъ изъ этого клочка
Едва ль не треть еще уноситъ.

Счастливцу — сонъ? Онъ у него
Часы блаженства похищаетъ,
А налету и безъ того,
Онъ ихъ такъ мало насчитаетъ.

Счастливцу сонъ — разрывъ со всѣмъ,
Чѣмъ сердце радостью дышало:
Какъ мертвый, слѣпъ онъ, глухъ и нѣмъ,
Души, какъ будто, не бывало.

Смерть называютъ вѣчнымъ сномъ,
А въ здѣшнемъ временно мертвѣемъ.
Зачѣмъ намъ спать? Когда потомъ
Мы вдоволь выспаться успѣемъ.

---

[1]) Баратынскій.

Когда бъ я съ счастьемъ былъ знакомъ,
О, какъ бы сонъ я ненавидѣлъ!
На кладъ мой, на святыню въ немъ
Я посягателя бы видѣлъ.

Страдальцу сонъ же не съ руки,
Средь тяжкихъ думъ, средь грозныхъ мраковъ,
На одръ недуга и тоски
Не сыплетъ онъ прохладныхъ маковъ.

Весь мутный илъ, которымъ дни
Заволокли родникъ душевной,
Изъ благъ, обломки ихъ одни,
Разбитые волною гнѣвной,

Всплываетъ все со дна души
Въ тоскѣ безсонницы печальной,
Когда въ таинственной тиши,
Какъ будто отзывъ погребальной,

Несется съ башни бой часовъ;
И мнѣ въ тревогу и смущенье
Шумъ собственныхъ моихъ шаговъ,
И сердца каждое біенье...

Умъ весь въ огнѣ; безъ сна горятъ
Неосвѣжаемыя очи,
Злость и тоска меня томятъ...
И вопію: зачѣмъ вы, ночи?

DXC.

Въ насъ внутренно идетъ война,
Война вражды междоусобной:
Жизнь и дѣйствительностью злобной,
И злобнымъ призракомъ страшна.

Зло осаждаетъ жизнь кругомъ:
А смертный одаренъ искусствомъ,
Вдобавокъ — потаеннымъ чувствомъ
Быть собственнымъ своимъ врагомъ.

Къ тому, что есть, умѣемъ мы
Придумать вредъ еще сторичной,
И если нѣтъ бѣды наличной,
Спѣшимъ бѣду схватить взаймы.

Бѣда и счастье—все слова:
Прямой ихъ смыслъ не въ лексиконѣ:
Ищи его въ душевномъ лонѣ,
Гдѣ буква мертвая жива.

Успѣхъ твой былъ бы мнѣ въ накладъ:
Что горечь мнѣ—другому сладость,
Что скорбь инымъ—другимъ на радость,
И что мнѣ кладь—другому кладъ.

Сонъ счастья есть условный знакъ,
И каждому онъ снится разно,
Но на яву однообразно
Страданье общій всѣмъ законъ.

DXCI.

Я не умѣлъ постигнуть жизни смысла,
Ни ей, ни силамъ я своимъ не зналъ цѣны.
Дѣла и дни мои—разбросанныя числа,
Которыя въ итогъ не сведены.

Все смѣшано: приходъ, расходъ и смѣты:
Богатымъ ли рожденъ иль бѣднымъ—Богъ вѣсть!
Пожалуй, роскоши найдешь во мнѣ примѣты,
Но нищеты примѣты также есть.

DXCII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Одному изъ многихъ.

Напрасно мыслишь ты, прекрасный либералъ,
Что отъ толпы впередъ далеко ты удралъ,
Что ты опередилъ свой вѣкъ столѣтьемъ цѣлымъ,
Что разумомъ своимъ, все свѣдущимъ и смѣлымъ,
Порядка новаго предтеча и пророкъ,
Народамъ и царямъ преподаешь урокъ.
Не вѣренъ твой расчетъ, и ложь въ твоей посылкѣ.
Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылкѣ,
Ты за-семьдесятъ лѣтъ перескочилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ повизной своей ты только-что заплата
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата.

2.

О нашихъ нигилистахъ.

(Avec circonstances atténuantes).

Грѣхъ ихъ преслѣдовать упрекомъ или свистомъ.
На нѣтъ — нѣтъ и суда: плодъ дастъ ли пустоцвѣтъ?
Ума въ нихъ нѣтъ, души въ нихъ нѣтъ,
Тутъ по неволѣ будешь нигилистомъ.

3.

Французскіе журналы.

(Sans circonstances atténuantes).

Французамъ-крикунамъ молчанье хуже пытки:
Имъ дома велѣно чиннехонько сидѣть,
На привязи держать языкъ свой, слишкомъ прыткій,
И къ старшимъ должное почтеніе имѣть.

Ихъ дядька разгадалъ и вышколилъ ихъ толкомъ;
И школьники, предъ нимъ съ испуга присмирѣвъ,
Съ досадой на душѣ, глотаютъ тихомолкомъ
Свой обезьянскій смѣхъ и дикій львиный ревъ.

Но иногда, чтобъ ихъ потѣшить хоть немножко,
Имъ разрѣшается, съ горячкой прежнихъ лѣтъ,
Ругаться и кричать на улицу въ окошко,—
И ужь тогда чужимъ прохожимъ спуску нѣтъ.

Всю злость и весь задоръ, что накипѣли дома,
Имъ любо выкинуть и желчи волю дать:
Заносчивая брань издавна имъ знакома,
И старый ихъ букварь опять идетъ въ печать.

Журнальные врали въ своей казенной школѣ
По данныхъ прописямъ даютъ размѣръ перу:
Но дома трезвые, постяся по неволѣ,
Ужасно пьянствуютъ они въ чужомъ пиру.

Теперь они ордой на насъ возстали дружно.
Имъ вѣрить — пробудилъ въ нихъ жалость Польши стонъ;
Нѣтъ, власть законную поколебать имъ нужно:
Имъ нравится мятежъ, какой бы ни былъ онъ.

Средь бѣшенства страстей бѣснуются ихъ перья.
Ни Польшей, ни дѣтьми ея не дорожа,

Играютъ жертвами слѣпого легковѣрья,
И лакомы они до крови мятежа.

Имъ весело, таясь подъ безопаснымъ кровомъ,
Вести дневникъ убійствъ, пожаровъ, грабежей
И раздражительнымъ, и ядовитымъ словомъ
Растравливать вражду двухъ родственныхъ семей.

Въ невѣжествѣ, своемъ преданій ихъ не зная,
Толкуютъ вкривь и вкось смыслъ древней ихъ борьбы,
И Промысла пути въ минувшемъ исправляя,
Кроятъ по своему народныя судьбы.

Чѣмъ баснь безсовѣстнѣй, чѣмъ клевета пелѣпѣй,
Чѣмъ больше гнусной лжи въ доносахъ, тѣмъ вѣрнѣй,
Тѣмъ лучше имъ пріемъ въ журнальномъ ихъ пертепѣ,
Въ бумажной фабрикѣ поддѣланныхъ вѣстей.

Краснѣешь за печать, за гласность, за журналы;
Призванье ихъ — людей смирять и просвѣщать;
Но вы, ханжи любви, а въ дѣлѣ зла нахалы,
Вы опозорили и гласность, и печать.

Орудье мирныхъ благъ, страстямъ своимъ въ угоду,
Преобратили вы въ губительный снарядъ:
Въ честь, въ добросовѣстность и въ самую свободу
Онъ мечетъ пламень свой и свой тлетворный ядъ...

Не власти, не цари, не строгіе законы
Умовъ развитію враждебны въ наши дни,
И на пути побѣдъ гражданственныхъ препоны
Насильственной рукой воздвигли не они.

Нѣтъ! вы одни — враги свободы и народа,
Вы лжеучители съ программой лживыхъ благъ:
Кровавымъ пугаломъ возставшая свобода,
Мятежъ — союзникъ вашъ, единственный рычагъ,

Которымъ двигать вы умѣете толпою,
Насильство и обманъ, гдѣ мало грубыхъ силъ,
И подстрекаемый корыстью и алчьбою
Разнузданныхъ страстей неутомимый пылъ.

Вотъ чѣмъ беретесь вы создать порядокъ новый,
Въ народахъ водворить и братство, и любовь,
Сорвать съ прозрѣвшихъ глазъ ихъ темные покровы
И вѣкомъ золотымъ утѣшить землю вновь.

Прелестный этотъ вѣкъ и ваше Эльдорадо!
Въ пастушеской любви, предавшись снамъ своимъ,
Въ своей Аркадіи свое стрежете стадо,
Чтобъ послѣ на пиру полакомиться имъ.

4.

Въ скотахъ и въ насъ, твердишь, способности однѣ.
Не спорю я съ тобой; но подражая знати,
Множественнымъ числомъ честишь себя некстати:
Скромнѣй и правильнѣй сказалъ бы ты во мнѣ.

5.

Въ нашъ вѣкъ [illegible]ъ хитеръ на проявленье.
Тамъ подчинилъ себѣ онъ моды произволъ
И новый комитетъ народнаго спасенья
Въ наряды черные одѣлъ весь женскій полъ,—

Здѣсь лозунгъ есть другой, и при народномъ кличѣ,
Оставя въ сторонѣ журналъ портныхъ и модъ,
Патріотизмъ велитъ не открывать Фениче
И бомбами пускать въ гуляющій народъ.

6.

Пора пересмотрѣть всѣ наши словари.
Осталась внѣшность словъ все та же; но внутри

Значенье ихъ прошло мытарствомъ измѣненій.
Что прежде звали: плутъ, теперь читайте: геній,
Что звали чернымъ мы, мы бѣлымъ признаемъ.
Тасуя масти словъ и душу ихъ вверхъ дномъ,
Что прежде звали мы наслльствомъ въ черствой прозѣ,
Теперь, благодаря тѣхъ словъ метампсихозѣ,
Есть полюбовныхъ чувствъ и сдѣлокъ договоръ.
И много словъ такихъ! Вотъ, напримѣръ, съ тѣхъ поръ,
Что невмѣшательство—правительствъ лозунгъ модный—
Торжественно вошло въ законъ международный,
По старымъ словарямъ поймешь не безъ труда:
Вмѣшательство во все, повсюду и всегда,
Съ которымъ многіе, гдѣ вовсе нѣтъ и слѣду,
Идутъ къ сосѣду въ домъ и даже не къ сосѣду
Хозяйничать, все съ тѣмъ, что, ближняго любя,
Никто не долженъ быть хозяинъ у себя.
Но тамъ, гдѣ лексикопъ, не двигался, коснѣетъ,
Политика свою лингвистику имѣетъ;
И хитрый грамотей, играющій въ слова,
По своему даетъ и толкъ имъ, и права.
Такъ видимъ въ наши дни, что силой обстоятельствъ
Вмѣшательствъ множество и столько жь замѣшательствъ.

14430

245
Библиотека

DXCIII.

ОПРАВДАНІЕ.

Вы спросите меня: какая мнѣ охота,
Усердною рукой смѣшного стихоплета
Играя риѳмами, какъ будто въ меледу,
Съ раздумьемъ общимъ быть такъ рѣзко не въ ладу?
Теперь не до стиховъ, до пѣсней, до идиллій.
Нѣтъ, дѣло ждетъ другихъ заботъ, другихъ усилій.
Когда подъ тучами сбирается гроза,
И все, что слышится и колетъ намъ глаза,
Такъ возмутительно, насильственно и грустно;
Когда ложь наглая и письменно, и устно
Насъ травитъ клеветой вездѣ и каждый часъ,
И свору злыхъ страстей накликала на насъ,
Дипломатической насъ окруживъ облавой:
Тутъ время ль тѣшиться ребяческой забавой?
На строгій вашъ вопросъ, похожій на упрекъ,
Скажу вамъ напрямикъ: я — русскій человѣкъ.
Когда не сломитъ онъ бѣды, съ судьбою споря,
Онъ, выбившись изъ силъ, запьетъ, бѣдняжка, съ горя,
Чтобъ грусть свою топить въ забвеньи и винѣ.
Запоемъ риѳмъ пришлось упиться такъ и мнѣ,
Съ попыткой потопить въ хмельныхъ своихъ чернилахъ
Печаль, которую я отвратить не въ силахъ.

Укора камнемъ вамъ швырнуть въ меня грѣшно.
У каждаго свое сподручное вино,
Которымъ онъ себя куражитъ въ горѣ. Каждый
Имѣетъ свой червякъ какой-нибудь до жажды.
Что жь дѣлать? Сознаюсь, что жаждою стиховъ
Вторымъ изданьемъ я—покойный графъ Хвостовъ.
Вы судите меня: нѣтъ, лучше пожалѣйте.
Великій Фридрихъ самъ, и тотъ игралъ на флейтѣ,
Чтобъ развлекать свою державную хандру.
Хоть я и не великъ, примѣръ съ него беру.
Мнѣ также нужно желчь и скорбь свою разсѣять:
Забывшись, нужно мнѣ на вѣтеръ рифмы сѣять,
Хотя извѣстно мнѣ, что съ этого труда
Не будетъ ни цвѣтовъ, ни сладкаго плода.

Указанный мнѣ путь я измѣнить не воленъ,
Я европейскими повѣтріями боленъ,
Я ими до души проникнутъ, до костей.
Я боленъ отъ газетъ, депешъ, рѣчей, статей,
Отъ этой гнусной лжи, какъ хляби при потопѣ,
Залившей здравый смыслъ и совѣсти въ Европѣ.
И сыщется ль, иль нѣтъ, спасительный ковчегъ,
Чтобъ истину сберечь и высадить на брегъ?
Предвидѣть мудрено при общемъ катаклизмѣ.
И стокъ всей этой лжи—въ парижскомъ журнализмѣ.

Всѣхъ пуще я взбѣшенъ Журналомъ де деба:
Въ немъ съ жалкой трусостью надменности борьба.
Двуличный либералъ съ улыбкой сладко-кислой,
Смиренникъ у себя и злой крикунъ надъ Вислой,
Кудряво расцвѣтивъ увертливую рѣчь,
Не прочь Европу онъ изъ края въ край зажечь,
Чтобъ грѣясь предъ огнемъ, въ приличномъ разстояньи,
Народамъ толковать объ ихъ преуспѣяньи.
Читать терпѣнья нѣтъ, тоска и злость беретъ;
А не читать нѣтъ силъ: на пытку такъ и претъ.

Тутъ чувствуешь себя предъ злобой безоружнымъ,
Здоровья не придать безвыходно педужнымъ,
Не выпрямишь того, въ комъ совѣсть на боку:
И хватишь чарку ріемъ, чтобъ заморить тоску.

DXCIV.

ФОТОГРАФІЯ ВЕНЕЦІИ.

Князю Павлу Петровичу Вяземскому.

Луна взошла, и чудным блескомъ
Осеребрилась ночи мгла:
Чуть зыблется вода подъ плескомъ
Легко скользящаго весла,
Какъ тучка, молча, тѣнью черной,
Перебѣгаетъ синій сводъ,
Нѣмая гондола проворно
Скользитъ по лону свѣтлыхъ водъ.

Кругомъ волшебныя картины
И баснословный міръ чудесъ:
Изъ лона зеркальной пучины,
Подъ синей крышею небесъ,
Встаютъ изящныя громады,
Искусства смѣлаго труды;
И поражаетъ мысль и взгляды
Сей міръ, возникшій изъ воды.

Въ объемѣ чудной панорамы
Земли не видно: все вода.

Пловучіе дворцы и храмы,
Какъ бы на якорѣ суда,
Какъ будто ждутъ, чтобъ вѣтръ попутной
Расшевелилъ ихъ паруса!
Глядитъ задумчиво и смутно
Дворцовъ маститая краса!

На ихъ стѣнахъ столѣтій почеркъ,
Но нѣтъ ихъ прелестямъ цѣны,
Когда рисуется ихъ очеркъ
Подъ бѣлымъ заревомъ луны.
Рѣзецъ твердынямъ этимъ мрачнымъ
Далъ мягкость, выпуклость и грань,
И словно кружевомъ прозрачнымъ
Сквозитъ ихъ каменная ткань.

Какъ все таинственно, какъ странно,
Въ семъ царствѣ дивной красоты:
На все ложится постоянно
Тѣнь поэтической мечты,
И жадно выжидаютъ очи,
Что жизнью облекутся сны,
Что выступятъ изъ мрака ночи
Дѣла и лица старины.

Тамъ выдается островъ темный
Въ громадной стройности своей,
Красуясь, чашею огромной,
На синей скатерти зыбей.
За нимъ, пустыню оживляя,
Чернѣетъ сквозь ночной покровъ
Въ просторѣ волнъ, купаясь, стая
Другихъ роскошныхъ острововъ.

Вотъ разноцвѣтными огнями
Ходъ гондолы вдали блеснулъ,

И сладкозвучными волнами
По воздуху несется гулъ.
Поютъ родныя баркаролы
Народныхъ думъ языкъ живой;
Напѣвъ то грустный, то веселый —
Смѣхъ звонкій пополамъ съ тоской.

Слетѣлись гондолы на Фреско,
Стоятъ внимательно кругомъ,
Во тьмѣ обозначалсь рѣзко
Потѣшнымъ, праздничнымъ огнемъ.
Мостъ ди ріяльто звучной аркой
Эскадру гондолъ пріютилъ,
И пѣсней кликъ, и пламень яркой
Мракъ огласилъ и освѣтилъ.

Любуясь роскошью ночною,
Блескъ двухъ картинъ собравъ въ одну,
Припоминали мы съ тобою
Другія ночи и луну,
И дальній берегъ на чужбинѣ,
Гдѣ также блещутъ небеса,
И море — пеленою синей.

Тамъ кипарисные лѣса,
Тамъ льется розъ благоуханье
Съ воздушной, теплою струей;
Тамъ нѣга, тамъ очарованье
Такъ полновластны надъ душой;
Тамъ подъ охраною столѣтій
Созданья зодческихъ затѣй,
И минареты, и мечети
Плѣняютъ странностью своей!

Такъ настоящимъ наслажденье
И память чувства о быломъ

Въ одно сливались упоенье
Своимъ таинственнымъ сродствомъ.
И мы ночей восточныхъ съ южной
Рѣшали полюбовно споръ,
Привѣтствуя хвалою дружной
Адріатическій Босфоръ.

DXCV.

ВЕНЕЦІЯ.

Ни движенья нѣтъ, ни шуму
Въ этомъ царствѣ тишины;
Поэтическую думу
Здѣсь лелѣятъ жизни сны.

Дни и ночи беззаботны,
И прозрачны ночь и день!
Все — какъ призракъ мимолетный,
Молча все скользитъ, какъ тѣнь.

Но въ роскошной нѣгѣ юга
Всюду чуешь скрытый гнѣвъ;
И сердито другъ на друга
Дуются орелъ и левъ.

Не дошло еще до драки;
Тишина передъ грозой:
Но по небу ходятъ мраки
Надъ напуганной землей.

DXCVI.

Къ лагунамъ, какъ frutti di mare,
Я крѣпко и сонно приросъ.
Что̀ было—съ днемъ каждымъ все старѣй,
Что̀ будетъ? Мнѣ чуждъ сей вопросъ.

Сегодня второе изданье
Того, что прочелъ я вчера:
А завтра? Напрасно гаданье!
Еще доживу ль до утра?

А если дожить и придется,
Не сыщется новая цѣль:
По прежнему мнѣ приведется
Все ту же тянуть канитель.

Спросите улитку: чего бы
Она пожелала себѣ?
Страстями любви или злобы
Горитъ ли, томится ль въ борьбѣ?

Знакома ль ей грусть сожалѣній?
Надежда—сей призракъ въ тѣни?
И мучитъ ли жажда сомнѣній
Ея равнодушные дни?

И если вашъ розыскъ подмѣтитъ
Въ ней признакъ и смыслъ бытія,
И если улитка отвѣтитъ,—
Быть можетъ, отвѣтъ дамъ и я.

DXCVII.

На Canal grande леди, миссы
Слетѣлись, будто саранча;
Подъ шляпкой образъ бѣлобрысый,
А шляпка словно каланча.

Плывутъ; въ рукѣ ихъ книга, очи
Прикованы къ ея листкамъ,
Читаютъ всѣ изо всей мочи —
И не глядятъ по сторонамъ.

Дворцы и храмы идутъ мимо,
И берега, и острова —
Окаменѣвъ невозмутимо,
Не обернется голова.

Пытливый умъ ихъ любознатель,
Но не того, что есть: милѣй
Имъ знать, что скажетъ указатель,
И подтвердитъ имъ лонлакей.

Придутъ ли къ статуѣ, къ картинѣ,—
Сейчасъ разспросъ у нихъ готовъ:
А сколько футовъ въ той холстинѣ?
А сколько въ мраморѣ пудовъ?

DXCVIII.

ИЗЪ ФОТОГРАФІИ ВЕНЕЦІИ.

Прелестенъ видъ, когда, при замираньи дня,
Чудесной краскою картину оттѣня,
Все дымкой розовой одѣнетъ паръ прозрачный
Громадныхъ зданій рядъ величественно-мрачный,
Лагуны, острова и высь Евгейскихъ горъ,
Которыхъ снѣговый, серебряный узоръ
Сіяетъ вдалекѣ на темномъ небосклонѣ.
Все призрачно глядитъ: и зыбь на влажномъ лонѣ,
Какъ марево глазамъ обманутымъ пловцовъ,
И городъ мраморный вдоль сжатыхъ береговъ,
И Невскій сей проспектъ, иначе Каналъ-гранде,
Съ дворцами, перлами на голубой гирляндѣ,
Которая легко, съ пебрежностью струлсь,
Вкругъ стана стройнаго царицы обвилась.
Міръ фантастическій, причудливый, прелестный!
Кому твои мечты и таинства извѣстны,
Кто могъ уразумѣть ихъ сладостный языкъ,
Кто чувствомъ въ этотъ міръ загадочный проникъ,
О, тотъ поэзіи сокровища извѣдалъ,
И если чувствъ своихъ созвучно онъ не предалъ,
И въ томъ, что скажетъ онъ, имъ отголоска нѣтъ,
То все жь въ душѣ своей онъ былъ и есть поэтъ.

DXCIX.

ПО МОСТУ, МОСТУ.

Народная пѣсня.

Здѣсь нашу пѣсенку невольно
Припомнишь: по мосту, мосту.
Мостовъ раскинулось довольно
Въ длину, и въ ширь, и въ высоту.

На зло ногамъ, на зло колѣнямъ,
Куда, пожалуй, не ходи,
Все лазишь по крутымъ ступенямъ,
А мостъ все видишь впереди.

Иной изъ нихъ глядитъ картинно:
Изящность въ немъ и легкость есть,
Но не легко въ прогулкѣ длинной
Лѣзть, а спустившись снова лѣзть.

Тутъ на плечахъ какъ будто гири,
Въ суставахъ чувствуешь свинецъ,
И каждый мостъ—мостъ dei sospiri
И мостъ одышки, наконецъ.

DC.

НИКОЛАЮ АРКАДЬЕВИЧУ КОЧУБЕЮ.

Венеція прелесть, но солнце ей нужно,
Но нуженъ вѣнецъ ей алмазовъ и злата,
Чтобъ все, что въ ней мило, чтобъ все, что такъ южно,
Горѣло во блескѣ безъ тучъ и заката.

Но звѣзды и мѣсяцъ волшебницѣ нужны,
Чтобъ въ сумракѣ свѣтломъ, чтобъ ночью прозрачной
Серебряный поясъ, нашейникъ жемчужный
Сіяли убранствомъ красы повобрачной.

А въ будничномъ платьѣ подъ сѣрымъ туманомъ,
Подъ плачущимъ небомъ, въ тоскѣ дожденосной,
Не дѣйствуетъ прелесть своимъ талисманомъ,
И смотритъ царица старухой несносной.

Не знаешь, что дѣлать въ безвыходномъ горѣ.
Тамъ тучи, здѣсь волны угрюмыя бродятъ,
И мокрое небо, и мутное море
На мысль и на чувство унынье наводятъ.

Подъ этимъ унынъемъ съ зѣвотой сердечной,
Другимъ Робинсономъ въ лагунной темницѣ,

Сидишь съ глазу на глазъ ты съ Пятницей вѣчной,
И тошныхъ семь пятницъ сочтешь на седьмицѣ.

Тутъ вспомнишь, что мѣтко сказалъ Завадовскій,
До прозы понизивъ морскую красотку:
„Здѣсь жить невозможно, здѣсь городъ таковскій,
„Чтобъ въ лавочку сбѣгать,—садися ты въ лодку“.

DCI.

NOTTURNO.

Принцессѣ Клари, урожденной графинѣ Фикельмонъ.

Тихо шепчетъ ночь украдкой
Тайны темныя свои,
Внемлятъ ей въ дремотѣ сладкой
Берегъ, воздухъ и струи.
Повторяетъ этотъ шопотъ,
Проникающій въ сердца,
И прибрежной зыби ропотъ
Подъ ступенями крыльца

И чуть слышный, мимолетный
Вѣтерокъ, какъ легкій сонъ,
Гость таинственный, безплотный
Изъ заоблачныхъ сторонъ.
И, подобныя алмазамъ
Въ голубой парчѣ небесъ,
Звѣзды внемлютъ тѣмъ разсказамъ,
Полнымъ таинствъ и чудесъ.

И дворцы, насупясь важно,
Старики подъ сѣдиной,

Пережившіе отважно
Съ временемъ упорный бой,
Величаво и угрюмо
Подъ давленьемъ вѣковымъ
Слушаютъ ночною думой
Быль, разсказанную имъ.

И младая догаресса,
Свѣтлый образъ прежнихъ дней,
Подъ защитою навѣса
Черной гондолы своей,
Молча ловитъ шопотъ стройный
Ночи пѣги и мечты,
Ночи яркой и спокойной,
Какъ царица красоты.

DCII.

Изъ Венеціи въ Ливадію
Переходитъ мысль моя,
Въ Черноморскую Аркадію,
Гдѣ роскошная земля
Дышетъ нѣгой ароматною,
Гдѣ цвѣты, деревьевъ тѣнь,
Все щедротой благодатною
Украшаетъ свѣтлый день.

Небо темно-бирюзовое,
Море — тѣ же небеса,
Море, зрѣлище все новое,
Непаглядная краса,
Ясной стелется равниною,
Тихо радуя глаза;
Иль, озлясь, — его пучиною
Дико тѣшится гроза!

Солнце благость лучезарную
Съ каждымъ днемъ даруетъ вновь
И на землю благодарную
Льетъ обилье и любовь.
Скалы, пирамиды чудныя,
Рукъ таинственныхъ труды,

И янтарно-изумрудные
Виноградные сады,

Сторона обѣтованная,
Тихій берегъ, уголокъ,
Гдѣ весна благоуханная
Неизмѣнныхъ розъ вѣнокъ,
Вѣчно празднуя дни младости,
Не снимаетъ съ головы,
Блескъ небесъ, земныя радости,
Мнѣ заочно зримы вы.

Часто съ жизнью обыденною
Разорвавъ привычекъ связь
И мечтою окрыленною
Отъ ихъ гнета отрѣшась,
Красоты Адріатической
Я не вижу предъ собой
И Тавриды поэтической
Воздухъ вѣетъ надо мной;

И подъ сладкимъ обаяніемъ
Жизнью тайною живу:
Что искалъ воспоминаніемъ,
То встрѣчаю на яву:
Тихой прелестью сочувственной
Озаренныя черты,
Отблескъ вѣрный безыскусственной
Задушевной чистоты.

Въ сердцѣ — свѣжесть жизни утренней
Мыслью зрѣлый умъ развитъ:
Мало словъ, но пѣснью внутренней
Слово каждое звучитъ.
Подъ наружностью холодною —
Чистый пламенникъ добра;

Простота — съ душой свободною
Предъ соблазнами двора.

Все, что нравственно, — властительно
На верховной высотѣ,
Все, что женственно, — плѣнительно
Въ красотѣ и добротѣ.
Здѣсь подъ встрѣчей благодатною
Жизнь и голосъ обрѣли
Съ пѣснью сердца, сердцу властною,
Пѣсни моря и земли.

1864 г.

DCIII.

ѲЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

Вотъ и крещенскіе морозы!
Точь-въ-точь на невскомъ берегу:
Мететъ метелица на Пьяцѣ,
Какъ на Царицыномъ лугу.

Бушуетъ по лагунамъ вьюга,
Несется дикій вой и ревъ:
И на столбѣ продрогъ съ испуга
И холода крылатый левъ.

Взъерошилъ шерсть ему и гриву
Курчавый и мохнатый снѣгъ:
И южный царь глядитъ сердито
На этотъ сѣверный набѣгъ.

Чутьемъ онъ сѣвера не любитъ
И крѣпко знаетъ почему:
Какъ Пушкинъ нашъ, сказать онъ можетъ,
Что сѣверъ вреденъ и ему.

Казалось, такъ еще недавно
Цвѣла царица красотой
Изнѣженной и своенравной
И лучезарно-молодой!

Теперь подъ снѣжнымъ покрываломъ
Сѣдой старикъ не узнаетъ
Своей Венеціи прекрасной
И ледяныя слезы льетъ.

Внимая непогоды шуму
И глядя на метель кругомъ,
Онъ въ тяжкую впадаетъ думу
О настоящемъ и быломъ.

Измѣны счастія и моря
Пришлось извѣдать старику,
И много бѣдъ, вражды и горя
Онъ вынесъ на своемъ вѣку.

Какъ сонъ прошли вѣка побѣды,
Все проглотилъ потокъ временъ,
И гдѣ торжествовали дѣды,
Тамъ внуковъ ждалъ печальный плѣнъ.

Предъ нимъ, вождемъ, архистратигомъ
Имъ возвеличенной страны,
Теперь скорбятъ подъ чуждымъ игомъ
Ея опальные сыны.

Все измѣнило: власть и слава,
Трезубецъ вырвался изъ рукъ,
Съ свободой рушилась держава,
И даже имя—тщетный звукъ.

Но солнце прежнее пылало
И, вѣрность къ падшему храня,
Его средь скорби утѣшало
Сіяньемъ праздничнаго дня.

Ему и небо улыбалось,
Дышалъ и воздухъ теплотой,

И море синее ласкалось
Къ нему привѣтливой волной.

Онъ могъ, любуясь красотою
Небесъ и зеркальныхъ зыбей,
Предаться нѣгѣ и покою
На лонѣ матери своей.

Украдкой, въ сладостной дремотѣ,
Могъ скорбь и язвы забывать,
И въ безвозвратномъ ихъ полетѣ
Дней прежнихъ призракъ вызывать.

Теперь и солнце измѣнило,
Все небо обложила тьма,
И ворвалася наглой силой
Къ нему суровая зима.

И мнится льву, подъ непогодой,
Что къ довершенью бѣдъ и золъ,
Самъ сѣверъ съ дикою природой
Враждебно Альпы перешелъ.

DCIV.

МАРІИ МАКСИМИЛІАНОВНѢ, ПРИНЦЕССѢ БАДЕНСКОЙ.

Васъ, съ хладной полночи красавица младая,
По-русски встрѣтила Венеція и мы:
И теплыя сердца, и стужа намъ родная,
И снѣгъ родной, фата прабабушки зимы.

Санъ-Марко съ площадью подъ инеемъ и снѣгомъ
Вамъ древней красотой напомнилъ о Москвѣ,
А гондола, скользя межь льдинъ поспѣшнымъ бѣгомъ,
Какъ въ санкахъ на рысяхъ катались по Невѣ.

Мѣняясь звуками и складомъ русской рѣчи,
Вы дни минувшіе одушевили вновь;
И все въ одинъ привѣтъ слилось для вашей встрѣчи:
И русская зима, и русская любовь.

DCV.

ПАМЯТИ

Графа Д. Н. Блудова.

Сошедши тихо по ступенямъ
Годовъ, отсчитанныхъ ему,
Онъ отошелъ къ любезнымъ тѣнямъ,
Роднымъ по сердцу и уму.

Онъ какъ залогъ и клятву свято
Хранилъ и помнилъ до сѣдинъ,
Что съ нимъ шли объ руку когда-то
Дашковъ, Жуковскій, Карамзинъ.

Въ листкахъ сердечныхъ былъ отмѣченъ
И Батюшковъ въ графѣ утратъ;
Былъ имъ оплаканъ, былъ имъ встрѣченъ
И Пушкинъ, всѣмъ имъ младшій братъ.

Онъ съ ними жилъ душой, сознаньемъ.
Когда жъ пробилъ имъ смертный часъ,
Ихъ свѣтлыхъ лѣтъ онъ былъ преданьемъ,
Ихъ свѣтлыхъ лицъ лучемъ для насъ.

А нынѣ, по его закатѣ,
Потухъ и отблескъ милыхъ дней:

Утраты всѣ въ его утратѣ
Еще сказались намъ сильнѣй.

Въ немъ будто мы хоронимъ снова
Друзей своихъ, души любовь,
И безъ его живого слова
Ихъ голоса замолкли вновь.

Намъ дорогъ былъ онъ, старецъ милый
И жизнью собственной своей,
И жизнями изъ-за могилы
Въ немъ оживающихъ друзей.

Отъ непогоды современной,
Отъ бурь житейскихъ, отъ тревогъ
Въ душѣ, прекраснымъ вдохновенной,
Себѣ онъ пристань уберегъ.

Въ ней, чуждый внѣшнему волненью,
Былъ неизмѣненъ человѣкъ
И мысли и добра служенью
Онъ въ ней жрецомъ себя обрекъ.

Прошелъ онъ съ честью путь свой дальный,
Позналъ онъ сладость чистыхъ благъ;
И свѣтелъ взглядъ его прощальный,
И вѣренъ былъ послѣдній шагъ.

Безъ страха онъ, но съ грустью нѣжной,
Земной свой подвигъ прерывалъ:
Цвѣтами вечеръ безмятежной
Ему еще благоухалъ.

Въ немъ холодъ жизни не умѣрилъ
Святыхъ и юношескихъ силъ:
Во все прекрасное онъ вѣрилъ,
Онъ все прекрасное любилъ.

Россія! Ты земной святыней
Ему отъ дѣтскихъ лѣтъ была:
Сознанья долга въ гражданинѣ
И чистый пламень ты зажгла.

Тебя любилъ онъ, мать родную;
Твои грядущія судьбы,
Въ искусахъ доблесть вѣковую
И плодоносныя борьбы.

Въ родную ниву внесъ онъ сѣмя
И лепту бодраго труда,—
И не предастъ забвенью время
Имъ проведеннаго слѣда.

Дни старца дѣятельны были
И полны будущимъ плодомъ:
Откликнутся въ народной были
Любви поминки и о немъ.

Въ тиши домашняго досуга
Семейнымъ счастьемъ жизнь цвѣла;
Съ догадкой и заботой друга
Дочь нѣжно старца берегла.

Предусмотрительно и мило
Его любовью осѣня,
Она была его свѣтило
Въ часъ вечерѣющаго дня.

Еще сквозь сумрачныя тѣни
Жизнь улыбалася ему,
Съ запасомъ чистыхъ наслажденій
И пищи жадному уму.

Еще не зналъ онъ пресыщенья,
Любилъ онъ жизнь и жизни трудъ;

Но, вѣря въ благость Провидѣнья,
Ждалъ отъ него и мзду, и судъ.

Съ любовью, вѣрой, упованьемъ,
Для смерти въ жизни онъ созрѣлъ,
И ангелъ тихимъ лобызаньемъ
Уста его запечатлѣлъ.

DCVI.

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ.

Вамъ памятнѣй всего Санъ-Марко стѣны,
Онѣ всего вамъ родственнѣй, милѣй;
Святыни ихъ земныхъ судебъ измѣны
Не трогаютъ въ превратности своей.

Народныхъ смутъ, житейскихъ треволненій
Здѣсь замираютъ бурный валъ и шумъ,
Душа полна глубокихъ впечатлѣній
И тишиной благочестивыхъ думъ;

Искусство здѣсь есть вѣры вдохновенье,
Парящее молитвой къ небесамъ,
Здѣсь съ Западомъ Востока примиренье;
И намъ не чуждъ сей иновѣрный храмъ.

Подъ сводами сей древней базилики,
Подъ свѣжею мерцающею тьмой,
Таинственно глядятъ святые лики,
И миротворенъ взглядъ ихъ неземной.

Здѣсь свѣтитъ тьма, здѣсь блескъ дневной темнѣетъ,
Забудешься, проникнувъ въ чудный мракъ,

И на душу роднымъ Кремлемъ повѣетъ,
И сотворишь по русски крестный знакъ.

И такъ и ждешь, что „Иже Херувимы"
Раздастся пѣснь на языкѣ родномъ —
Обниметъ грудь восторгъ невыразимый,
И умилишься сердцемъ и умомъ.

DCVII.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Вы любите Венецію: она
Съ поэзіей своей васъ подружила;
Поэзія съ преданьемъ старожила
Здѣсь юности утраченной вѣрна.

Изъ бѣлыхъ розъ вѣнки она готовитъ,
Чтобъ убирать могилы старины;
Былыхъ временъ разсѣянные сны
Въ раздумьи съ улыбкой грустной ловитъ.

И въ нихъ она таинственно живетъ:
Но грусть ея плѣнительнѣй, чѣмъ радость;
Въ ней тихая загробной жизни младость,
Которая насъ въ царствѣ тѣней ждетъ.

Живется здѣсь безъ шума, безъ усилья:
Жизнь отъ земли уже отрѣшена;
Желаній нѣтъ, и память здѣсь одна,
Какъ ангелъ на гробу, имѣетъ крылья.

Но не впередъ летитъ крылатый сонъ:
Обратный путь мечтамъ здѣсь предназначенъ;

Чѣмъ глубже въ ночь, тѣмъ болѣе прозраченъ
И тѣмъ свѣтлѣй далекій небосклонъ.

Минувшаго и пристань, и святыня!
Какъ хороша ты въ тишинѣ своей!
Видѣньями и снами прежнихъ дней
Населена лазурная пустыня.

Прелестенъ здѣсь и лучезаренъ день,
Но что за ночь? Сквозная, голубая!
Венеція — красавица ночная,
И ей къ лицу таинственность и тѣнь.

Вы помните всю прелесть здѣшней ночи,
Душой не разъ ей предавались вы,
И въ чистый блескъ небесной синевы
Задумчиво впивались ваши очи.

Вы помните въ пространствѣ голубомъ
То мрачныя, то яркія лагуны,
И говоръ волнъ, какъ арфъ воздушныхъ струны,
Чуть рончущій подъ легкимъ вѣткомъ.

Вамъ памятны несущіяся мимо,
Подобно тѣнямъ, гондолы во тьмѣ,
И гондольеръ, какъ призракъ на кормѣ,
Веслом своимъ чуть слышимо, чуть зримо

Играющій поверхностью воды.
И вдругъ луна все вспрыснетъ, все освѣтитъ,
И сѣткою серебряной осѣтитъ
Тѣнь гондолы и тѣнь ея бразды.

Вамъ памятны и Пьяцца, и Пьяццетта
Съ ихъ обстановкой чудной красоты,
Обширныя, а все жъ до тѣсноты
Кишащія народомъ въ ночи лѣта.

Ночной сей праздникъ шумный и живой
И тотъ же все, и все разнообразной
Вѣнчаетъ день лѣнивый нѣгой праздной
Природы южной, милой и родной.

Вы помните Санъ-Жьоржіо Мажьоре,
Въ разливѣ водъ купающійся храмъ:
Вдали тѣнь Байрона мечталась вамъ,
Тамъ, гдѣ въ зеленый Лидо плещетъ море.

Вамъ памятны Дукальнаго дворца
Молчаніе въ опалѣ величавой,
Живучія и прелестью, и славой
Созданія и кисти, и рѣзца.

Знакомы вамъ всѣ здѣшнія преданья,
Поэзія безсмертной старины;
Въ часы ночной и свѣтлой тишины
Слетались къ вамъ о ней воспоминанья.

Къ ихъ голосамъ прислушивались вы,
Имъ отвѣчали думою сердечной,
И въ вѣяньи минуты скоротечной
Вамъ слышался гласъ вѣковой молвы.

Здѣсь все живетъ своимъ минувшимъ чуднымъ,
Которое покоится въ вѣкахъ,
Какъ дожи спятъ на мраморныхъ одрахъ
Своихъ гробницъ сномъ также безпробуднымъ.

Но не безмолвенъ здѣсь и сонъ гробовъ.
Царица падшая, въ своемъ упадкѣ,
Венеція въ нетлѣнномъ отпечаткѣ
Еще хранитъ помазанье вѣковъ

Но мнѣ ль, съ поэтами другими споря,
Мнѣ ль смѣть живописать страну чудесъ,

Любимицу полуденныхъ небесъ,
Царицу, дочь, красу и перло моря?

Нѣтъ, чуждыхъ мнѣ не похищая правъ,
Не забываясь гордо, снимокъ бѣдный,
Съ живой картины отпечатокъ блѣдный,
Вамъ подношу, смиренный фотографъ.

Поэзіи родникъ въ душѣ сокрытый,
Вашъ впечатлительный и свѣтлый умъ,
И свѣжесть чувствъ, и вдохновенья думъ,
Къ изящному любовью вкусъ развитый,

Все въ васъ придастъ блескъ, душу, краску, рѣчь
Бездушному и хладному творенью,—
И вашему легко воображенью
Мой сколокъ въ жизнь и въ красоту облечь.

DCVIII.

Я было разлюбилъ красавицу свою,
На прелести ея смотрѣлъ я равнодушно,
И даже, передъ ней — безстыдства не таю —
Зѣвая, говорилъ: о, Господи, какъ скучно!

Напрасно въ очи ей смотрѣли небеса
И ноги ей волна морская омывала;
Напрасно, распустивъ густые волоса,
Златыя пряди ихъ въ волнахъ она купала;

Напрасно на ея задумчивомъ челѣ
Поэзіи звѣзда и отблескъ древней славы,
Залогъ ея побѣдъ въ моряхъ и на землѣ,
Сей царственный символъ величья и державы,

Сливался въ лучахъ безсмертнаго вѣнца,
Который выдержалъ враждебные удары
И времени, сего свирѣпаго бойца,
И злобу зависти, и роковыя кары.

Но не могла она утратить красоты,
Которой не было и нѣтъ нигдѣ подобной,
Плѣняющей глаза, чарующей мечты
Поэзіей живой, поэзіей загробной,

И тѣмъ, что есть еще, и тѣмъ, чего ужь нѣтъ,
Но полно прелести въ самой своей утратѣ,
Какъ дня потухшаго послѣдній блескъ и цвѣтъ
Красуются еще на пурпурномъ закатѣ.

Напрасно! Былъ я слѣпъ и холоденъ, и строгъ
Къ ней, надъ моей душой когда-то полновластной:
Мнѣ вѣрилось едва, что нѣкогда я могъ
Платить ей дань любви восторженной и страстной.

Но въ насъ измѣнчивы и чувства, и любовь:
Полюбишь горячо, и сердце вдругъ остынетъ;
А тутъ не знаешь самъ, какъ сердце вспыхнетъ вновь,
И сброшенную цѣпь любовь опять накинетъ.

Такъ было и со мной: знакомая струя
Но сердцу сонному случайно пробѣжала,
Сталъ на красавицу заглядываться я,
Мнѣ память прежнюю любовь напоминала.

Любилъ на память я, любилъ я наизусть;
Но вскорѣ—дѣти мы и старые поэты—
Затеплилась во мнѣ таинственная грусть,
И нѣга, и мечты въ душѣ, любви примѣты.

И снова разрѣшенъ сердечный мой вопросъ,
Разгадкою простой, короткою и ясной:
Отступникъ, сердце я повинное принесъ
И снова палъ къ ногамъ волшебницы прекрасной.

DCIX.

SANTA ELENA.

Giardini publici въ виду Святой Елены
Напоминаютъ намъ мірскихъ судебъ измѣны.
Когда Наполеонъ побѣдною рукой
Сей садъ завоевалъ у пропасти морской
И мирный по себѣ потомству слѣдъ оставилъ,
Который пе́режилъ все то, чѣмъ онъ прославилъ,
И кровью обагрилъ торжественный свой путь,
Когда въ немъ жаждою властолюбивой грудь
Горѣла и ничто ея не утоляло;
Счастливецъ, передъ кѣмъ все въ мірѣ трепетало,
Людьми и царствами игравшій дерзкій мотъ:
Предвидѣть могъ ли онъ, что на пустынѣ водъ
Его, изгнанника, другая ждетъ Елена,
Гдѣ онъ познаетъ скорбь и униженье плѣна?
Когда въ его саду его деревьевъ шумъ
Къ мечтамъ о дняхъ былыхъ склоняетъ сонный умъ
И островъ, для него зловѣщій, мнѣ предстанетъ,—
Съ нимъ вмѣстѣ онъ и самъ, чудесный мужъ, восприметъ
Въ величіи своемъ и въ немощи своей,
Владыка геніемъ и рабъ своихъ страстей,
Герой и полубогъ великой эпопеи,
Предъ кѣмъ блѣднѣть должны Ахиллы и Эпеи!
Мнѣ грустно за него; какъ могъ и онъ упасть?
Любимцу Промыслъ далъ умѣніе и власть
На пользу и добро создать порядокъ новый

И зданью положить надежныя основы,
Стихій общественныхъ уравновѣсивъ бой,—
А онъ развалины оставилъ за собой.
Что нажилъ онъ мечомъ, мечомъ онъ тѣмъ же прожилъ:
Народы раздражилъ, міръ бурями встревожилъ
И вихремъ пламеннымъ, который вызвалъ онъ,
Самъ на пустынную скалу былъ занесенъ!
Царь, дважды изгнанный своимъ народомъ вѣрнымъ,
Который, спохватясь, съ раскаяньемъ примѣрнымъ
Забытый прахъ его на дальнемъ рубежѣ
Въ отчизну перенесъ подъ пѣсни Беранже
И, вновь воспламенясь къ вождю посмертной страстью,
Тѣнь, имя, звукъ его облекъ державной властью!
Да, пѣсней тѣхъ не будь, да, Беранже не пой,
И вашъ Наполеонъ, отшедшій на покой,
Остался бъ на скалѣ и послѣ смерти узникъ;
Не вспомнили бъ о немъ ни маршалы, ни блузникъ.
Но ловкой выходкой удачнаго пѣвца
Французскіе умы, французскія сердца,
Подъ обаяніемъ и магнетизмомъ пѣсни,
Давно умершему сказали: „ты, воскресни!“
И ожилъ ихъ мертвецъ, воскресъ Наполеонъ:
Освистанный въ живыхъ, въ легендѣ выросъ онъ—
Легенду смѣлую вновь плотью облѣпили
И за сорокъ годовъ назадъ перескочили.

Правъ старый Депрео, хоть нынѣ брошенъ въ пыль:
„Французъ, шутникъ въ душѣ, далъ міру водевиль“.
И впрямь. Вся быль весь блескъ, весь шумъ его на свѣтѣ—
Трагическій припѣвъ въ комическомъ куплетѣ,
Или въ трагическомъ—комическій конецъ.
Сей милый трубадуръ, сей боевой пѣвецъ,
Поющій въ свѣтлый день и въ мрачную годину,
Все въ пѣсню преложилъ, и даже гильотину,
Которую, остря едва ль не черезчуръ,
Родилъ и расплодилъ все тотъ же балагуръ.

DCX.

БАЙРОНЪ

(дорóгою).

„Сошла октябрска ночь на землю"
Державинъ.

Сошелъ на землю темный вечеръ
И мокрымъ мракомъ все покрылъ,
На тряскихъ козлахъ спитъ мой Флетчеръ
(Слугой Байрона Флетчеръ былъ).

Простите мнѣ, что риѳмы ради
Я будто въ Байроны пропусь:
Нѣтъ, помню заповѣдь: „не кради"
И въ плащъ его не завернусь.

Но если риѳма безтолкова
Насъ на Байрóна навела,
Пусть въ немъ помянетъ наше слово
Давноминувшія дѣла.

Байрóнъ, иль Бе́йронъ, какъ угодно,
Пожалуй, Бѝронъ иль Бирóнъ:
На нашемъ языкѣ свободно
У насъ иной перекрещенъ.

Мы говоримъ: „Парижъ“: спроси же
О немъ француза,—не пойметъ,
Не хочетъ знать онъ о Парижѣ
И слово варварскимъ сочтетъ.

Къ тому же пѣснопѣвецъ славный,
Британскій бардъ, шотландскій лордъ,
Въ припадкахъ желчи своенравной
Былъ раздражителенъ и гордъ,

Когда на родину онъ злился;
Чтобъ, недостойной, ей отмстить,
Онъ въ имени своемъ грозился
Правописанье измѣнить,

Себя отъ Англіи отчислить
И на смѣхъ ей, и ей въ ущербъ
Въ французскихъ хартіяхъ промыслить
Свой родовой дипломъ и гербъ.

Онъ даже разъ въ порывѣ гнѣва
Хотѣлъ Гарольда бросить въ печь
И съ складомъ южнаго напѣва
Себѣ усвоить Данта рѣчь.

Легко прослылъ бы онъ Бирóни;
И начали бъ другимъ подъ стать
И гондольеръ, и лаццарони
Его октавы распѣвать.

Покойникъ былъ большой проказникъ,
Причудамъ не было конца.
Но что за шумъ былъ, что за праздникъ,
Когда раздастся пѣснь пѣвца!

Ея заслушивались страстно,
Съ ума сводилъ онъ цѣлый міръ,

Толпой игралъ онъ самовластно,
Ея и дéспотъ, и кумиръ.

Нашъ вѣкъ, два поколѣнья наши
Имъ бредили. И старъ, и младъ
Пилъ изъ его волшебной чаши
Струею сладкій медъ и ядъ.

Всѣ, кто растрепанный, кто блѣдный,
Въ Корсары лѣзъ; по море гдѣ?
И, за пенмѣньемъ моря, бѣдный
Барахтался въ своемъ прудѣ.

Съ нимъ каждый былъ суровъ и хладенъ,
Таинственъ и непостижимъ,
Разочарованъ, безпощаденъ,
И другъ людей, и нелюдимъ.

Борьба страстей и взоръ пытливый,
Чтобъ съ таинствъ всѣхъ покровъ совлечь,
И сердца вопль краснорѣчивый,
И саркастическая рѣчь.

Во всѣхъ романахъ и поэмахъ
Его клеймо носилъ герой.
Все пѣснь его на разныхъ темахъ,
Все тѣ же краски и покрой.

И Пушкинъ, въ юности грѣховной
Къ нему поддѣлавшись, хромалъ,
Пока, не сбросивъ гнетъ условной,
Самъ твердымъ шагомъ зашагалъ.

А чуднымъ пламенемъ кипѣли
Тѣ незабвенные года!
Любили, вѣровали, пѣли
Жрецы прекраснаго труда;

Мечтой возвышенною жили
И, отрѣшась отъ узъ земныхъ,
Предъ чистымъ алтаремъ служили,
И чисты были жертвы ихъ.

Самопадѣянно, незрѣло
Рвалась, быть можетъ, молодежь,
Но сердце въ ней добромъ горѣло,
Прочь отженя корысть и ложь.

Все свѣтлое имъ было близко
И все прекрасное сродни;
Паломниками въ Санъ-Франциско
Толпой не бѣгали они.

У нихъ другія были цѣли,
Другая страсть ихъ души жгла,
Изъ поэтической купели
Жизнь возрожденная цвѣла.

Теперь о томъ ужь толковъ мало;
И все, что помыслы влекло,
Теперь ослабло, полиняло,
Какъ стараго орла крыло.

Орлиныхъ не видать полетовъ;
Отяжелѣла въ насъ душа!
Нашъ вѣкъ—вѣкъ акцій и учетовъ,
Вѣкъ всемогущаго гроша.

Честь, совѣсть, правила и мнѣнья—
Товаръ: есть прейсъ-курантъ всему.
Купить ли нужно убѣжденья?
Укажутъ: гдѣ и почему.

Есть маклера для разныхъ сдѣлокъ
Покупщика и торгаша,

И крупенъ будь барышъ иль мелокъ—
Всѣ гонятся изъ барыша.

Нашъ вѣкъ—вѣкъ звонкаго металла.
Ему ль до звучности стиховъ,
До чистыхъ жертвъ, до идеала,
До этихъ старыхъ пустяковъ?

На биржѣ ищемъ вдохновеній,
Тамъ сны златые, бой страстей:
Кто милліонщикъ, тотъ и геній,
И Ротшильдъ—Байронъ нашихъ дней.

Тельцу златому жадно нынѣ
Поработились умъ и духъ:
Путеводительный въ пустынѣ
Столбъ огненный давно потухъ.

DCXI.

Зачѣмъ здѣсь левъ съ орломъ въ раздорѣ?
Всѣмъ общинной данъ Божій свѣтъ.
Зачѣмъ же въ добровольномъ горѣ
Любви евангельской здѣсь нѣтъ?

Святого Марка левъ крылатый
И смѣлый Патмосскій орелъ
Одной купелью воспріяты
И братства одного символъ.

Глаголомъ кроткимъ поучали
Они земныя племена
И на пути своемъ бросали
Любви и мира сѣмена.

Но ихъ сыны рукой развратной,
И въ духѣ злобы и вражды,
Изъ жатвы сладко благодатной
Пажали горькіе плоды.

DCXII.

Печально видѣть, какъ въ казармы
Здѣсь обращаются дворцы;
Какъ здѣсь солдаты и жандармы
Въ чертогахъ Фоскари жильцы.
Ну, словно, царскія и мантіи, и бармы
Своей ремесленной рукой
Въ солдатскую шинель перекроилъ портной.

DCXIII.

И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
Но жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
Въ величьи царственномъ и блескѣ старины,
Когда отважный левъ носился надъ морями,
Ихъ волны бороздилъ могучими крылами
И былъ страшилищемъ запуганной луны.

Въ тѣ памятные дни, которыхъ отблескъ славной
И отголосокъ живъ средь тишины державной,
Дукальнаго дворца объявшей хладный сонъ,
Торжественна была прекрасная Царица,
Волнъ Адріатики роскошная столица,
Сирена, къ коей шли народы на поклонъ.

Въ тѣ дни служили ей искусства и науки;
Жизнь благодатная сливалась въ краски, звуки,
Въ поэзію, любовь, блескъ славы и побѣдъ.
Ваянья, зодчества и живописи геній
Искалъ и находилъ въ ней пламень вдохновеній
И закалилъ на ней свой вѣковѣчный слѣдъ.

Понынѣ все еще имъ дышетъ, имъ согрѣто.
Великій Тиціанъ, блестящій Тинторетто
Повѣдали землѣ событія небесъ.
Всѣ роды зодчества слились здѣсь воедино,

И новый Амфіонъ, могущій Сансовино
Въ столицѣ мраморной воздвигнулъ міръ чудесъ.

Кто смѣлыхъ думъ труды, созданья перечислитъ?
Здѣсь мраморъ говоритъ и чувствуетъ, и мыслитъ.
Здѣсь трепетъ чудится и слышится въ мѣди.
Венеція прошла сквозь бури не старѣя,—
Вся лѣтопись ея живая эпопея,
И много силъ еще въ уязвленной груди.

Владѣвшая мечемъ и на моряхъ трезубцемъ,
Не вѣрь друзьямъ своимъ, лукавымъ честолюбцамъ:
На перлъ твой зарится ихъ хищная рука;
Ты пригодишься имъ къ подножью ихъ престола.
Не дай стереть съ чела прекраснаго символа,
Который на тебѣ прославили вѣка.

Не лучше ль протерпѣть, мужаясь, злую долю,
Чѣмъ плѣнъ свой промѣнять на новую неволю?
Отрекшись отъ себя, себя ты не спасешь.
Теперь тоскуешь ты подъ путами насилья,
А тамъ ты льву сама его подрѣжешь крылья
И въ дань ихъ чуждому тщеславью принесешь.

Свободѣ происки и сдѣлки ненавистны:
Ей лучше явный врагъ, чѣмъ другъ своекорыстный;
Отъ покровителей свободы ты не жди.
Въ опалѣ сохраняй хоть отблескъ славы личной;
Какъ знамя падшій вождь, свой лоскутъ багряничной
И ты сберечь умѣй на царственной груди.

Не покорилась ты ни нравами, ни духомъ:
Ты помнишь съ гордостью, что міръ былъ полонъ слухомъ
И мирныхъ дѣлъ твоихъ, и боевыхъ трудовъ;
Въ минувшемъ ты найдешь грядущаго поруку.
Не унижай себя и счастливому внуку
Ты чистымъ передай наслѣдіе отцовъ.

Возстань, Венеція! возстань съ морского ложа!
Какъ древле избери ты доблестнаго дожа,
Съ собой вручи ему завѣтное кольцо:
Пусть новый Дандоло, маститый воевода,
Торжественно взойдетъ, подъ кликами народа,
На охраненное гигантами крыльцо.

Лучами прежними Санъ-Марко вновь заблещетъ.
Дремавшій левъ его крылами вострепещетъ,
На волю вырвется изъ роковыхъ сѣтей;
Онъ звучнымъ голосомъ свое окликнетъ море:
И Буцентору вслѣдъ свободно, на просторѣ,
Взыграютъ сонмы волнъ подъ стаей кораблей.

Не унывай, не льстись коварнымъ обольщеньемъ:
Твой левъ не мертвъ, а спитъ подъ вѣщимъ сновидѣньемъ.
Взойдетъ и для него дня новаго заря.
И я желалъ бы зрѣть Венецію свободной,
Но жизнью собственной, ея преданьямъ сродной,
А не вассалкою Туринскаго царя.

DCXIV.

Не даромъ здѣсь вода, вездѣ вода,
Не даромъ здѣсь нѣмое рыбье царство:
О разговорѣ мало рѣчи—да
И нѣтъ вотъ все; туземное боярство,
Или туводное не говоритъ
И дуется, иль про себя ворчитъ.
А нѣжный цвѣтъ Италіи прекрасной,
Красавицы, цвѣтущія въ тѣни,
Прелестныя, но въ прелести напрасной
Губящія весны и счастья дни,
Съ Петрарковой Лауры, словно, снимки,
Сидятъ въ своихъ палаццахъ невидимки.

Авзоніи плѣнительный языкъ
Съ Тевтонскою грамматикой въ разладѣ.
Какъ ни держи нѣмецкій материкъ
Разливъ лагунъ и южный пылъ въ осадѣ —
Напрасный трудъ! И сила здѣсь слаба:
Имъ на роду написана борьба.
Напрасный трудъ! Не высохнутъ лагуны,
Не умолчитъ ихъ ропотъ въ тьмѣ ночной,
И на душѣ таящіяся струны
Не запоютъ на голосъ имъ чужой.
Разъ могъ сказать герой неугомонный:
„Нѣтъ Пиринеи!“ Но Альпы непреклонны.

Орелъ и левъ для басни хороши:
Крыловъ бы могъ ихъ расцвѣтить бесѣду,
Но какъ себѣ красиво ни пиши,
Надъ баснью быль одержитъ все побѣду,
Все быль живѣй—и вотъ ея мораль:
Плохая вещь минувшаго скрижаль:
Злодѣйствъ и глупостей, то лжи безстыдной,
То истины постыднѣй лжи—кругомъ
Вотъ весь итогъ, что рѣчью благовидной
Исторіей всеобщей мы зовемъ.
Провѣрьте зло съ добромъ, и въ перевѣсѣ
Толкуйте вы, пожалуй, о прогрессѣ.

Крылатый телеграфъ, крылатый паръ
Удобствомъ вѣкъ промышленный отмѣтятъ,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ свой гибельный ударъ
Ружье и пушка въ даль вѣрнѣе мѣтятъ.
Дастъ телеграфъ свой лозунгъ роковой,—
И на парахъ помчится смерть съ войной.
Толкуютъ всѣ о мирѣ благодатномъ,
А ни по чемъ льютъ кровь за пустяки:
Самъ свѣтлый миръ въ остервенѣньи ратномъ
Такъ и глядитъ, чтобъ взяться за штыки.
Когда вблизи руда войны изсякла,
Мы за столбы покойнаго Иракла

Идемъ искать за тридевять земель,
Гдѣ бъ можно намъ подраться съ ближнимъ-дальнымъ,
Поразорить младенцевъ колыбель,
Облечь семейства трауромъ печальнымъ,
Жилища поселянъ предать огню
И растоптать ихъ жатву на корню.
Природа намъ сказала: будьте братья!
Убійствомъ Каинъ братство обновилъ.
И съ той поры, по безъ лицепріятья,
А сплошь войну братъ брату заявилъ.

И вотъ къ враждѣ отъ ветхаго завѣта
Еще вражда — національности:

Вѣтвь новая разросшейся вражды,
Народныхъ тяжбъ бездонное начало,
Которыхъ жнемъ кровавые плоды.
Какъ будто прежнихъ людямъ было мало;
Вотъ новую придумали они,
Чтобъ не отстать отъ драки и рѣзни!
Какъ будто мы не всѣ сыны Адама
И не одно сіянъ солнце намъ,
И въ свой чередъ не всѣмъ земная яма
Дастъ миръ и сонъ враждующимъ костямъ.
Земля не спроситъ паспорта! Отколѣ
Ты? За какой межой, въ которомъ полѣ

Ты вспахалъ житейскую бразду?
Будь пылкій сынъ лагунъ иль нѣмецъ мѣрной,
Родись ты даже на свою бѣду
На спорной полосѣ, сказать примѣрно,
Хоть въ Шлезвигѣ? Что жъ? Конченъ споръ и путь.
Ложись себѣ и Бисмарка забудь.
Смѣшно и жалко видѣть, какъ безъ цѣли
Мы портимъ жизнь, какъ братскую семью
Разбили мы на спорныя артели
И тратимъ силы въ родственномъ бою.
Есть на землѣ границы между нами —
Въ землѣ же мы всѣ будемъ земляками.

DCXV.

ВЛАДИМІРУ НИКОЛАЕВИЧУ КАРАМЗИНУ.

Густой туманъ покрылъ лагуны,
Въ туманѣ городъ потонулъ,
И въ темной путаницѣ улицъ
Готовъ кричать я „караулъ“.

Плывешь? Не видишь, гдѣ причалишь.
Идешь? Путь выбрать мудрено;
И какъ глаза свои не пялишь,
Вездѣ безвыходно темно.

Ну, словно, предъ тобою оный
Голстинско-Шлезвигскій вопросъ,
Когда долбятъ его бароны,
Уткнувъ въ него свой мудрый носъ.

Въ другихъ странахъ война — развязка
И окончательный резонъ:
Въ Нѣметчинѣ длиннѣе сказка,
А пѣмецъ и въ войнѣ мудренъ.

Дерется храбро, нѣтъ сомнѣнья:
Но для чего? вопросъ другой.

О немъ идутъ еще сужденья,
Пока ужь льется кровь рѣкой.

Чернила рядомъ льются съ кровью,
За каждой битвой протоколъ,
Глубокій тезисъ многословью
Дипломатическихъ ихъ школъ.

Умъ нѣмцевъ потаенный ящикъ:
Не отпереть со стороны;
И намъ даютъ они образчикъ
Метафизической войны.

Намъ ясность истины потреба:
У нѣмцевъ ясность не въ чести,
И чтобъ хватать имъ звѣзды съ неба,
Спѣшатъ въ глухой подвалъ сойти.

И здѣсь, гдѣ я съ недоумѣньемъ
Въ туманѣ мыкаю тоску,
Они бъ купались съ наслажденьемъ,
Какъ будто въ собственномъ соку.

Тумановъ ввѣрясь океану
И призраковъ любя обманъ,
Могли бъ они придать туману
Еще свой внутренній туманъ.

DCXVI.

АЛЕКСАНДРѢ ИЛЬИНИШНѢ КАРАМЗИНОЙ.

Въ углахъ на темныхъ перекресткахъ
Здѣсь видишь много образовъ:
На нихъ покровъ съ шитьемъ и въ блесткахъ,
Вѣнокъ и поясъ изъ цвѣтовъ.
И день, и ночь горятъ лампады
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,
Звѣзды надежды и отрады
Скорбящимъ тѣломъ иль душой.

Здѣсь мать рыдающая проситъ
Больному сыну жизнь спасти;
Морякъ съ молитвой ленту вноситъ
Предъ страхомъ дальняго пути;
Дѣвица въ сумеркахъ, украдкой,
Томясь плѣнительнымъ огнемъ,
Здѣсь молится и плачетъ сладко
О миломъ суженомъ своемъ.

Души и вѣры изліянья,
Слезъ и молитвы благодать!
Таятся свято въ васъ преданья,
Благочестивыхъ лѣтъ печать.

Вы невредимо уцѣлѣли
Среди житейскихъ бурь и битвъ:
Въ простыхъ сердцахъ не оскудѣли
Струи живительныхъ молитвъ.

И я встрѣчаю съ умиленьемъ
Обрядъ смиренной старины,
Не обезсиленной сомнѣньемъ,
Какъ мы, новѣйшихъ дней сыны,
И думой уношусь невольно
Къ стѣнамъ Кремля, гдѣ нашъ народъ
Тѣснится также богомольно
Въ часовнѣ Иверскихъ воротъ.

DCXVII.

ЭРНЕСТИНѢ ѲЕДОРОВНѢ ТЮТЧЕВОЙ.

Каналами въ позднихъ прогулкахъ
Плыву ли подъ тѣнью почной;
Брожу ли въ глухихъ закоулкахъ,
Вьющихся гибкой змѣей;
Смотрю ли на мрачныя зданья
Съ гербами угасшихъ родовъ,
На эти палацца молчанья,
На эти гробницы вѣковъ,

Подъ древнею тяжестью сводовъ,
Гдѣ дремлетъ чуть брежжущій свѣтъ;
Смотрю ль на изгибъ переходовъ,
Гдѣ, кажется, выхода нѣтъ?
Поэзіей смутною полны,
Весь городъ—живой арабескъ,
И воздухъ, и мраки, и волны,
И зыбкій чернильный ихъ блескъ.

Гляжу ли налѣво, направо?
Мнѣ всюду, подъ мракомъ почнымъ,
Мерещится дерзостный браво
Съ восточнымъ кинжаломъ своимъ.

То въ маскахъ, въ плащахъ боязливо
Скользитъ молодая чета:
Чуть слышится шагъ торопливой,
Украдкой чуть шепчутъ уста.

То сбирро, наемникъ послушный,
Опричникъ судилища трехъ,
Безжалостный и равнодушный,
Прохожаго схватитъ врасплохъ,
И молча подъ сводъ потаенный
Добычу свою проведетъ,
И будто живой погребенный
Тамъ безъ вѣсти онъ пропадетъ.

И мостъ по дорогѣ въ Орфано,
Въ сей мрачный безъ дна Ахеронъ,
Мостъ грозный, и поздно, и рано
Вновь слышитъ рыданья и стонъ.
Всѣ эти картины и сцены
Встаютъ и кипятъ предо мной:
Нѣмыя и воды, и стѣны
Откликнулисъ рѣчью живой.

Въ ночной тишинѣ мыслью дремля,
Какъ сны, ихъ разсказы лови,
Кровавымъ преданіямъ внемля
И нѣжнымъ легендамъ любви!
Край здѣшній всѣмъ тайнамъ усвоенъ:
Тайникъ онъ для счастья и зла,
И городъ съ тѣмъ, будто, построенъ,
Чтобъ жизнь въ немъ таиться могла.

Любви объясненья и ласки,
Свиданья въ условленный день —
Ни что не боится огласки,
Всему есть молчанье и тѣнь.

Все въ помощь влюбленнымъ счастливцамъ:
Скромна и безгласна вода,
И гондолы темной ревнивцамъ
Не выдастъ лагуна слѣда.

Не выдастъ уликой для свѣта
Изъ пропасти мрачной вода
Ни жертвы нѣмого стилета,
Ни жертвы нѣмого суда.
Благой иль зловѣщею сѣнью
Прикрытые ночи и дни
Любви оробѣлой и мщенью
Даруютъ охрану въ тѣни.

Вотъ этой Венеціи просятъ
Тоской вдохновенные сны
И чувство, и мысль переносятъ
Въ волшебную жизнь старины.
Мнѣ нужны здѣсь маски, стилеты,
И страшная тайная власть,
И ночью, и днемъ на извѣты
Открытая львиная пасть.

Мнѣ нужны здѣсь толки о дожѣ,
Мнѣ нужно во мракѣ ночномъ,
Чтобъ браво стоялъ на сторожѣ
И жертву слѣдилъ за столбомъ.
Регаты мнѣ празднество нужно:
Когда по торжественнымъ днямъ
Подъ веслами гондолы дружно
Несутся по синимъ зыбямъ,

Иль льются народные клики,
Привѣтствуя громкой хвалой,
Помолвку надъ моремъ владыки
Съ невѣстой, Царевной морской.

Предчувствуя радость и славу,
Сіяя въ алмазномъ вѣнцѣ,
Невѣста любовь и державу
Пріемлетъ въ завѣтномъ кольцѣ.

Не даромъ въ тотъ вѣкъ gondolieri
Пѣвали въ ночи наизусть
И мрачные сны Алигьери,
И Тасса любовную грусть,
И чудную быль Аріоста, —
И рой черноокихъ головъ
Изъ о́конъ, съ террассы и съ моста
Внимательно слушалъ пѣвцовъ.

Звукъ каждый и каждое слово
Сочувственны были сердцамъ,
И каждое сердце готово
И вѣрить, и вторить мечтамъ.
Страхъ тайный и вѣчно подъ тѣнью
Угроза незримой руки
Давали и пылъ наслажденью,
И пѣгу томленью тоски.

Поэзіи чудное царство!
Сливались въ немъ въ очеркъ живой:
И Дантова ада мытарства
Съ ихъ пытками, мукой и тьмой;
И въ маревѣ разнообразномъ
Манили изъ лона воды,
Съ ихъ чарами, пѣгой, соблазномъ
Армиды волшебной сады.

DCXVIII.

Красавица Венецію забыла,
И мысль ея отъ насъ ужь далека,
Но ей Венеція не измѣнила,
Порука въ томъ ея по ней тоска.

Сокровища свои здѣсь расточили
Поэзіи златыя времена.
И свѣтлая въ прекрасной здѣшней были
Красавицѣ глава посвящена.

Съ далекихъ горъ цвѣтокъ благоуханной,
Онъ промелькнулъ и улыбнулся намъ:
Съ чужихъ небесъ звѣздой непостоянной
Она прошла по нашимъ небесамъ,—

И нѣтъ ея. Но есть по ней преданье:
Оно хранитъ минувшаго слѣды;
Но въ сердцѣ есть цвѣтка благоуханье,
Есть теплый блескъ утраченной звѣзды.

Гость милую здѣсь встрѣтили радушно;
Поэзія съ поэзіей сошлась,
И тихой прелести она послушно
Сочувственной душею поддалась.

Въ нихъ что-то есть завѣтное, родное,
Онѣ должны другъ друга понимать;
Созвучье есть въ ихъ задушевномъ строѣ,
На красотѣ ихъ общая печать.

Тщета надеждъ, ихъ сонъ неуловимый—
Прекраснаго участокъ на землѣ:
И много думъ таинственныхъ прочли мы
На этомъ свѣтломъ, молодомъ челѣ.

Сдавалось намъ, что жизни опытъ строгій
Цвѣтущихъ дней ея не пощадилъ,
И что средь розъ, алѣвшихъ вдоль дороги,
Ихъ терніемъ, быть можетъ, уязвилъ.

Ни красота, ни почести, ни младость
Не оградятъ отъ лютыхъ стрѣлъ судьбы:
Иная жизнь цвѣтетъ другимъ на радость,
А въ ней самой тяжелыя борьбы.

И въ ясномъ днѣ таятся часто грозы,
Бушуетъ буря въ свѣтломъ ручейкѣ;
Подъ блескомъ глазъ есть внутреннія слезы,
И много ихъ въ сердечномъ родникѣ.

Вся наша жизнь не темная ль загадка?
Въ земныхъ понятьяхъ ей разгадки нѣтъ.
Вопросовъ тьма; но часто изъ десятка
И на девять не сыщется отвѣтъ.

Зачѣмъ, когда умъ простодушно молодъ
И вѣритъ въ жизнь и въ сны ея готовъ,
Зачѣмъ вразлохъ дѣйствительности холодъ
Такъ рано губитъ жатву свѣтлыхъ сновъ?

Зачѣмъ судьба воюетъ съ жизнью грозно,
Иль жизнь судьбѣ наперекоръ идетъ?

Здѣсь въ сиротствѣ два сердца вянутъ разно,
Когда сродство другъ къ другу ихъ влечетъ;

А тамъ двѣ жизни, какъ-то, почему-то,
Слѣпой судьбы ошибкой, иль игрой,
Златымъ кольцомъ закованныя круто,
Путемъ однимъ идутъ, но врозь душой.

И счастья даръ невѣрный и случайный
Зачѣмъ такъ рѣдко намъ знакомъ вполнѣ?
И въ радостяхъ есть отголосокъ тайный,
Что на землѣ непрочны и онѣ.

Въ своей красѣ задумчивой и грустной
Венеція — примѣръ намъ и урокъ:
Была пора — о ней молвы стоустной
Носился гулъ на западъ и востокъ;

Теперь, таясь подъ вдовьимъ покрываломъ,
Теперь она въ молчаньи и тѣни,
Но съ памятью о счастіи бываломъ
Въ тоскѣ влачитъ безжизненные дни.

Судьбы державъ, народовъ, человѣка
Измѣнчивы Спроси временъ скрижаль.
Вездѣ, всегда въ волненьяхъ дня и вѣка
Чего-то ждутъ, и все чего-то жаль.

И здѣсь тоска, и здѣсь воспоминанье,
Потухшій пепелъ и надеждъ, и благъ!
Здѣсь каждый взглядъ встрѣчаетъ увяданье,
Развалины встрѣчаетъ каждый шагъ.

Здѣсь Campo Santo жизни утомленной,
Душѣ больной, познавшей дней обманъ,
Здѣсь счастья блескъ насмѣшливый, надменной
Не раздражитъ въ ней потаенныхъ ранъ.

Уютно ей при этомъ небосклонѣ,
Который облака заволокли,
На этомъ тихомъ, сномъ объятомъ лонѣ,
Гдѣ голоса мірскихъ тревогъ вдали

Чуть слышатся въ затишьи благодатномъ,
Какъ грохотъ волнъ и дальной бури вой
Пловцамъ, страдавшимъ на морѣ превратномъ
И подъ вечеръ отшедшимъ на покой.

DCXIX.

СТАРЫЙ ГОНДОЛЬЕРЪ.

У входа въ мраморныя сѣни
Великолѣпнаго дворца,
Тамъ, гдѣ спускаются ступени
Волной омытаго крыльца,
Лежитъ старикъ, на солнцѣ грѣя
Свою хладѣющую кровь;
Но въ тепломъ сердцѣ, не старѣя,
Еще есть память и любовь.

Онъ помнитъ старины преданья,
Онъ вѣренъ имъ, онъ любитъ ихъ:
Вся жизнь его — воспоминанья
И отголосокъ дней былыхъ.
Спроси его, и на вопросы
Словоохотливый отвѣтъ
Дастъ гондольеръ сѣдоволосый
И скажетъ: „Много, много лѣтъ

„И по морямъ, и по лагунамъ
„Я рыскалъ, — смѣлый волкъ морской,
„Смѣясь и вѣтрамъ, и бурунамъ,
„И зною дня, и тьмѣ ночной.

„Но ужь давно въ родныя воды
„Не погружаю я весла,
„И гондола во дни невзгоды
„Вся мхомъ и ржею заросла.

„Хозяинъ дома, не внимая
„Моленьямъ нашимъ и слезамъ,
„Покинулъ сѣнь родного края
„И отплылъ къ чуждымъ берегамъ;
„Уѣхалъ онъ въ день Божьей кары,
„Когда уязвленный нашъ левъ
„Палъ подъ враждебные удары,
„Послѣдній испуская ревъ.

„Когда республикѣ державной
„Часъ грознаго конца пробилъ,
„И Бонапартъ самоуправной
„Цѣпь на свободу наложилъ,
„Въ тѣ дни былъ баринъ бодръ и молодъ;
„Но если живъ и нынѣ онъ,
„То и его постигли холодъ
„И дряхлость, общій всѣмъ законъ.

„Онъ не хотѣлъ быть гражданиномъ
„Отчизны, попранной врагомъ,
„И передъ чуждымъ властелиномъ
„Склониться доблестнымъ челомъ.
„Онъ говорилъ: — Путемъ позора
„Пусть къ почестямъ другой идетъ;
„Мнѣ память предковъ безъ укора
„Въ изгнаньи будетъ мой почетъ. —

„И много бѣдъ, стыда и горя
„Мы натерпѣлись въ эти дни.
„Въ неистовствѣ другъ съ другомъ споря,
„Врагъ и предатели свои

„Наперерывъ насъ унижали,
„Срывали съ древнихъ стѣнъ гербы,
„Сіи семейныя скрижали
„Величья, славы и борьбы.

„И Бучентоpe, нашъ народный
„Ковчегъ и славы колыбель,
„Разбили, какъ сосудъ негодный
„И впредь ненужную скудель.
„Они сожгли златую книгу,
„Истлѣлъ и пепелъ славныхъ дней,
„И подвели къ чужому игу
„Побѣдой вскормленныхъ коней.

„И тѣша алчность и гордыню,—
„Безъ страха вспомнить не могу—
„Санъ-Марка предали святыню
„На расхищеніе врагу.
„Исторгли хищные злодѣи
„Жизнь нашу, душу, плоть и кровь
„И унесли въ свой край трофеи,
„Честь предковъ, впуковъ ихъ любовь.

„Я пережилъ всѣ эти бури;
„И мнѣ остаткомъ прежнихъ благъ
„Съ небесъ сіяетъ блескъ лазури:
„Ее не могъ похитить врагъ.
„Воспоминаньями богатый,
„На все съ сочувствіемъ гляжу
„И опустѣвшія палаты,
„Какъ вѣрный песъ, я сторожу.

„А добрый баринъ и понынѣ,
„Заочно благодѣтель мой,
„Даетъ мнѣ щедрой благостыней
„И хлѣбъ насущный, и покой.

„Такъ день за днемъ—и предъ глазами
„Мнѣ снятся дальнія моря,
„Борьбы съ ревущими волнами,
„Когда надъ ними вѣтръ паря

„Ихъ треплетъ, гонитъ, мечетъ, давитъ,
„А кораблемъ своимъ морякъ
„По рытвинамъ и безднамъ правитъ
„Сквозь бой стихій, грозу и мракъ.
„Мнѣ снятся свѣтлыя видѣнья
„Великолѣпной старины,
„Когда рвались мы въ пылъ сраженья
„Подъ знаменемъ родной страны.

„Когда нашъ Еммо, въ блескѣ славы,
„Съ своихъ побѣдныхъ кораблей
„Исламу задалъ пиръ кровавый
„Средь возгорѣвшихся зыбей;
„Луна смутясь затрепетала,
„Тунисъ притихъ подъ лапой льва,
„А дома встрѣча ожидала
„И пѣснь, и почесть торжества.

„Текутъ, кипятъ народа волны,
„И въ ихъ главѣ нашъ дожъ Ренье...
„Весь воздухъ вздрогнулъ, кликовъ полный:
„Тѣ клики и теперь во мнѣ
„Преданьемъ радость возбуждаютъ,
„И молодѣю я душой,
„И словно ангелы летаютъ
„Надъ старческой моей главой".

DCXX.

Златомъ и лазурью нѣжной
Блещетъ гладкихъ водъ коверъ;
Тамъ вдали подъ шапкой снѣжной
Головы Тирольскихъ горъ.
Острова, въ волнахъ купаясь,
Словно стадо лебедей,
Манятъ взоры, освѣщаясь
Блескомъ утреннихъ лучей.

Въ свѣжей прелести предъ вами
Расцвѣтающихъ картинъ,
Между всѣми островами
На примѣтѣ есть одинъ
Чуждый городскому шуму
И житейскимъ суетамъ,
Онъ на насъ наводитъ думу,
Поучительную намъ.

Островъ свѣтлаго покоя,
Гдѣ нашли и гдѣ найдутъ
Послѣ бури, послѣ боя
Безобманчивый пріютъ
Жизни бурной, жизни бранной
Ратоборцы и пловцы,

Гдѣ сыновъ въ тиши желанной
Ждутъ почившіе отцы.

Здѣсь, гдѣ сребряная влага
Разливаетъ путь нѣмой,
Дроги — смерти колымага —
Не стучатъ на мостовой;
Здѣсь въ затишьи и прохладѣ
Свѣжъ почившихъ мирный сонъ,
Меньше ужаса въ обрядѣ
Тихихъ, плавныхъ похоронъ.

Льются псалмопѣнья клира,
Замирая надъ волной,
Пѣсни проводовъ изъ міра
И напутствія въ другой.
Тускло факелъ погребальной
То померкнетъ, то блеснетъ,
И торжественно-печально
Тихо гондола плыветъ.

Вотъ причалили ко брегу:
Вынутъ гробъ изъ челнока,
И къ послѣднему ночлегу
Проводили сѣдока.
Сдавши въ землю безвозвратно
Кладъ, что намъ земля дала,
Безъ хозяина обратно
Лодка молча отплыла.

DCXXI

Тамъ на земной границѣ
Блестящей багряницей
Одѣлись облака,
Прозрачное зерцало,
Лагуна зыбью алой
Подернулась слегка, —
И замеръ день усталый,
Какъ путникъ съ далека.

Повѣялъ сумракъ свѣжій.
Рыбакъ раскинулъ мрежи
Въ водахъ, объятыхъ сномъ:
Въ заботѣ рыболовной
Среди лагуны ровной,
Разлившейся стекломъ,
Самъ неподвижный словно
Приросъ онъ съ челнокомъ.

Какъ ни проста картина,
Но чуткая холстина
Подъ кистью мастерской;
Ни рѣчь, ни думъ свобода
Не скажутъ, что природа
Шепнетъ душѣ родной,
Безъ словъ, безъ перевода
На нашъ языкъ земной.

DCXXII.

ТОРЧЕЛЛО.

Облака все рѣже, рѣже,
Міръ стряхнулъ ночную тѣнь,
И ноябрьской нѣгой свѣжей
Южный утренюетъ день.

Воздухъ чистъ, и на просторѣ
Все такъ выпукло-свѣтло,
Горы блещутъ, блещетъ море,
Какъ прозрачное стекло.

Лодка плавно, безъ усилья,
Разсѣкаетъ лоно водъ,
Словно невидимки-крылья
Насъ уносятъ все впередъ.

Древле славное Торчелло
Выплываетъ изъ лагунъ:
Въ этотъ край нагрянулъ смѣло
Божій бичъ, свирѣпый Гуннъ.

Здѣсь на каменномъ престолѣ
Онъ когда-то возсѣдалъ:

Гласъ судебъ въ его глаголѣ
Раболѣпный міръ внималъ.

Здѣсь во дни народной славы,
Чтобы грубость превозмочь,
Роскошь услаждала нравы,
Роскошь, просвѣщенья дочь.

Здѣсь искусства процвѣтали,
Кисть, и молотъ, и рѣзецъ,
Блескъ и прелесть расточали
Днямъ грядущимъ въ образецъ.

Гавань, площади кипѣли,
Все торговлею цвѣло,
Въ дивахъ нѣжныхъ рукодѣлій
Ухищрялось ремесло.

Но — другой Аттила — время,
Злобнымъ натискомъ своимъ
Навалилъ столѣтій бремя —
И все рушилось подъ нимъ.

И теперь въ глуши безлюдной
Вся околица мертва;
По обломкамъ жизнью скудной
Пробирается трава.

Душный воздухъ, воздухъ смрадный
Смертоносно зараженъ;
Въ сонъ могильный, безотрадный
Островъ нынѣ погруженъ.

Но встрѣчаешь средь обломковъ
Мысли творческой труды:
Въ наслажденье для потомковъ
Не затерлись ихъ слѣды.

Мозаики блескъ и живость
Дышитъ древней красотой,
Стройныхъ мраморовъ красивость
Уцѣлѣла подъ грозой.

Все здѣсь замерло въ пустынѣ,
Но искусство не умретъ
И нетлѣнною святыней
На развалинахъ цвѣтетъ.

И Помпеи, и Эллады
Живоносенъ мертвый прахъ:
Творческихъ столѣтій клады
Въ ихъ заглохшихъ пустыряхъ.

Скажетъ скромное Торчелло,
Что прекраснаго и въ немъ
Пламя чистое горѣло
Предъ священнымъ алтаремъ.

Здѣсь, гдѣ жизнь течетъ безгласно,
Любознатель и поэтъ
Вопрошаютъ не напрасно
Голоса минувшихъ лѣтъ.

DCXXIII.

LA BIONDINA IN GONDOLETTA.

Сладко дремлетъ въ гондолеткѣ
Бѣлокурая красотка,
Словно пташечка на вѣткѣ;
Словно въ люлечкѣ дитя.

Легкимъ колыханьемъ лодки
И весла чуть слышнымъ плескомъ
Бѣлокурепькой красотки
Убаюкивало сонъ.

Снятся мѣсяцъ сй и звѣзды,
Снится небо голубое,
Снится пѣніе ночное
Изъ зазвѣздной стороны.

Снятся ей цвѣты и роща
Съ тѣнью свѣжей, съ тѣнью темной;
Въ рѣчи нѣжной, въ рѣчи скромной
Снится ей любви привѣтъ.

Спи, красотка молодая,
Спи, души и глазъ приманка,

Спи, моя Венеціанка,
Прелесть твой и самый сонъ.

Спи, головкою усталой
Опершись на бѣлу ручку,
И по розамъ щечки алой
Вейся локонъ золотой!

А когда раскроешь глазки,
Молодому гондольеру
Въ поцѣлуѣ нѣжной ласки
Тайный сонъ свой разскажи.

DCXXIV.

Накинутъ на гондолу фельце,
Онъ — черный гробъ, иль колыбель,
Дней нашихъ первая обитель,
Или послѣдняя ихъ цѣль.

Не всѣ ль по Canal grande жизни
Сквозь сонъ таинственно плывемъ?
Два гондольера правятъ лодкой,
Играя на бѣгу веслом,

Ихъ имена: судьба и время,
И совершаютъ перевозъ
И вдоль палаццъ, и вдоль развалинъ,
Въ день ясный и подъ тѣнью грозъ.

Веселье, трудъ, нужда, безпечность
Скользятъ по днямъ, какъ по волнамъ,
А тамъ во мракѣ ждетъ ихъ вѣчность,
Глухая пристань всѣмъ пловцамъ.

А тамъ—что̀ будетъ, то и будетъ!
Куда же мрачный гондольеръ
Причалитъ? Темная загадка,
Темнѣй всѣхъ прочихъ не въ примѣръ.

DCXXV.

Пожаръ на небесахъ — и на водахъ пожаръ.
Картина чудная! Весь рдѣя солнца шаръ,
Скатившись, запылалъ на рубежѣ заката.
Тѣснятся облака подъ жаркой лавой злата.
Съ землей прощаясь, день на пурпурномъ одрѣ
Одѣлся пламенемъ, какъ фениксъ на кострѣ.

Палацца залились потокомъ искръ златыхъ,
И храмовъ куполы, и кампанилы ихъ,
И мачты кораблей, и пестрые ихъ флаги,
И ты, крылатый левъ, когда-то царь отваги
А нынѣ, утомясь, по вѣковой борьбѣ,
Почившій гордымъ сномъ на каменномъ столбѣ.

Какъ моремъ огненнымъ мой саламандра-челнъ
Скользитъ по зареву воспламененныхъ волнъ.
Раздался колоколъ съ Санъ-Марко и съ Салуте:
Вечерній благовѣстъ, въ дневной житейской смутѣ
Смиренныя сердца къ молитвѣ преклоня,—
Пѣснь лебединая сгорающаго дня.

DCXXVI.

ВАКХАНАЛІИ.

Садъ тѣнистый надъ водами,
Оазисъ въ пустынѣ водъ,
Собралъ шумными толпами
Разгулявшійся народъ.

Будни! по счастливцамъ юга
Трудъ докучливый не въ мочь:
Жизнь ихъ — вѣчнаго досуга
Беззаботливая дочь.

И средь плясокъ, и средь пѣнья,
Подъ разгуломъ удалымъ,
Продолженьемъ воскресенья
Понедѣльникъ служитъ имъ.

Дѣвы юныя слетѣлись
Стаей птицъ веселыхъ въ садъ,
Причесались, пріодѣлись
Въ лучшій праздничный нарядъ.

Ярко смуглыя ихъ лица
Пышатъ знойной красотой,

Взглядъ горячій ихъ — зарница
Изъ-подъ тучи въ тьмѣ ночной.

Косъ широкихъ глянецъ зыбкій,
Ихъ одежды пестрота,
Станъ роскошный ихъ и гибкій,
Все — любовь и красота.

За толпой толпа ударитъ,
Радость оживляетъ всѣхъ,
Все поетъ, все тарабаритъ:
Крики, пѣсни, говоръ, смѣхъ!

Что за пылъ, что за восторги!
Но и въ самомъ ихъ жару
Нѣтъ разврата бурныхъ оргій
На растрепанномъ пиру.

И средь розъ и пестрыхъ далій
Сельской свѣжестью дохнулъ
Праздникъ трезвыхъ вакханалій,
Цѣломудренный разгулъ.

Не скажу, чтобъ безмятежно
Страсти здѣсь почили сномъ,
Чтобъ любовь хитро и нѣжно
Не проказила тайкомъ.

Какъ и прежде, такъ и нынѣ
Негой дышатъ здѣсь сердца,
И цитерскою богиней
Не утраченъ блескъ вѣнца.

Здѣсь цвѣтетъ ея держава,
Ей Венеція вѣрна:
Гдѣ любовь, сердецъ забава,
Здѣсь — ихъ быль и жизнь она.

Но покровъ накинутъ скромный
Отъ завистливыхъ очей,
Но и гондолы здѣсь темны,
А сердца еще темнѣй.

На лугу сидитъ подъ древомъ
Повѣствующій рапсодъ,
И разсказомъ и распѣвомъ
Потѣшаетъ онъ народъ.

Улеглись живыя волны,
Внемлютъ отрокъ и старикъ,
Какъ напѣвъ, созвучій полный,
Юга сладостный языкъ

Льется мѣрно рѣчью плавной,
Вызывая къ жизни вновь
Старины родной и славной
Были, битвы и любовь.

Ловятъ смыслъ и выраженья,
Жадно слушаютъ разсказъ,
Мѣткимъ словомъ одобренья
Прерываемый не разъ.

Вотъ и круглыя качели,
Хоть безъ русской быстроты,
Закружили, завертѣли
Беззаботныя четы.

Но ужъ солнечнымъ закатомъ
Загорѣлся верхъ зыбей,
На прощанье тутъ раскатомъ
Шумный праздникъ все шумнѣй.

Постепенно день темнѣетъ
И готовится ко сну,

Постепенно садъ пустѣетъ,
Погружаясь въ тишину.

Опустѣлъ онъ, многолюдной,
Гондолъ начался разъѣздъ,
А пространство тверди чудной
Заселилось сонмомъ звѣздъ.

Шумно понедѣльникъ прожитъ,
Пѣснямъ, игрищамъ конецъ —
Съ продолженьемъ впредь, быть можетъ,
Въ тайной повѣсти сердецъ.

Отблескъ дней давно минувшихъ,
Поэтическіе сны
Поколѣній, помянувшихъ
Праздникъ свѣтлой старины!

Увлекательность, безпечность,
Невзыскательность забавъ,
Шутокъ смѣхъ, простосердечность,
Южный умъ и южный нравъ,

Все здѣсь отразилось мило
Въ ясной прелести своей,
Будто время пощадило
Бытъ и вольность прежнихъ дней.

DCXXVII.

„Per obedir la“, что ни спросишь —
На все готовый здѣсь отвѣтъ:
Ну, словно, власть въ рукѣ ты носишь
Вертѣть, какъ хочешь, цѣлый свѣтъ.

По утру спросишь о погодѣ:
„Per obedir la, хороша“.
Спроси о бѣдности въ народѣ:
„Per obedir la, нѣтъ гроша“.

Какая вонь у васъ въ каналѣ!
„Per obedir la, вонь и есть“.
Богъ дѣтокъ далъ тебѣ, Пасквале?
„Per obedir la, дочекъ шесть“.

Я ночью слышалъ три удара:
„Per obedir la, громъ гремѣлъ“;
Я видѣлъ зарево пожара:
„Per obedir la, домъ сгорѣлъ“.

Давно ли, Бенно, ты ужъ вдовой?
„Per obedir la, съ годъ тому“.
Въ домъ не возьмешь ли женки новой?
„Per obedir la, что жь? возьму“.

Я слышалъ о твоей печали:
Разбойники вошли въ твой домъ?
„Per obedir la, обокрали,
„И я остался ни при чемъ".

Кто запрещаетъ здѣсь спектакли?
„Per obedir la, комитетъ".
Но комитетъ вашъ не дуракъ ли?
„Per obedir la, толку нѣтъ".

Ты не въ ладахъ съ своей женою,
Тебя измучила она?
„Признаться больно, а не скрою,
„Per obedir la, не вѣрна".

Любовникъ есть у этой донны?
„Per obedir la, даже три".
Что жь мужъ? „Per obedir la, жены
Перехитрятъ, какъ ни смотри".

А буря барку потопила?
„Per obedir la, и съ людьми".
О, баста, баста, грудь изныла
Отъ вашихъ словъ; провалъ возьми!

Типунъ вамъ на языкъ, сороки,
Съ per obedir la роковымъ.
Какъ, вонь, грабежъ, пожаръ, пороки,
Бѣды съ послѣдствіемъ своимъ,

Невѣрность женъ, людей проказы,
И то, что есть, и что прошло,
Про все и обо всѣхъ разсказы,
Рожденье, смерть, и смѣхъ и зло,

Все ждетъ, какъ щучьяго велѣнья,
Чтобъ словомъ грянулъ я однимъ,

И все падетъ безъ исключенья
Предъ всемогуществомъ моимъ?!

Нѣтъ, отрекаюсь я отъ власти
И вмѣстѣ отъ вопросовъ всѣхъ,
Чтобъ сплетни всѣ и всѣ напасти
Не брать мнѣ на̀ душу, какъ грѣхъ.

DCXXVIII.

Прелестный край! Надъ свѣтлой Брентой
Пестрѣютъ гнѣзда свѣжихъ виллъ,
И виноградникъ злачной лентой
Деревья стройныя обвилъ.

Полей и рощей безмятежность,
Сады улыбчиво глядятъ,
Цвѣтовъ обилье, блескъ и нѣжность
Земною радугой горятъ.

Глаза не могутъ оторваться
Отъ этихъ радостныхъ картинъ,
Ихъ красотой налюбоваться
Спѣшитъ небесъ холодныхъ сынъ.

Ему все въ радость, все такъ ново,
Такъ ласковъ и привѣтливъ югъ
Ему, который былъ сурово
Воспитанъ царствомъ зимнихъ вьюгъ.

Здѣсь рай! Счастливыя созданья,
Здѣсь люди безъ заботъ живутъ:
Они, какъ будто, наказанья
За грѣхъ Адамовъ не несутъ.

Жизнь много жнетъ, а мало сѣетъ,
Все даромъ достается ей,
И мать-природа всѣхъ лелѣетъ,
Какъ избалованныхъ дѣтей.

Подъ голубыми небесами,
На почвѣ вѣчно молодой
И бѣдный здѣсь богатъ дарами
Обильной житницы земной.

DCXXIX.

ВИЧЕНЦА.

I.

Красива и горда Виченца
Въ своемъ разорванномъ вѣнцѣ,
Съ улыбкой свѣтлою младенца
На смуглостарческомъ лицѣ.

На ней есть язвы боевыя
И отблескъ бодрой сѣдины,
Но есть и прелести живыя
Неувядающей весны.

Природа, вѣчно молодая
Въ теченьи годовыхъ временъ,
Цвѣтетъ, роскошно осѣняя
Зубцы ея старинныхъ стѣнъ.

Искусства, счастливыя дѣти
И вдохновенья, и мечты,
Свѣжо глядятъ изъ-за столѣтій
Въ младомъ безсмертьи красоты.

Не унесетъ ихъ въ мракъ забвенья
Потокъ мимотекущихъ дней,

И не ослабитъ выраженья
Ихъ не мерцающихъ лучей.

Придутъ поклонники искусства
Къ симъ вѣковѣчнымъ образцамъ,
И въ сыновьяхъ зажгутся чувства,
Давно знакомыя отцамъ.

Палладіо, отецъ твой крестный,
Тебѣ съ любовью завѣщалъ
Свой трудъ великій и прелестный,
Которымъ самъ онъ славенъ сталъ.

Его здѣсь имя вѣчно живо:
И отрокъ, и простолюдинъ
Припоминаютъ горделиво,
Что былъ и онъ Виченцы сынъ.

Для нихъ руки его созданья,
Сихъ стройныхъ памятниковъ рядъ,
Часть родового достоянья,
Честь, радость и семейный кладъ.

Театръ Олимпико! Эллады
Здѣсь зодчій образъ воскреснлъ:
Царя Эдипа ищутъ взгляды,
Ждешь, чтобъ Софоклъ заговорилъ.

Нахлынувшій народъ трепещетъ,
Какъ море въ вздрогнувшихъ волнахъ:
То весь онъ слухъ, то рукоплещетъ
Въ восторгѣ, страхѣ и слезахъ.

Предъ оживленною картиной,
Подъ стройнымъ вымысломъ пѣвца
Отозвались струной единой,
Въ одну струю слились сердца.

И уношусь я упоеньемъ
Въ вѣка, присущіе мечтѣ,
Когда и жизнь была служеньемъ,
И міръ былъ храмомъ красотѣ.

II.

Но вотъ звонокъ призывный внемлю —
Готовый поѣздъ запыхтѣлъ:
Другой Икаръ, съ небесъ на землю
Я прозаически слетѣлъ.

Берешь билетъ, поспѣшно съ ношей
Бѣжишь, чтобъ взвѣсили ее,
И гульденовъ, и зильбергрошей
Пригоршни высыплешь за все.

Тамъ, какъ на приступъ, безъ просрочки,
Сквозь давку полѣзай въ вагонъ,
Гдѣ ждутъ тебя, какъ сельди въ бочкѣ,
Шесть джентльменовъ и баронъ.

Съ машины вѣетъ запахъ смрадной,
Вагоны тронулись, летятъ,
И рельсы подъ долбней громадной
То глухо стонутъ, то скрипятъ.

Что за слова и что за звуки!
Ихъ техникой плѣнился свѣтъ:
Быть можетъ, много въ нихъ науки,
Но ужъ изящности въ нихъ нѣтъ.

Гдѣ тутъ поэзія? Поблекла
Она, и паръ ее коптитъ.
Какъ далеко мы отъ Софокла,
И самъ Палладіо забытъ.

Другіе дни — другая сила,
На насъ повѣялъ новый духъ;
Зажглись обширныя горнила,
Но прежній пламенникъ потухъ.

Имъ жизнь и міръ весь озаряли
Счастливой древности умы,
Но эти варвары не знали
Всего, что̀ выдумали мы.

Прекрасной жизни — старцы эти
Первосвященные жрецы:
А мы, потребъ новѣйшихъ дѣти, —
Механики и кузнецы.

DCXXX.

ВЕРОНА.

Стезей, себѣ межь горъ прорытой,
Бушуя Адиже течетъ,
И грохотъ волнъ его сердитой
Свой вопль скаламъ передаетъ.
Въ ней южный пылъ, въ ней южной страстью
Злопамятно кипитъ волна:
Не хочетъ быть подъ чуждой властью,
Не хочетъ Очемъ быть она.

Ей это имя въ стыдъ и горе:
Чтобъ это имя не носить,
Спѣшитъ она въ глубокомъ морѣ
Его съ собою потопить.
Вотъ почему она такъ рвется,
И видъ такъ гнѣвенъ и суровъ,
И такъ запальчиво несется
Вдоль ей постылыхъ береговъ.

Но между тѣмъ, волнуясь гнѣвомъ,
Порой въ теченіи своемъ,
Какъ будто жалобнымъ напѣвомъ
Она тоскуетъ о быломъ.

Своей Вероны помнитъ славу,
Свободы бурной времена,
Когда въ народную забаву
Междоусобья и война

Умы и души возжигали
Отвагой буйной и враждой,
И злобно Гвельфы наступали
На Гибеллиновъ въ смѣлый бой.
Она любила шумъ и смуты
Сихъ завсегда тревожныхъ дней,
Закалъ и доблестный, и лютый
Своихъ заносчивыхъ дѣтей.

Вражды Монтекки съ Капулетти
Поднесь еще дымится кровь:
Но ихъ довѣрчивыя дѣти
Месть промѣняли на любовь.
Цвѣтами, нѣгой безмятежной
Благоухаютъ садъ и ночь —
Съ балкона внемлетъ рѣчи нѣжной
Младая Капулетти дочь.

Ромео! Страстная Жюльетта!
Здѣсь видимъ васъ, здѣсь слышимъ васъ,
И съ пѣснью жавронка,—поэта
Разсказъ еще волнуетъ насъ.
Любовь сошла на вашу младость,
Но рано цвѣтъ ея увялъ;
Любовь была вамъ не на радость,
И гробъ одинъ васъ обвѣнчалъ.

Въ года изгнанья эти воды
Поили славнаго пѣвца,
Когда его томили всходы
Крутого чуждаго крыльца.

Когда подъ язвами кручины
Въ враждѣ съ людьми, въ враждѣ съ собой
Ему былъ горекъ хлѣбъ чужбины
И душенъ воздухъ неродной.

DCXXXI.

Lago di Garda — яхонтъ синій
Въ оправѣ изумрудныхъ горъ:
Здѣсь, словно грозныя твердыни,
Громады скалъ встаютъ въ упоръ.

А тамъ, спускаясь горнымъ скатомъ,
Цвѣтутъ лимонные сады;
Изъ-за столбовъ красивыхъ, златомъ
На солнцѣ рдѣютъ ихъ плоды.

Несется лодка зыбью синей,
И зыбь, какъ зеркало, чиста:
Во слѣдъ плѣнительной картинѣ
Другой картины красота.

Все и повсюду заглядѣнье —
И на горахъ, и на водѣ:
Край тихій — спорное владѣнье
Сосѣдей межъ собой въ враждѣ!

Съ любовью нелицепріятной
На всѣхъ ты ласково глядишь
И всѣхъ улыбкой благодатной
Ты въ общей радости миришь.

Не зная Гвельфовъ, Гибелиновъ,
Природа всѣмъ родная мать,
Не станетъ въ распрѣ властелиновъ
За ту или другую рать.

Равно ей, кто бъ страной ни вѣдалъ,
Хоть Гибелинъ изъ хладныхъ странъ,
Хоть новый Гвельфъ, что Ниццу предалъ,
Чтобы въ подарокъ взять Миланъ.

Не быть ей хуже, ни пригожѣй,
Ей не въ почетъ и не въ упрекъ —
Стой подъ ружьемъ здѣсь на сторожѣ
Ла Мармора иль Бепедекъ.

Храни, о путникъ, мудрость ту же
И, вѣря въ красоту одну,
Безъ справокъ о законномъ мужѣ
Влюбляйся по-просту въ жену.

DCXXXII

Вотъ улыбнулось Дезенцано
Надъ свѣжей утренней волной,
Какъ дѣва, съ ложа вставши рано,
Въ стеклѣ любуется собой.

Салò (но не читайте сàло)
Глядитъ, какъ за потухшимъ днемъ
Темнѣетъ озера зерцало
И тускнетъ въ сумракѣ ночномъ.

Мадерно, Рива, Тремозине,
Подъ тѣнью горной высоты,
Прохладно нѣжатся на лонѣ
Природы, полной красоты.

Поэзіей и вдохновéньемъ
Здѣсь упивается мечта,
Любуясь съ тайнымъ наслажденьемъ
На живописныя мѣста.

Одно ужь имя благозвучно!
Тѣ звуки память затвердитъ,
А съ ними вмѣстѣ неразлучно
И свѣтлый образъ сохранитъ.

DCXXXIII.

МЕРАНЪ.

I.

Со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ вершинъ
Стремятся шумные потоки,
И голоса ихъ въ гулъ одинъ
Слились, то близкій, то далекій.

Водоточивая земля!
Гнѣздо ундинокъ и форелей,
Когда тобой любуюсь я,
Сдается мнѣ, что и доселѣ

Еще просохнуть не могли
Потопа древняго разливы:
Но благодѣтелемъ земли
Онъ здѣсь понтъ сада и нивы;

Деревьямъ ростъ и плодъ даетъ,
Подъ зноемъ дня даритъ прохладу
И безпрестанно взоръ влечетъ
Отъ водопада къ водопаду.

Какъ пѣснь земли, какъ горный даръ,
Звучатъ безъ умолку ихъ волны:

Луга, лѣса, ущелья горъ
И день, и ночь ихъ пѣньемъ полны.

Ихъ грохотъ слышенъ въ шумномъ днѣ
И заглушаетъ дня тревоги,
И вздрагиваетъ ночь во снѣ
Тамъ, гдѣ потокъ стучитъ въ пороги.

II.

Здѣсь вода, но здѣсь и горы,
И какія, сколько ихъ!
Разомъ не окинуть взоры
Скатовъ и вершинъ крутыхъ.

Зелень всѣхъ оттѣнковъ нѣжныхъ
Разстилается ковромъ,
Кое-гдѣ подъ шлемомъ снѣжнымъ
Горы блещутъ серебромъ.

А внизу, въ ложбинѣ чудной,
Гдѣ потокъ неукротимъ,
Словно въ ваннѣ изумрудной,
Мы безвыходно сидимъ.

III.

Замками, замкамъ во слѣдъ,
Здѣсь облѣпились всѣ горы,
Дикихъ, воинственныхъ лѣтъ
Башни, засады, затворы!

Много видали вы битвъ,
Приступовъ, дракъ рукопашныхъ,
Много и женскихъ молитвъ
Слышали въ дняхъ этихъ страшныхъ.

Братья, мужья, сыновья
Бьются и падаютъ въ битвѣ,
Жены, невѣсты, семья
Дома въ слезахъ и молитвѣ

Къ образу Дѣвы Святой
Ставятъ усердно лампаду,
Молятъ, да Промыслъ благой
Въ душу пошлетъ имъ отраду

Замки, окрестности страхъ,
Гнѣзда орловъ кровожадныхъ, —
Рыцарей, смѣлыхъ въ бояхъ,
Местью къ врагамъ безпощадныхъ.

Нынѣ — развалины вы;
Бродятъ въ васъ мрачныя тѣни;
Зеленью свѣжей травы
Блещутъ помостъ и ступени;

Крови, обрызгавшей ихъ,
Нѣтъ ни слѣда, ни помину,
Нѣтъ и потѣхъ боевыхъ,
Славой вѣнчавшихъ дружину.

Путнику съ дальнихъ сторонъ,
Васъ посѣтившему нынѣ,
Вы — лишь минувшаго сонъ,
Прелесть и прихоть въ картинѣ.

IV.

Иль новой жизнью облеклись
Старинныхъ замковъ пепелища,
Обломки заново срослись
Въ гостепріимныя жилища.

И какъ улыбчивы они!
Свѣтлѣютъ окна ихъ прозрачно,
Тогда какъ въ боевые дни
Все было заперто и мрачно.

Весна балконовъ легкихъ рядъ
Цвѣтущей зеленью прикрыла,
Обильемъ розъ воздушный садъ
Свѣжо украсилъ ихъ перила.

Сквозь вѣтви мраморы глядятъ,
Струя играетъ въ водометѣ
И брызжетъ въ грудь младыхъ наядъ,
Почившихъ въ сладостной дремотѣ.

Гдѣ смерть грозила изъ бойницъ,
Гдѣ возвышался мостъ подъемный,
Гдѣ угасалъ въ глуши темницъ
И юноша, и старецъ томный,

Тамъ безопасно, безъ заботъ,
На лонѣ мира и свободы
Теперь младая жизнь цвѣтетъ
Въ виду цвѣтущей съ ней природы.

Владѣльцы этихъ древнихъ стѣнъ
Узнать ихъ не могли бы нынѣ:
Ни ихъ самихъ, ни тѣхъ временъ
Грозы и нравовъ нѣтъ въ поминѣ.

И развѣ дѣвѣ въ тьмѣ почной
Въ сихъ мрачныхъ пѣкогда палатахъ
Приснится рыцарь молодой
Подъ шлемомъ, въ панцырѣ и латахъ;

Его привѣтствуетъ она
Улыбкой дѣвственной и милой,

И власть обманчиваго сна
Ее чаруетъ тайной силой;

И только утромъ этотъ сонъ
Смущаетъ думъ ея стыдливость,
И на душу паводитъ онъ
Невыразимую тоскливость.

Чего-то ждетъ, кого-то ждетъ
Она въ волненьи и надеждѣ,
Ей чудится — ее зоветъ
Красавецъ въ рыцарской одеждѣ!

Счастливая своей мечтой,
Когда приляжетъ къ изголовью,
Томится днемъ она тоской
И безымянною любовью.

V.

По ребрамъ горъ сѣдой волною
Такъ низко бродятъ облака,
Что такъ и кажется порою,
Легко схватила бъ ихъ рука.

Когда же тучи заволочатъ
Крутыя маковки вершинъ,
О, какъ онѣ глаза морочатъ
Фантасмагоріей картинъ.

Есть что-то общее, родное
Въ причудливомъ разрѣзѣ горъ
И въ фантастическомъ покроѣ,
Которымъ тучи тѣшатъ взоръ.

Намъ въ людяхъ плоскость надоѣла,
И къ высямъ просятся мечты,

Когда ихъ пошлость одолѣла
Средь населенной тѣсноты.

Имъ скучно, душно въ ровномъ полѣ,
Имъ любо рыскать по горамъ,
Имъ хочется летать по волѣ
Во слѣдъ свободнымъ облакамъ.

Воображенью тутъ раздолье —
Волшебный міръ предъ нимъ раскрытъ,
Думъ полусонныхъ своеволье
Что хочетъ, то и разглядитъ.

Какъ крѣпость, горная громада
Здѣсь башни въ тучи уперла;
Ей не страшна враговъ осада,
Не сдастся гордая скала.

А вотъ волшебный замокъ темный,
Нѣтъ въ замкѣ оконъ, нѣтъ дверей:
Царевну карликъ вѣроломный
Тутъ держитъ узницей своей.

А вотъ утесъ глядитъ монахомъ
Съ могильнымъ заступомъ въ рукѣ,
И дѣва робкая со страхомъ
Проходитъ мимо вдалекѣ.

А тучи какъ многообразно
И поэтически глядятъ,
Какъ съ каждою минутой разно
Мѣняется ихъ видъ и складъ.

То, чудится, звѣринецъ цѣлый
Разсыпался по небесамъ:
Вотъ левъ, верблюдъ, вотъ лебедь бѣлый
Плыветъ по синимъ полосамъ;

Лежатъ кудрявые барашки,
Звѣрей невиданныхъ стада,
И будто вылетаютъ пташки
Изъ бирюзоваго гнѣзда.

Киты, причудливыя рыбы,
Какихъ и въ океанѣ нѣтъ,
То серебра, то снѣга глыбы,
То надъ горами горъ хребетъ

Прозрачны, зыбки эти горы
И огнедышущи онѣ:
По нимъ то радуги узоры,
То вьются молніи въ огнѣ.

Когда жъ лучами золотыми
На тучи солнце блескъ прольетъ,
Съ златыми кровлями своими
Воздушный городъ возстаетъ.

Дворцы и храмы... вотъ свѣтлица:
У растворенаго окна
Сидитъ красавица-дѣвица
И улыбается она.

Предъ налетающей грозою
По вѣтру волны облаковъ
Несутся бурною рѣкою
Безъ дна, русла и береговъ.

А вотъ въ взволнованное море
Преобразились облака,
И флотъ крылатый на просторѣ
Летитъ, поднявши паруса.

Въ калейдоскопѣ небосклона
Вдругъ моря нѣтъ, и сгинулъ флотъ;

Вотъ развѣваются знамена,
И вѣтеръ треплетъ ихъ и рветъ.

Здѣсь ратный строй въ красѣ суровой
Разлегся грозно вдоль горы,
И облака картиной новой
Разбились въ бѣлые шатры.

Охота... псовъ задорныхъ стая
Бѣжитъ поляной въ вышинѣ,
За ними серну догоняя,
Охотникъ мчится на конѣ.

Вдали, подъ утреннимъ туманомъ
Или при мѣсячныхъ лучахъ
Плывутъ во слѣдъ за Оссіаномъ,
Съ златыми арфами въ рукахъ,

Моины тѣнь и тѣнь Фингала,
Лицомъ къ лицу, рука съ рукой,
И растворяется Валгала
Передъ прекрасною четой.

Здѣсь собранъ въ стройномъ безпорядкѣ
Музей всего, что только есть,
На что въ причудливомъ припадкѣ
Со сна мечты могли бъ набрѣсть.

Вотъ въ тучи витязь изваянный
Весь въ латахъ на гробницѣ спитъ,
А вотъ и призракъ безымянный
Бѣжитъ безъ ногъ, безъ крылъ летитъ.

Тамъ мрачныя каріатиды
Поддерживаютъ неба сводъ,
А здѣсь прозрачныя сильфиды
Вплелись въ воздушный хороводъ.

Вотъ алебастровыя чаши,
Издѣлье мастерской руки;
Вотъ даже въ родѣ простоквашн
Молочно-сизые куски.

VI.

Лачуга съ тѣсною конуркой
И та здѣсь зрѣнію мила;
Здѣсь зелень свѣжей штукатуркой
Ее красиво обвила.

Надъ воротами, иль въ простѣнкахъ,
Средь плюща, цѣпкихъ павилнкъ
Изображенъ въ живыхъ оттѣнкахъ
Святого благодатный ликъ.

Семьи и дома онъ хранитель,
Во всемъ споспѣшникъ, доброхотъ,
Въ бѣдѣ падежный утѣшитель
И покровитель всѣхъ работъ.

Кругомъ природы даровитость,
Травъ благовонье, злачность ихъ,
Деревьевъ тѣнь и плодовитость,
Бразды колосьевъ золотыхъ;

Подъ окнами съ горы несется
Хрустальной влагой водопадъ,
Кудрявый виноградникъ вьется,
И розами алѣетъ садъ.

DCXXXIV.

П. А. ПЛЕТНЕВУ и Ф. И. ТЮТЧЕВУ.

Вамъ двумъ, вамъ спутникамъ той счастливой плеяды,
Которой нѣкогда и я принадлежалъ,
Вамъ, сохранившимъ вкусъ, сочувствія и взгляды,
Въ которыхъ нашъ кружокъ возросъ и возмужалъ,
Вамъ я безъ робости, но и не самохвально,
Довѣрчиво несу тетрадь моихъ стиховъ.
Что наблюдалъ мой умъ, что на сердце печально
Иль свѣтлымъ заревомъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ сновъ
Ложилось въ тайныя минуты вдохновенья,
О чемъ мнѣ плакалось, чему смѣялся я,
Порывы добрыхъ чувствъ, ошибки, заблужденья,
Невольные грѣхи земного бытія,
Мои пристрастія, но съ чувствомъ безкорыстнымъ,
Все, что прочувствовать, продумать мнѣ пришлось,
Любовь къ добру, вражду къ продѣлкамъ ненавистнымъ,
Всю исповѣдь мою, всего меня насквозь,
Прочтете вы въ моей предательской тетради.
Осудите не разъ вы въ ней неточный стихъ,
Самоуправство словъ стопы иль риѳмы ради,
Подчасъ незвучный складъ иль прозу строфъ моихъ,
Но строго не щадя замѣтокъ и упрека,
Худое выбросивъ изъ малаго добра,

Вы будете искать въ поэтѣ человѣка,
И чувства выкупятъ погрѣшности пера.
Писалъ не для молвы, писалъ я на безлюдьи.
Читателей моихъ кругъ страшно порѣдѣлъ:
Жуковскій съ Пушкинымъ мои бывали судьи,
Я старыхъ потерялъ, а новыхъ не обрѣлъ;
Но вы остались мнѣ, въ васъ память ихъ живая,
Вы публика моя, вы мой ареопагъ,
Въ васъ свято теплится еще любовь родная,
Которою свѣтлѣлъ семейный нашъ очагъ.
О прошломъ вспоминать еще могу я съ вами;
Въ насъ отголосокъ есть отъ порванной струны,
Мѣняться можемъ мы знакомыми рѣчами,
Преданьями родной, намъ общей старины.
Я публику люблю въ театрѣ и на балахъ,
Но толками ея не слишкомъ дорожу.
Найдетъ ли бѣсъ стиховъ—не мыслю о журналахъ.
Похвалятъ—очень радъ. Освищутъ—не тужу,
Я бѣгать не любилъ съ толпой за многобожьемъ,
За мнѣніемъ въ чести и за людьми въ ходу,
И рабски имъ служить пружиной или подножьемъ
И понуждаемъ быть съ другими наряду.
Мнѣ нравилась всегда неторная дорога;
Что мыслилъ—высказалъ, что чувствовалъ—пропѣлъ,
И въ осень уголокъ домашняго порога
Цвѣтами поздними убралъ я, какъ умѣлъ.
Кого жъ, когда не васъ, дней лучшихъ старожилы,
На скромный праздникъ мой мнѣ въ гости пригласить?
Другихъ, любезныхъ намъ, не вызвать изъ могилы:
Что время разнесло, того не воротить.
Доволенъ буду тѣмъ, когда своей хандрою,
Я васъ разжалоблю или шуткой разсмѣшу.
Примите жъ вы мой даръ съ радушной простотою,
Съ любовью, какъ и я его вамъ подношу!

DCXXXV.

ШЛОССЪ ИЛАНТА.

Люблю я посѣщать зеленый этотъ замокъ;
Весь плющемъ онъ обвитъ, какъ толстою стѣной,
И надъ воротами, и вдоль оконныхъ рамокъ
Кудряво вьется плющъ зеленою рѣзьбой.

Футляръ, въ которомъ скрытъ вѣковъ клейнодъ огромный,
Ножны ужъ ржавчиной покрытаго меча,
Пожалуй, на мѣху и плащъ зеленотемный,
Который старецъ нашъ накинулъ на плеча.

Другъ замка, плющъ хранитъ его отъ разрушенья,
Его развалины вѣтвями онъ спаялъ.
Искусство не придастъ такого украшенья:
Въ трудѣ за вѣкомъ вѣкъ природѣ помогалъ.

И создали они прелестную картину,
И ненаглядную, и чудную глазамъ:
Не перенесть ея на мертвую холстину,
Хоть будь ты Рюисдаль, хоть будь другой Каламъ.

Здѣсь обитать должна зеленая царица
Обросшихъ лѣсомъ горъ и рощей, и дубравъ;

При ней и дворѣ ея, русалокъ верепица
Въ вѣнкахъ лѣсныхъ цвѣтовъ, вѣтвей и свѣжихъ травъ.

Когда въ ночной тиши потокъ разноситъ грохотъ
И при лунѣ кипитъ серебряной волной,
Онѣ сливаютъ съ нимъ пронзительный свой хохотъ
И средь зеленыхъ стѣнъ справляютъ шабашъ свой.

DCXXXVI.

Здѣсь, гдѣ подъ синевой небесной
Землей устроенъ свѣтлый пиръ,
Гдѣ средь цвѣтовъ, въ тѣни древесной,
Цвѣсти бы долженъ вѣчный миръ —

И злость беретъ, и сердцу больно,
Когда путеводитель мой
Укажетъ мнѣ самодовольно
На мѣстность, гдѣ былъ грозный бой.

Онъ все исчислитъ, все предъявитъ
И по листкамъ природныхъ картъ
Не хуже Тьера вамъ представитъ,
Какъ гналъ цесарцевъ Бонапартъ,

Иль послѣ какъ цесарцы тѣ же,
Вступивъ опять на свой рубежъ,
Громили ядрами—понеже
Народный имъ грозилъ мятежъ.

Здѣсь бранныхъ жертвъ хранятся кости,
Тамъ плотно врѣзалось ядро —
Такъ званые природой гости
Ей платятъ за ея добро.

За крѣпостцою скалитъ крѣпость
Бойницъ смертельные ряды:
Людей кровавая нелѣпость
И звѣрство дикой ихъ вражды.

Все человѣческою бойней
Глядитъ, все запятнала кровь;
А кажется, гдѣ бы спокойнѣй
Могли жить братство и любовь?

Въ опальной сторонѣ—добро бы
Въ Камчаткѣ -- люди были злы:
Тамъ вѣчно снѣжные сугробы,
И неба нѣтъ, а царство мглы;

Въ потьмахъ и съ горя, и со скуки
У злой природы въ кабалѣ
Пускай бы упражнялись руки
Въ кровавомъ этомъ ремеслѣ.

Но здѣсь въ раю, на лонѣ злачномъ
Всѣхъ нѣгъ, всѣхъ радостей земныхъ,
Какъ можно, въ ослѣпленьи мрачномъ,
Не знать цѣны и блага ихъ?

Свою Аркадію какъ можно
Преобратить въ военный станъ
Такъ, что смущаютъ жизнь тревожно
Набатъ, пальба и барабанъ.

DCXXXVII.

Давно плыву житейскимъ моремъ,
Не разъ при мнѣ вздымался валъ,
Который счастьемъ или горемъ
Пловцовъ случайно заливалъ

Но въ красный день и подъ непастьемъ
Не могъ я хорошо понять,
Что люди признавали счастьемъ
И что способны горемъ звать.

Ихъ поиски мнѣ были чужды,
И чужды ихъ заботъ плоды.
Въ ихъ счастьи не имѣлъ я нужды,
Въ ихъ горѣ не видалъ бѣды.

Чужому мнѣнью, словно игу,
Не подставлялъ я головы;
Какъ зналъ, читалъ я жизни книгу,
Но не со словъ людской молвы.

Теперь, что съ альфы на омегу
Я окончательно попалъ,
Теперь, что послѣ бурь ко брегу
Несетъ меня послѣдній валъ,

Еще съ толпою разнороднѣй
Своимъ фарватеромъ плыву,
И мнится мнѣ, все сумазброднѣй
Всѣ люди бредятъ на яву.

Я правъ, иль нѣтъ? Не мнѣ задачу
Рѣшить; но съ грустью сознаюсь —
О торжествахъ я часто плáчу,
А надъ страданьями смѣюсь.

DCXXXIX.

На жиломъ берегу,
На людской сторонѣ
Грустно мнѣ, тошно мнѣ,—
И сказать не могу.

Убѣжалъ бы я прочь
Подъ дремучую тѣнь,
Гдѣ въ зеленую ночь
Потонулъ яркій день;

Гдѣ деревья сплелись
Изумруднымъ шатромъ,
Гдѣ цвѣты разрослись
Мягкимъ, свѣжимъ ковромъ.

Отъ житейскихъ тревогъ
Я бы тамъ отдохнулъ,
На цвѣты бы прилегъ
И безпечно заснулъ.

DCXL.

Мнѣ нужны воздухъ вольный и широкій;
Здѣсь рощи тѣнь, тамъ небосклонъ далекій,
Раскинувшій лазурную парчу,
Луга и жатва, холмъ, оврагъ глубокій

Съ тропинкою къ студеному ключу,
И тишина, и сладость нѣги праздной
И день за днемъ всегда однообразной:
Я жить усталъ,—я прозябать хочу.

DCXLI.

МАТЕРИ ОТЪ ДѢТЕЙ.

Хоть говорливо сердце наше,
Но бѣденъ дѣтскихъ словъ запасъ;
А есть одно,—одно всѣхъ краше
И всѣхъ понятнѣе для насъ.

И безъ уроковъ научила
Ему насъ Божья благодать,
Имъ насъ она благословила, —
Святое слово это: мать!

Оно такъ мило, такъ привѣтно,
Душѣ такъ радостно-свѣтло;
Оно съ молитвой незамѣтно
Намъ въ душу...

И въ этомъ словѣ—словъ такъ много.
Отецъ, семья, родная сѣнь
И все, чѣмъ съ лаской у порога
Насъ жизнь встрѣчаетъ въ свѣтлый день.

И къ Промыслу любовь возносимъ
Мы дѣтскимъ голосомъ своимъ,
И о тебѣ Его мы просимъ,
И за тебя благодаримъ.

DCXLII.

ПОМИНКИ.

Дельвигъ, Пушкинъ, Баратынскій,
Русской музы близнецы,
Съ бородою Бородинской
Завербованный въ пѣвцы,

Ты, наѣздникъ, ты, гуляка,
А подчасъ и Жомини,
Сочетавшій пѣснь бивака
Съ пѣснью нѣжною Парни!

Ты, Языковъ простодушный,
Нашъ заволжскій соловей,
Безыскуственно послушный
Тайной прихоти своей!

Ваши дружескія тѣни
Часто вьются надо мной,
Вашихъ звучныхъ пѣснопѣній
Слышенъ мнѣ напѣвъ родной.

Ваши споры и бесѣды,
Словно шли они вчера,

И веселые обѣды
Вплоть до самаго утра,

Все мнѣ памятно и живо.
Прикоснетесь вы меня,
Словно вызоветъ огниво
Искръ потоки изъ кремня.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужь замолкшія давно,
Въ столкновеньи милой встрѣчи
Все воспрянетъ заодно.

Дѣло пополамъ съ бездѣльемъ,
Трудъ степенный, нѣги лѣнь,
Смѣхъ и грусти за весельемъ
Набѣгающая тѣнь,

Все, чѣмъ жизни блескъ наружной
Соблазняетъ легкій умъ,
Все, что въ тишинѣ досужной
Пища тайныхъ чувствъ и думъ,

Сходитъ все благимъ напитьемъ
Въ поздній сумракъ на меня,
И событьемъ за событьемъ
Льется памяти струя.

Въ ихъ живой потокъ невольно
Окунусь я глубоко,
Сладко мнѣ, свѣжо и больно,
Сердцу тяжко и легко.

DCXLIII.

ДОРОГОЮ.

Были годы, было время —
Я любилъ пускаться въ путь;
Думъ домашнихъ сброшу бремя,
И лечу куда-нибудь.

Любо духомъ встрепенуться
И повыше отъ людей
Вольной птицей окунуться
Въ вольномъ воздухѣ полей.

Мчатся удалые кони,
Рѣжутъ воздухъ на лету;
Съ этой ухарской погони
И въ морозъ они въ поту.

Тутъ коляски легкой качкой
Разыграется мечта,
И восторженной горячкой
Заглагольствуютъ уста.

Только звонко застрекочетъ
Колокольчикъ-стрекоза,

Риѳма тотчасъ вслѣдъ наскочетъ,
Завертится егоза.

И пойдетъ тутъ перестрѣлка:
Колокольчикъ дробью бьетъ,
А вострyха-скороспѣлка
Свой трезвонъ себѣ несетъ.

И подъ ихъ скороговорку
Обаяньемъ умъ обдастъ.
Ну, ямщикъ, съ горы на горку,
А на водку баринъ дастъ.

Нипочемъ мнѣ дождь и ведро,
Лѣто, осень и зима;
Заѣзжалъ я даже бодро
Въ станціонные дома,

Родъ сараевъ, балагановъ,
Гдѣ содержатъ для гостей
Очень много таракановъ,
Очень мало лошадей.

Нынѣ — старость одолѣла,
Прихотливѣе я сталъ;
Съ грустнымъ увяданьемъ тѣла
И мой духъ попріувялъ.

Нуженъ комфортъ мнѣ; добра же
Нѣтъ того здѣсь и примѣтъ,
Нѣтъ въ россійской жизни, даже
Въ словарѣ россійскомъ нѣтъ.

И на риому пѣтъ улову,
Разбрелись двойчатки врозь,
Не пригонишь слова къ слову—
Все ложатся вкривь и вкось.

DCXLIV.

ВЕВЕЙСКАЯ РЯБИНА.

Внучкѣ моей Катѣ Вяземской.

Я отыскалъ свою рябину,
Которой пѣснь я посвятилъ
Съ которой русскую кручину
Здѣсь на чужбинѣ я дѣлилъ.

Въ нарядномъ, красномъ сарафанѣ,
Подъ блескомъ солнечнаго дня,
Еще пышнѣй, еще румянѣй
Глядитъ красавица мол.

Радушно-ласковымъ привѣтомъ
Мы молча обмѣнялись съ ней:
Красуясь предъ своимъ поэтомъ,
Съ гостепріимствомъ прежнихъ дней,

И чѣмъ богата, тѣмъ и рада,
Спѣшитъ землячка мнѣ поднесть
Кисть намъ роднаго винограда,
Родныхъ садовъ живую вѣсть.

А я принесъ въ твои поляны
Года увядшіе мои,

И скорби новыя, и раны
Не заживающей души.

Когда же на землѣ простынетъ
Мой слѣдъ въ молчаньи гробовомъ,
И время въ сумракъ отодвинетъ
То, что̀ своимъ теперь зовемъ,

Не все жь волной своей мятежной
Затопитъ быстрыхъ дней потокъ,
Хоть въ сердцѣ ближнихъ дружбой нѣжной
Мнѣ отведется уголокъ.

Въ весельяхъ юности безпечной
Подчасъ на самый свѣтлый день
Тайкомъ изъ глубины сердечной
Находитъ облачная тѣнь.

Въ тѣ дни, возлюбленная внучка,
Когда хандра на умъ найдетъ,
И память обо мнѣ, какъ тучка,
По небу твоему мелькнетъ,

Быть можетъ, думою печальной
Прогулку нашу вспомнишь ты,
И Леманъ яхотно-зерцальной,
И разноцвѣтныхъ горъ хребты,

Красивой осени картину,
Лазурь небесъ и облака,
Мою завѣтную рябину,
А съ ней и дѣда-старика.

DCXLV.

ЕКАТЕРИНѢ ПЕТРОВНѢ ЕРМОЛОВОЙ.

Сегодня не однѣ вершины
Бѣлѣютъ снѣжнымъ серебромъ,
А забѣлѣли исполины
Во весь громадный свой объемъ.

Снѣгъ блещетъ сверху, блещетъ снизу,
Во глубь ущелій снѣгъ прилегъ —
Всѣ горы въ парчевую ризу
Одѣлись съ головы до ногъ.

Зима въ могуществѣ суровомъ,
Царица стужи и снѣговъ,
Являетъ въ образѣ намъ новомъ
Знакомый очеркъ береговъ;

Но Леманъ, ей не подчинясь
И не запуганный зимой,
Все тотъ же, смотритъ, улыбаясь
Лазурной, лѣтней красотой.

Въ своей струистой позолотѣ
Въ него глядятся небеса;
И, споря съ птицами въ полетѣ,
Скользятъ и рѣютъ паруса.

DCXLVI.

КЛАДБИЩЕ.

Гдѣбъ ни былъ я въ чужбинѣ дальной,
Мной никогда не позабыть
Тотъ уголъ свѣтлый и печальный,
Гдѣ тихій ангелъ погребальный
Усопшихъ мирный сонъ хранитъ.

Оплакавшій земной дорогой
Любви утрату не одну,
Созрѣвшій опытностью строгой,
Паломникъ скорбный и убогой,
Люблю кладбища тишину.

Мнѣ такъ *сочувственны* могилы,
Въ землѣ такъ много моего,
Увядшихъ благъ, увядшей силы,
Что мнѣ кладбище — берегъ милый,
Что мнѣ привѣтливъ видъ его.

Предавшись думамъ несказаннымъ,
И здѣсь я, на закатѣ дня
Спѣшу къ мѣстамъ обѣтованнымъ,
Къ могиламъ чуждымъ, безымяннымъ,
Но не безмолвнымъ для меня.

Среди цвѣтовъ въ тѣни древесной,
Кладбище здѣсь — зеленый садъ,
Насъ не смущаетъ давкой тѣсной
Гробницъ и съ спѣсью полновѣсной
Тщетой воздвигнутыхъ громадъ.

Въ виду — величество природы,
Твердыни вѣчныхъ горъ кругомъ
И вѣчно подвижныя воды,
То блескъ небесъ, то непогоды
Въ прекрасномъ ужасѣ своемъ.

Вблизи — все пепелъ, да обломки,
Вся наша немощь въ тлѣ своей;
Близъ предковъ улеглись потомки;
Могилъ молчанье и потемки,
Вотъ слѣдъ непрочныхъ нашихъ дней.

Но здѣсь нагорное кладбище
Поближе къ небу вознеслось,
Прозрачный воздухъ здѣсь и чище,
И дней минувшихъ пепелище
Цвѣтущей жизнью облеклось.

Здѣсь все свѣжо, вездѣ просторно,
Здѣсь словно ратный станъ почилъ
Но битвѣ жаркой и упорной,
И къ ночи отдыхъ благотворной
Бойцовъ и страсти умирилъ.

DCXLVII

Жизнь, какъ въ дарахъ ни будь обильна,
Всегда условенъ каждый даръ,
Но смерть наноситъ безусловный,
Всепоглощающій ударъ.

Подчасъ не только разоритъ
Она все то, чѣмъ жизнь цвѣла,
У насъ смерть часто отнимаетъ
И то, что не давала жизнь.

Здѣсь нѣтъ оцѣнки соразмѣрной
Въ нетвердомъ обладаньи благъ,
Съ утратой ихъ всегда столь вѣрной,
Къ которой претъ насъ каждый шагъ.

Мы нѣжно ближняго любили,
Но въ эту частную любовь
Не исключительно вложили
Мы нашу душу, плоть и кровь.

Средь общихъ звеньевъ жизни нашей
Была и жизнь его звеномъ,
Но не къ нему мы закрѣплялись
Своимъ сердечнымъ бытіемъ.

А разорвись звено такое, —
И словно съ нимъ оборвалась
Вся наша бодрость, наша крѣпость,
Всей жизни нашей нить и связь.

И смерть одна, одна могила,
На все кругомъ бросаетъ тѣнь,
И словно меркнутъ всѣ свѣтила,
Которыми сіялъ нашъ день.

DCXLVIII.

Лишь сѣли мы въ вагонъ, лишь тронулась громада,
Вотъ мимо поѣзда покойника несутъ,
Въ печальномъ шествіи надгробнаго обряда.
Худой иль добрый знакъ, иль просто случай тутъ?
Богъ вѣдаетъ! Но кто бъ ты ни былъ, братъ усопшій,
Прости и миръ тебѣ! Ты дома, конченъ путь,
А насъ еще несетъ водоворотъ всеобщій;
Какъ знать, гдѣ намъ придется отдохнуть!

DCXLIX.

ПАМЯТИ ***.

Благоухающее масло
Въ лампадѣ золотой погасло,
Увянулъ радостный цвѣтокъ,
Которымъ любовались очи:
Не дождался онъ поздней ночи,
И до полудня онъ поблекъ.

Но дышитъ воздухъ благодатной
Еще ихъ нѣгой ароматной,
Хранитъ онъ ихъ душистый слѣдъ,
Ихъ улетученную сладость;
И долго намъ еще на радость
Они, когда ужь ихъ и нѣтъ.

Я зналъ здѣсь милое созданье, —
Что было въ немъ за обаянье,
Не могутъ выразить слова.
Она была томна, игрива,
И цѣломудренно-стыдлива,
И увлекательно жива;

Струились кудри золотыя,
Какъ незабудки голубыя,

Свѣтлѣли нѣжные глаза;
Равно весельемъ и тоскою
Всесильны были надъ душою
Ея улыбка и слеза.

Душа въ ней добротой сіяла,
Душа ея благоухала,
Какъ чистый жертвенный сосудъ;
И безъ сознанья, и небрежно
Она цвѣла, какъ розы нѣжно
И неумышленно цвѣтутъ.

Мечтательность германской дѣвы
И юга страстные напѣвы
Сливались стройно въ пѣснь одну,
Всегда сочувственно, созвучно
Умъ и душа шли неразлучно
И въ часъ борьбы, и въ тишину,

Въ ихъ плачѣ, въ смѣломъ ихъ полетѣ.
Моцарта, Шиллера и Гете
Языкъ ей не былъ чуждъ и новъ;
И у самой въ часы печали
Въ груди мелодіи звучали,
Какъ пѣсни Шуберта безъ словъ.

Но иногда при ней невольно
Въ насъ сердце замирало больно
И потрясалъ его испугъ:
То жаръ въ лицѣ, то холодъ блѣдной
Уликой былъ, что въ дѣвѣ бѣдной
Таится зрѣющій недугъ

И онъ, зловѣщій, неизбѣжной,
Не пощадилъ добычи нѣжной
И злобно сокрушилъ ее
Во цвѣтѣ лѣтъ и упованій;

Не довершивъ всѣхъ ожиданій
Ея затмилось бытіе.

Ея ужь нѣтъ! но здѣсь и нынѣ,
Какъ изъ кадила предъ святыней
Струится благовонный дымъ,
Такъ и о ней воспоминанье
Свое разноситъ обаянье
И все пропитываетъ имъ.

Шагъ каждый, каждая картина,
Блескъ озера, горы вершина,
Когда послѣднимъ огонькомъ
На ней день гаснущій алѣетъ,
Иль къ утру ярко забѣлѣетъ,
Накрывшись снѣжнымъ полотномъ,

Тропинка тѣсная, крутая,
Вкругъ виноградниковъ виляя,
По . . . . . скалѣ,
При озерѣ зеркально-чистомъ,
Гнѣздо въ убѣжищѣ тѣнистомъ —
Свѣтло-привѣтливый шале —

Все рѣчь о ней со мной заводитъ
И память глубоко уходитъ
Въ отжившій міръ, минувшій сонъ;
Дней прежнихъ чудятся примѣты,
И хладный пепелъ, вновь согрѣтый,
Въ знакомый образъ возрожденъ.

Я живо помню наши встрѣчи,
Нѣмой восторгъ нашъ, наши рѣчи,
Въ виду съ днемъ каждымъ все милѣй,
Все привлекательнѣй природы;
Въ отчизнѣ, гдѣ сыны свободы
Достойны матери своей,

Воспоминали мы страдальца,
Здѣсь отдохнувшаго скитальца,
Который этотъ край любилъ,
И дико обществу враждебной
Дѣтьми своей мечты волшебной
Край этотъ чудно заселилъ.

Онъ съ ними жизнью жилъ одною,
Въ себѣ любовью и тоскою
Онъ воплотилъ ихъ идеалъ;
Предавшись чарамъ ихъ и власти,
Перестрадалъ онъ всѣ ихъ страсти,
Ихъ всѣ восторги онъ позналъ.

И суевѣрно, и послушно
Сроднившись съ нимъ единодушно,
Искали жадно мы слѣдовъ
Ему приснившихся видѣній,
И посвящалъ насъ вѣщій геній
И въ смыслъ, и въ прелесть этихъ сновъ.

Здѣсь все, какъ и во время оно:
И Лéмана синѣетъ лоно,
И горы такъ же хороши,
И свѣтлый воздухъ кротко дышитъ,
Но ужь нигдѣ душа не слышитъ
Рѣчей знакомой ей души.

Еще и къ мертвой безпощадный
Постлалъ ей ложе сѣверъ хладный
Средь зимнихъ непогодъ и тьмы,
И стынетъ подъ покровомъ снѣжнымъ
Все то, чѣмъ съ умиленьемъ нѣжнымъ
Въ живой такъ любовались мы.

Зачѣмъ не здѣсь она почила?
Зачѣмъ не здѣсь ея могила,

Чтобы цвѣтами каждый день
Прахъ милый дружба осыпала,
Чтобъ свѣтлый берегъ облетала
Ея улыбчивая тѣнь?

DCL.

Сквозь зелень блѣдныхъ маслинъ
И померанцевъ яркихъ
Въ своихъ оттѣнкахъ жаркихъ
Синѣютъ небеса.

Сквозь зелень, какъ сквозь дымку,
Въ торжественномъ покоѣ
И море золотое
Красуется вдали.

Поэзія и солнце.—
Струями золотыми,
Струями голубыми
Все залито кругомъ.

Весь міръ—чертогъ волшебный!
Все — пышно, все — богато,
Все — изумрудъ и злато,
Все — яхонтъ и алмазъ.

DCLI.

ОѢДОРУ ИВАНОВИЧУ ТЮТЧЕВУ.

Твоя подстрѣленная птица
Такъ звучно-жалобно поетъ,
Намъ такъ сочувственно пѣвица
Свою тоску передаетъ,

Что вчужѣ насъ печаль волнуетъ,
Что, пѣсню скорби возлюбя,
Въ насъ сердце, вторя ей, тоскуетъ
И плачетъ, словно за себя.

Поэтъ, на язвы злополучья
Ты льешь свой внутренній елей,
И слезы перлами созвучья
Струятся изъ души твоей.

DCLII.

ФРЕГАТЪ „АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ“.

За тридевять земель, за тридевять морей
Отъ нашей матушки Россіи православной,
Намъ близкой и вдали, заочно сердцу явной
Радушною семьей и братьевъ, и друзей,

На русской почвѣ мы, въ тѣни родного флага,
На смѣну старому, встрѣчаемъ новый годъ:
И русское „ура“ по лону чуждыхъ водъ
Гремитъ и—льется въ насъ веселье и отвага.

При кликахъ радостныхъ, при стукѣ звонкихъ чашъ,
И въ мысляхъ, и въ душѣ, и на устахъ: Россія!
Съ ней всѣ сочувствія, всѣ струны, намъ родныя,
Звуча, сливаются въ сердечный голосъ нашъ.

Тостъ первый—За Царя! Чтобъ Промыслъ съ каждымъ годомъ
Благословлялъ Его надежды и труды,
Чтобъ добрымъ въ торжество и на позоръ вражды
Съ днемъ каждымъ былъ тѣснѣй союзъ Его съ народомъ,

Чтобъ былъ отъ грозъ и тучъ очищенъ небосклонъ,
Чтобъ государственный корабль нашъ стройнымъ бѣгомъ,
Съ попутнымъ вѣтромъ шелъ впередъ святымъ ковчегомъ,
Который благостью Господней осѣненъ,

Чтобъ бодро Кормчій нашъ по сердцу и по праву,
Былъ двигатель и стражъ державнаго руля,
Чтобъ свято Русскій Царь и Русская земля
Свершали подвигъ свой во благо и на славу!

Другой сердечный тостъ провозгласимъ съ мольбой:
Чтобъ неба южнаго цѣлительная сила
Здоровья нѣжный цвѣтъ въ Царицѣ укрѣпила,
Чтобъ долго, долго цвѣлъ онъ въ сторонѣ родной!

Тостъ дружескій и вамъ, сыны морской стихіи,
Вамъ, избраздившіе моря и океанъ,
Вамъ, благовѣстники народамъ чуждыхъ странъ
О славномъ имени и доблестяхъ Россіи!

Вамъ, смѣлые бойцы, на встрѣчу ль шквалъ иль врагъ,
Вамъ, мирные гонцы любви международнои,
Куда бъ васъ ни несли волна и вѣтръ свободной,
Вездѣ почетомъ былъ встрѣчаемъ русскій флагъ.

Спасибо вамъ и честь хозяину съ хозяйкой,
За русскую хлѣбъ-соль, за ласковый пріемъ —
И если южный дождь насъ заливалъ ведромъ,
Въ отвѣтъ ему вино лилось настольной шайкой

Намъ нипочемъ и дождь, и пасмурная тѣнь,
Гдѣ на душѣ свѣтло, тамъ мѣста нѣтъ худому:
Непастный день — на зло Матюшкѣ де ла Дрому —
Для сердца и любви быть можетъ красный день.

DCLIII.

ЗАМѢТКИ.

„L'esprit court les rues".

1.

Умъ и у насъ въ большомъ ходу,
Но такъ по улицамъ онъ рыщетъ,
Что если въ немъ нужда, то на бѣду
Нигдѣ никто его не сыщетъ.

2.

Кто спать не ляжетъ, рабъ привычки,
Чтобъ не прочесть хоть что-нибудь:
Фролъ не прочтетъ и полстранички
Хоть днемъ, чтобъ тотчасъ не заснуть.

3.

Глашатый соціальныхъ бредней,
Онъ въ пошлыхъ выходкахъ своихъ
Совсѣмъ не изъ передовыхъ,
А забіяка—изъ передней.

4.

На нашей почвѣ урожайной
Все скоро зрѣетъ и растетъ,
Все съ силою необычайной
Сторичный цвѣтъ и плодъ дастъ.

Кто бы ни брякнулъ глупость сдуру,
Небось, не пропадетъ она:
Въ широко-русскую натуру
Она заброситъ сѣмена.

Пойдетъ расти — и жатвой тучной
Ужь загустѣла полоса,
И сразу глупость громкозвучно
Подхватятъ хоромъ голоса.

5.

Поэты стараго почета
Съ вершинъ своихъ сойти должны:
Намъ некогда, намъ не охота
Чествть кумиры старины.

Ихъ наша молодая школа
Похоронила навсегда.
Вотъ перечень изъ протокола
Ея верховнаго суда:

„Нѣтъ — Пушкинъ не поэтъ народный,
„Народности въ Жуковскомъ нѣтъ;
„Ихъ стихъ жеманный и холодный
„Родной струею не согрѣтъ.

„Намъ нужно въ зыби идеальной
„Искать къ прекрасному слѣда;

„Природы ультра-натуральной
„Имъ фотографія чужда.

„Они брезгливы, недотроги,
„И, чинно разбирая путь,
„Боятся и запачкать ноги,
„И палецъ въ омутъ обмокнуть.

„Изъ захолустья сора, хламу
„И дряни съ задняго двора
„Они не сваливаютъ въ яму,
„Какъ мы, лопаткою пера.

„Аристократы, бѣлоручки,
„Имъ только, чтобъ цвѣтки срывать,
„Но жемчугъ средь навозной кучки
„Чутьемъ пронюхать не подъ стать.

„Пожалуй, братьямъ сострадая,
„Они отъ скорби ихъ не прочь,
„И духъ ихъ павшій ободряя,
„Готовы немощи помочь.

„Они возвысить жизнь хотѣли,
„Любовь къ прекрасному возжечь
„И силой слова къ высшей цѣли
„Толпу безумную привлечь.

„Что жь! Все реторики туманы!
„Но не видать, чтобъ кто изъ нихъ
„Цѣдилъ и кровь, и гной изъ раны
„Но каплямъ въ фельдшерскій свой стихъ;

„Чтобъ все, что̀ низко, все, что̀ гнусно,
„Что̀ отвратительно другимъ,
„Особенно имъ было вкусно
„И чѣмъ-то лакомо-роднымъ;

„Чтобы развратомъ любовались,
„Его возстановлял честь,
„Чтобы въ грязи они купались,
„Затѣмъ, что грязь въ природѣ есть.

„Великосвѣтскихъ нравовъ узы
„Ихъ мысли и полетъ гнетутъ,
„Съ подбитымъ глазомъ пьяной музы
„Они въ кабакъ не заведутъ.

„Гдѣ жь ихъ народность? стихъ кроили
„Не на родномъ они станкѣ,
„Да и по русски говорили
„Не на ямщицкомъ языкѣ".

6.

Есть прогрессистъ, и изъ числа горячихъ,
Которому наука не далась,
А съ ветошью другой онъ у посячихъ
Купилъ ее на рынкѣ опомнясь.

На свой аршинъ онъ человѣка мѣритъ,
Перекроилъ его себѣ подъ стать,
Онъ двойственной натурѣ въ насъ не вѣритъ
И въ насъ души не хочетъ признавать.

Онъ говоритъ: натура не двоякa,
Въ скотахъ и въ насъ способности однѣ,
И, если безъ души живетъ собака,
Такъ почему жь душѣ быть и во мнѣ?

7.

Мы дѣйствуемъ и мыслимъ съ ними розно
Не потому, что намъ обидна ихъ вражда;

Бѣда не въ томъ, что пишутъ слишкомъ грозно,
А грязью пишутъ эти господа.

8.

Нашъ диллетанте Молешотъ,
Системъ новѣйшихъ верхолетъ,
Въ журналахъ въ чинѣ запѣвала,
Ужасно радъ и гордъ, узнавъ,
Что въ человѣческій составъ
Частичка входитъ и крахмала.
Душою онъ не дорожитъ,
Но за крахмалъ онъ свой стоитъ.
Учености запасъ мой малый
И щеголять имъ не берусь,
Но, пробѣгая вскользь журналы,
Въ которыхъ молодая Русь,
На все и всѣхъ поднявши розгу,
Насъ огрѣваетъ не шутя,
Чутьемъ догадывался я,
Что, можетъ статься, мало мозгу
Дано природой кой-кому;
Что часто на пустое мѣсто
Пошло картофельное тѣсто,
Иль дрянь подобная тому.
Но вмѣстѣ съ тѣмъ,—и вотъ что чудо —
Какъ ни вязка ихъ голова,
А мысли въ ней клеятся худо
И раскленлись всѣ слова.

9.

Вашъ прогрессистъ закуралесилъ:
Какъ знамя блага и любви,
Маленько обмокнувъ въ крови,
Онъ тряпку грязную развѣсилъ,

И зазываетъ онъ народъ,
Чтобъ тотъ къ нему собрался сходкой:
Какъ савоярдъ сапожной щеткой
И пыль сотретъ, и лакъ патретъ.

Берется онъ умы и нравы
Подчистить, скрасить, освѣжить
И заново перебѣлить
Державъ и общества уставы.

Но время и задоръ губя,
Напрасно силъ онъ не жалѣетъ:
Другихъ очистить не сумѣетъ,
А только пачкаетъ себя.

10.

Природа всѣмъ намъ мать родная;
Не спорю я, но для чего жъ,
Дѣтей дарами надѣляя,
Неровенъ такъ ея дѣлежъ?

Здѣсь—солнце, апельсины, розы,
Природы прелесть и любовь,
А тамъ—туманы да морозы,
Капуста, рѣдька и морковь.

11.

Скользя налѣво и направо,
И педагогъ, и демагогъ,
Она гоняется за славой
На парѣ арлекинскихъ ногъ.

Ей и въ ученыя святыни,
И въ клубы черни входъ легокъ:

Одна нога обута въ синій,
Другая въ краспенькій чулокъ.

12.

Для женщины удѣлъ единый—
Быть просто женщиной во всемъ;
А просится ль она въ мужчины —
Въ ней прелести не признаемъ.

Мужчина женственный постыденъ,
Мужская женщина жалка,
Когда въ ней Гракхъ мятежный виденъ,
Иль отъ чернилъ черна рука.

Бываютъ грустною попыткой,
Природѣ женской вопреки,
Заштопанные красной ниткой
Ученo-синіе чулки.

13.

Разъ кѣмъ-то сказано остро и очень кстати:
„Любовь есть эгоизмъ вдвоемъ“,
А въ этомъ уголку семейной благодати
Любовь есть коммунизмъ втроемъ.

14.

Онъ вовсе не Гомеръ, а общее съ нимъ что-то:
О старцѣ спорили семь древнихъ городовъ
О немъ, хоть и не семь, могли,—была бъ охота —
Поспорить нѣсколько отцовъ.

15.

Своимъ перомъ тупымъ и бурнымъ
Бѣлинскій, какъ девятый валъ,

Искандеромъ литературнымъ
Во время оно бушевалъ.

Теперь за нимъ съ огнемъ воинскимъ
Искандеръ самъ на бой предсталъ
И политическимъ Бѣлинскимъ
Разсудокъ ломитъ наповалъ.

16.

Онъ общимъ мнѣньемъ былъ разбитъ на обѣ корки,
И сталъ съ тѣхъ поръ важнѣй и болѣе надутъ—
Знать, держится и онъ народной поговорки
„За битаго — небитыхъ двухъ даютъ“.

17.

Нѣтъ, на него покленомъ не грѣши
И двоедушья ты не взваливай напрасно.
Онъ двоедушенъ? Вотъ прекрасно!
Да въ немъ нѣтъ и одной души.

18.

Вездѣ, гдѣ только есть возможность,
Заявитъ онъ свое лицо,
На все способную ничтожность
И пышно-глупое лицо.

19.

Башибузукъ литературный,
Бѣлинскій, критикъ прежнихъ лѣтъ,
Сказалъ, что минулъ вѣкъ минурный
И что авторитетовъ нѣтъ.

Нелѣпость подхватили братья,
Пошла писателямъ рѣзня;
Всѣ наши лавры безъ изъятья
Добыча рубки и огня.

Затѣмъ на скопищѣ клевретовъ
Рѣшилъ верховный ихъ совѣтъ,
Что, такъ какъ нѣтъ авторитетовъ,
Бѣлинскій ихъ авторитетъ.

20.

Пенять цензурѣ намъ не кстати:
Намъ служитъ выручкой она,
За наши пошлости въ печати
Во всемъ отвѣтствуетъ одна.

Теперь мы прячемся за нею,
И я за то ее люблю,
Что можемъ ей валить на шею
Несостоятельность свою.

Журналы ль скучны, пусты ль книги,
Въ очистку можемъ мы сказать,
Что подъ цензурныя вериги
Должны мы умъ порабощать.

Что мы теперь, какъ Прометеи,
Къ скалѣ прикованные вплоть,
Что жадно коршуны-злодѣи
Терзаютъ нашу мысль и плоть;

Что безъ цензурныхъ притѣсненій
Собой мы удивили бъ міръ,
Что вы и я—подъ гнетомъ геній,
Въ тискахъ Вольтеръ или Шекспиръ.

Намъ добродушно довѣряя,
И публика за насъ стоитъ
И, насъ съ зѣвотою читая,
Не насъ, а цензоровъ бранитъ.

Нѣтъ, братцы, разсудите сами,
Бранить цензуру намъ грѣшно;
Къ тому же можно, между нами,
Еще замѣтить вамъ одно.

Хотя имѣемъ мы цензуру,
И даже не одна у насъ,
Все жъ часто умничаемъ сдуру
И завираемся подчасъ.

Не будь же никакой цензуры
И разрѣши перо и духъ,
Широкорусскія натуры
Могли бы развернться въ пухъ.

21.

Въ писцахъ заморскихъ нашихъ кстати
Тому найду примѣры я,
Въ сей разгулявшейся печати
Великорусскаго вранья.

Тамъ безнаказанно, безгрѣшно,
Не подлежащіе суду,
Они отбросили поспѣшно
Ума и совѣсти узду.

Какъ пьянымъ по колѣно море,
Въ чернилахъ по уши они,
Купаясь вдоволь на просторѣ,
Такъ врутъ, что Богъ оборони!

Врать на чужбинѣ ширь и воля,
Врать дома какъ то все труднѣй:
Страшись цензурнаго контроля,
Да стыдно и своихъ людей.

Пожалуй, дома руки свяжутъ,
Иль, что обидпѣй и того,
Всѣ пальцемъ на враля укажутъ
И смѣхомъ оглушатъ его.

Въ чужомъ народѣ, какъ угодно,
На языкѣ, для всѣхъ чужомъ.
Пиши, витійствуй сумазбродно,
И не провѣдаютъ о томъ.

А Гарибальди добронравный
Радъ вѣрить на слово тебѣ,
Что геній ты, писатель славный
И боекъ въ письменной борьбѣ.

22.

Теперь всему и всѣмъ законъ —
Законъ общественнаго мнѣнья,
Непогрѣшимъ, всевѣдущъ онъ,
Какъ судъ земного провидѣнья.

Прекрасно! Но нельзя ль узнать,
Котораго изъ обществъ мнѣнье
Должны общественнымъ считать,
Чтобы не пасть намъ въ преступленье?

Вѣдь много обществъ и кружковъ:
Когда „что городъ, то и норовъ“,
То сколько будетъ городовъ,
Начтется общихъ приговоровъ.

И въ томъ же городѣ, но врозь
Живутъ и мыслятъ горожане,
И что̀ однимъ на вкусъ пришлось,
Другимъ противно ужь заранѣ.

Не всѣ поютъ на тотъ же ладъ
И вѣрны одному сигналу:
Вездѣ свой толкъ, свой судъ, свой взглядъ,
Смотря по званью и кварталу.

Что̀ смотритъ бѣлымъ за Невой
Быть можетъ чернымъ на Литейной,
И кто слыветъ орломъ въ Морской
Слыть можетъ олухомъ въ Бассейной.

Грѣшно бъ журналамъ попрекнуть —
Всѣ за общественное мнѣнье:
А рѣчь зашла ль о чемъ-нибудь —
Тутъ Вавилонское смѣшенье;

Пошли кто въ лѣсъ, кто по дрова:
Въ чужое мнѣнье — громъ проклятья!
И льются крупныя слова
Въ защиту мелкаго понятья.

Во всемъ духъ равенства любя,
Другъ другу кличка: враль нелѣпой, —
И все не лично отъ себя,
А за общественною скрѣпой.

Еще вопросъ, ихъ впрочемъ тьма,
Ихъ подбирать любому воля:
На долю правды и ума
И лжи, и глупости есть доля.

Не всѣ же люди — мудрецы,
Не каждый умникъ пресловутый:

Есть, вѣроятно, и глупцы,
Слыхалъ я даже, есть и плуты.

Ну, если—Боже, сохрани—
Въ удѣлъ дана имъ повсемѣстность,
Ну, если въ большинствѣ они,
А въ меньшинствѣ и умъ, и честность?

Тутъ какъ найти прямой исходъ,
Чтобы провѣрить гласъ народа?
Какъ отдѣлить отъ дегтя медъ,
Иль деготь выбросить изъ меда?

Общественнаго мнѣнья гласъ
Не завсегда есть лозунгъ вѣрный,
И часто завлекаетъ насъ
Онъ въ омутъ всякой лжи и скверны.

Вотъ Мойка, чѣмъ же не рѣка?
По ней скользитъ за лодкой лодка;
Вода проточна, глубока,
И жаждѣ, кажется, находка;

Но если разложить ее,
То вамъ докажетъ выводъ самый,
Что въ ней зловредное питье
И много свойствъ помойной ямы.

23.

Нѣтъ, я отъ гласности не прочь,
Но добросовѣстно-разумной,
Готовой истинѣ помочь,
Не сплетнями, не бранью шумной;

Но рѣчью чуждою страстей,
Но хладнокровнымъ правосудьемъ,

Чтобъ слово въ святости своей
Служило праведнымъ орудьемъ.

Гдѣ гласность — будь и правота!
Но жрецъ и вѣщій ей не каждой.
Ея правдивыя уста
Не возгорятъ соблазновъ жаждой.

Ея возвышенный глаголъ
Не признаетъ стремленьемъ къ благу
Намековъ ѣдкихъ произволъ
И злорѣчивую отвагу.

Не съ желчью личнаго врага
Суди людей, пиши ихъ повѣсть:
Будь гласность и къ себѣ строга
И цѣломудренна, какъ совѣсть.

Она есть исповѣдь за всѣхъ.
Будь исповѣдникомъ житейскимъ,
Но не смотри на братнинъ грѣхъ
Съ самодовольствомъ фарисейскимъ.

Когда отъ язвъ и суеты
Начнешь лечить чужіе нравы,
Спроси себя: самъ здравъ ли ты,
И всѣ ль твои внушенья здравы?

Въ смиреньи, въ правдѣ и любви
Предъ подвигомъ свой духъ очисти;
По гласностью ты не зови
Проказъ кощунствующей кисти.

И Гоголь былъ судья и врачъ,
Но у него въ борьбѣ съ развратомъ
И о себѣ намъ слышенъ плачъ
Въ рыданіяхъ надъ падшимъ братомъ.

Не свысока онъ насъ училъ,
Не въ доктринерствѣ хладночерствомъ
Онъ насъ за слабости корилъ,
А угождалъ себѣ потворствомъ.

Чтобъ игрищемъ народъ привлечь,
Не лѣзъ онъ въ гласность, какъ потѣшникъ,
Въ порокъ вонзая острый мечъ,
Онъ самъ былъ кающійся грѣшникъ.

И съ нимъ идемъ рука съ рукой
Въ одномъ сочувствіи горячемъ;
Съ нимъ и смѣемся надъ собой,
И надъ собой мы горько плачемъ.

24.

Какъ тамъ Катона онъ ни корчи,
Нѣтъ, правотой онъ не Катонъ,
Нѣтъ, язвъ общественныхъ и порчи
Плохой и врачъ, и цензоръ онъ.

Недугомъ вѣка самъ хворая,
Тѣмъ пуще онъ неизлѣчимъ,
Что немощей своихъ не зная,
Не признаетъ себя больнымъ.

Недугъ кощунства и безвѣрья
Въ немъ разразился, какъ гроза,
И злойпой тьмой высокомѣрья
Опалены его глаза.

Далъ Богъ ему талантъ и силу;
Онъ могъ оружіемъ пера
Дать пищу внутреннему пылу
И быть въ бою бойцомъ добра

Что жь пользы ближнимъ въ этихъ силахъ?
Кого онъ поднялъ, просвѣтилъ?
Онъ пропилъ умъ свой на черпилахъ,
Онъ желчью силы истощилъ.

Въ запоѣ злости, словно хмели,
И возлюбивъ ума развратъ,
Всѣхъ дрязгъ, всѣхъ сплетней пустомели,
Онъ всякой клеветы набатъ.

Жизнь промотавши безтолково,
Самъ свой предатель, самъ свой врагъ,
Онъ посягнулъ на мысль и слово,
На святость этихъ чистыхъ благъ.

Мужъ строгой правды можетъ строго
Судить и братьевъ, и владыкъ:
Въ укорахъ благодати много,
Когда ихъ чистъ и святъ родникъ.

Но нужно, чтобъ ума съ любовью
Въ наставникѣ окрѣпла связь,
И чтобъ перо не пахло кровью
И не обмакивалось въ грязь.

Къ отчизнѣ чувствомъ сердобольнымъ
Любовь воспламенитъ ли грудь?
Не поджигателемъ крамольнымъ,
А просвѣтителемъ ей будь.

Врачуй ее живымъ примѣромъ
И строгой мудростью рѣчей,
Но балаганнымъ Робеспьеромъ
Ты не паясничай предъ ней.

Грѣшно изъ мести иль съ досады,
Какъ чернь парижскихъ мостовыхъ,

На фразахъ строить баррикады,
Чтобы буянить изъ-за нихъ.

Предъ юностью и братьей пищей
Грѣшно соблазны расточать
И алчность отравленной пищей
Въ нихъ возбуждать и раздражать.

Лжепедагоги, лжепророки,
Задорно-пошлые умы!
Гдѣ люди есть, тамъ и пороки;
Безъ васъ все это знаемъ мы.

Ждемъ поучительнаго слова,
Мы ждемъ врачующей руки,
Чтобъ здравьемъ грудь окрѣпла снова
Въ часы недуга и тоски.

Но нѣтъ въ васъ благодатной силы,
Въ васъ ни любви, ни воли пѣть,
Чтобъ могъ неопытный иль хилый
Найти въ васъ помощь и совѣтъ.

Одни кощунства и проклятья!
А въ знакъ учености своей
Берете цѣликомъ понятья
Изъ якобинскихъ букварей.

Все дребезжитъ въ васъ старой пѣснью,
Какъ новой кличкой ни зови,
Все заросло гнилою плѣснью
И все заржавѣло въ крови.

Ученья ваши намъ не новы,
Мы въ школѣ слышали объ нихъ;
Мы изучали смыслъ суровый
Ихъ силлогизмовъ роковыхъ.

Несчастныхъ жертвъ ихъ списокъ длинной
Мы помнимъ, знаемъ мы давно,
Какъ много крови неповинной
Обману въ дань принесено

Во дни крамолъ, злодѣйствъ и страха,
Когда наука та цвѣла:
Палачъ—учитель былъ, а плаха —
Кровавой каѳедрой была.

25.

Противорѣчишь ли ему хоть мало-мальски, —
Достопочтенный мужъ сейчасъ вспылитъ нахально,
И, чтобы доказать, что правъ онъ досконально,
Противника начнетъ ругать достокапальски.

26.

Какъ ни хвали его усердный кругъ друзей,
Плохой поэтъ былъ ихъ покойникъ;
А если онъ и соловей,
То развѣ соловей-разбойникъ.

27.

Двухъ вовсе разныхъ лицъ въ виду недугъ имѣя,
Не даромъ именемъ однимъ ихъ и зовутъ:
Одинъ—извѣстный Кривошея,
Другой—извѣстный Кривосудъ.

28.

Въ припадкѣ зависти заносчивой и грубой
Всѣхъ въ кровь перекусать злой бѣсъ его поджегъ:

Но эпиграммою беззубой
Онъ только насъ замуслить могъ.

29.

Одну весну онъ знать привыкъ,
Весну, что биржа намъ даруетъ,
Весну, которою торгуетъ
Въ своей лавчонкѣ зеленщикъ.

Онъ алчно ждетъ весеннихъ дней,
Но вовсе не глядитъ Жанъ-Жакомъ:
Нѣтъ, просто онъ ужасно лакомъ,
До устрицъ и крапивныхъ щей.

30.

Прекрасенъ міръ. Театръ великолѣпно-чудный!
Исчислить всѣ его богатства, красоты
И то ужь подвигъ многотрудный,
А рѣчью передать и не надѣйся ты.
Дивишься стройности громады необъятной,
Спокойствію ея въ движеньи перемѣнъ
И сочетанію изящности пріятной
Съ прекраснымъ ужасомъ великолѣпныхъ сценъ.
Всѣ декораціи — картины,
Какихъ ты не найдешь въ музеяхъ, ни дворцахъ:
Волшебно дѣйствуютъ незримыя пружины
Въ своихъ глубокихъ тайникахъ;
И въ цѣломъ, и въ частяхъ роскошное строенье,
Куда ни посмотри — повсюду заглядѣнье!
А скучно и тоской сжимается душа:
Бѣда... актеры-скоморохи
Ужь черезчуръ бываютъ плохи,
И весь репертуаръ не стоитъ ни гроша.

31.

Спросите Бисмарка: Къ чему
Дерутся храбрые Пруссаки?
Изложетъ онъ довòдокъ тьму
Для объясненья этой драки.

Но въ этой тьмѣ никто бъ не могъ
Добраться до прямого смысла:
Скорѣй сведешь въ одинъ итогъ
Кабалистическія числа.

Спросите Рехберга: Къ чему
За Пруссаками и Австрійцы,
На зло радушью своему
Такіе львы и кровопійцы?

И онъ словъ много наплететъ,
Глубокомысленныхъ посылокъ,
Но умъ въ толкъ ихъ не возьметъ,
Какъ ни чеши себѣ затылокъ.

Гдѣ нѣмецъ и головорѣзъ,
Еще онъ тутъ головоломенъ,
Онъ въ бой на чистоту полѣзъ,
Но самый бой съ исходомъ теменъ.

Ведетъ войну онъ, по не съ тѣмъ,
Чтобъ растолстѣть на счетъ сосѣдства,
А чтобъ рѣшить одну изъ темъ,
Которыми беременъ съ дѣтства.

Онъ разрѣшится ль въ прокъ? Иль плодъ
Свой выкинетъ? Но все жъ пропало.
Все жъ мозгъ трещалъ и капалъ потъ,
А о Минервѣ горя мало.

На слабыхъ поднялъ онъ булатъ,
Не изъ тщеславья, не изъ мести,
На одного пошелъ самъ пятъ,
Все безкорыстно, все изъ чести.

Все съ тѣмъ, чтобъ цѣлость оградить
Имъ разоряемой державы,
Чтобъ святость права утвердить,
Затѣявъ нагло бой неправый.

Поди, тутъ что-нибудь пойми!
И мы должны съ стыдомъ сознаться:
Гдѣ тамъ съ ученными людьми
Намъ бѣднымъ неучамъ тягаться?

Ни Пуфендорфъ, ни Жомини
Не скажутъ, что это за схватка:
Попробуй, въ Гегеля нырни,
Быть можетъ, въ немъ войны разгадка.

DCLIV.

ТОСКА ПО ЗАПОЗДАЛОМЪ.

Гдѣ запоздалаго найти мнѣ? Бога ради,
Скажите. За толпой пусть онъ плетется сзади,
Съ нимъ мыслью хочется, мѣняясь, отдохнуть:
Все жь, гдѣ-нибудь онъ былъ, все жь видѣлъ что-нибудь,
Все жь знаетъ что-нибудь и съ опытомъ справлялся;
За прогрессистами бѣжать я запыхался.
Кружится голова, захватываетъ духъ,
Отъ треска громкихъ словъ оглохъ мой бѣдный слухъ,
Нестрѣтъ и рябитъ въ глазахъ отъ фейерверка
Событій. Намъ нужна оглядка и повѣрка
Того, что мы прошли, чтобъ знать куда идемъ.
Мы все жь бѣжимъ впередъ и опыта не ждемъ,
И хвастаемся тѣмъ, что, обгоняя время,
Напропалую жнемъ чуть зрѣющее сѣмя.
Учились съ дѣтства мы изъ греческихъ былинъ,
Что Кронъ, богъ времени, отецъ и семьянинъ,
До дѣтокъ лакомый, ихъ кушалъ на здоровье.
Мы измѣнили все — и даже баснословье.
Теперь ужь дѣтки мы, ожесточивъ сердца,
Глотаемъ, не жуя, дражайшаго отца.
Глотать все второпяхъ легко, но безразсудно,
И переваривать сырую пищу трудно.
Не по желудку мнѣ вашъ скороспѣлый плодъ,

Не по моимъ ногамъ усиленный вашъ ходъ,
Не по глазамъ вашъ блескъ, калейдоскопъ и грозы.
Измучили меня всѣ ваши стипель-чезы.
Сдается, брошенъ былъ я въ Нарвскій водопадъ,
И мнѣ кричатъ: „Плыви за нами!“ Плыть я радъ.
Но сами, господа... дерзну ль спросить—но сами
Плывете ль вы? Иль васъ кипучими волнами
Уноситъ, бѣшено крутясь, водоворотъ?
Гдѣ жъ запоздалый мой, скажите? Но не тотъ,
Который сиднемъ сѣлъ вблизи большой дороги,
И какъ валитъ народъ глядитъ, поджавши ноги.
Нѣтъ, мой и самъ идетъ: но только не спѣша,
Взглядъ свѣтлый, бодрый шагъ, здоровая душа;
Какъ пахарь, гдѣ пройдетъ, онъ тамъ распашетъ нивы,
Посѣетъ сѣмена, и мудро терпѣливый
Онъ ждетъ, чтобы насталъ желанный жатвы день,
Но ждать по вашему, есть глупость или лѣнь
Въ вашъ вѣкъ, на скорыя продѣлки расторопный,
Онъ жалкій выродокъ, уродъ онъ допотопный;
Глумитесь вы надъ нимъ. Онъ ждетъ: не должно ждать;
На это умъ и умъ, чтобы вершки хватать.
Оселъ и терпѣливъ, и тяжести таскаетъ,
Но выспренній орелъ летаетъ, да летаетъ;
Съ презрѣньемъ смотритъ онъ съ надоблачныхъ высотъ,
Какъ вся земная тварь повинности несетъ.
Такъ въ облакахъ своихъ и наши верхолеты,
Хоть вовсе не орлы, не жалуютъ работы.
На ломку—ихъ еще подымется рука:
Задѣть, поколебать, что̀ строили вѣка;
Попытку эту имъ легко себѣ усвоить;
Но строить некогда, да имъ и нечѣмъ строить.
Въ запальчивомъ умѣ, не зрѣющемъ отъ лѣтъ,
Нѣтъ силъ зиждительныхъ, но и запасовъ нѣтъ.
Такъ далеко впередъ они ужь забѣжали,
Что чужды ихъ глазамъ минувшаго скрижали.
Заглядывать ли имъ въ сокровища вѣковъ?

Идти ль имъ по слѣдамъ тѣхъ избранныхъ умовъ,
Которыхъ имена и память, и заслугу
Вѣка въ ходу своемъ передаютъ другъ другу?
А впрочемъ строиться иной изъ нихъ и радъ,
Гдѣ можно приступить къ постройкѣ баррикадъ.
Смотрите, вотъ примѣръ въ бойцѣ намъ всѣмъ знакомомъ:
Онъ пишетъ не перомъ, а топоромъ да ломомъ,
Все рубитъ онъ съ плеча, все потрясаетъ онъ,
Все силится сломить и съ корнемъ вырвать вонъ.
Журнальный Пугачевъ и гаеръ балаганный,
Пуская въ торгъ листокъ безсовѣстный и бранный,
Онъ чернь читателей бунтуетъ и смѣшитъ.
Начнетъ ли разсуждать? Онъ пошлостью томитъ.
Захочетъ ли учить, какъ править государствомъ?
Врачъ немощей людскихъ, берется ль онъ лекарствомъ,
Самимъ состряпаннымъ, бороться съ общимъ зломъ
И вѣрною рукой, и правильнымъ путемъ
Больного общества возстановить здоровье?
Тутъ хлынетъ изъ него потокомъ празднословье.
Нѣтъ слова дѣльнаго, чтобъ къ дѣлу примѣнить,
Иль что-нибудь извлечь, хоть съ тѣмъ, чтобъ въ споръ вступить.
Онъ бѣшенъ на словахъ, но такъ онъ пустъ на дѣлѣ,
Что даже нечего и спорить съ пустомелей.
Вотъ онъ передовой въ главѣ передовыхъ,
Учитель ихъ и вождь, законодатель ихъ.
Чего жь отъ прочихъ ждать, которые толпою,
Какъ хвостъ, волочатся за этой головою?
Не всѣхъ глупѣе враль, когда онъ дичь несетъ:
Онъ тѣшитъ самъ себя и отъ избытка вретъ.
Нѣтъ, во сто разъ его глупѣй тотъ людъ, который,
Развѣся уши, ротъ разинувъ, эти вздоры
Пріемлетъ какъ законъ, покорствуетъ ему,
И вѣруетъ въ враля, не вѣря ничему.

Жаль человѣчество, а есть такіе люди:
Изъ твари мыслящей въ разрядъ слѣпыхъ орудій

Охотою идутъ, рабы чужихъ страстей;
Когда и злобствуютъ, то злобой не своей;
Чужимъ грѣхомъ грѣшатъ, чужой любовью любятъ,
Ласкаютъ, гдѣ велятъ, а гдѣ прикажутъ — рубятъ.
Плащъ, взятый на прокатъ, — ихъ мнѣнья и слова;
На туловищѣ ихъ — чужая голова!

И въ старые года, — признаться въ этомъ надо, —
На пажитяхъ мірскихъ паслось такое стадо.
Одинъ другому вслѣдъ бараны и тогда,
Не вѣдая зачѣмъ, не вѣдая куда,
На корм иль на убой, съ покорностью слѣпою,
По дудкѣ пастуха, шли сжавшейся толпою.
Но наши пастухи старинным не чета.
Мы впечатлительны: то правда, то мечта
Въ извѣстный часъ людей довѣрчивыхъ иль страстныхъ
Уносятъ силою сочувствій полновластныхъ,
И, если въ тишинѣ раздастся звучный гласъ,
И струны чуткія, таящіяся въ насъ,
Пробудитъ онъ своимъ могущественным словомъ
И намъ укажетъ цѣль на небосклонѣ новомъ,
Въ пророкѣ избранномъ вождя признавъ себѣ,
Въ одномъ служенья съ нимъ и съ нимъ въ одной борьбѣ
Идемъ не стадомъ мы, а мыслящею ратью,
Подъ честным знаменем, соединившим братью,
Готовясь жертвовать и жизнью, но своей,
Не по обычаю передовыхъ людей,
Которые, при семъ ведя разсчетъ не глупый,
Такъ расточительны на жизнь другихъ, такъ скупы
На собственную жизнь, цѣль нѣжныхъ ихъ заботъ.
Великій умъ на всѣхъ печать свою кладетъ.
Противиться ему — не признакъ силы смѣлой,
А блажь ребячества иль дури закоснѣлой.
Но кто, скажите мнѣ, въ комъ искра смысла есть,
Въ комъ совѣсть бодрствуетъ и щекотлива честь,

Кто въ кабалу пойдетъ, толкуя про свободу,
Къ вралю съ злымъ умысломъ, иль спроста сумазброду?

Не даромъ говорятъ: ученье людямъ свѣтъ,
Но и дитя безъ глазъ, гдѣ нянькамъ счету нѣтъ:
Посмотришь ли кругомъ—всѣ нынѣ лѣзутъ въ няньки,
Надутые своей пустою спѣсью яньки,
Глупцы, которые въ учители пошли,
За тѣмъ, что ничему учиться не могли,
Всѣ ложною стезей прогресса и свободы
На помочахъ своихъ хотятъ вести народы;
Всѣ всѣхъ взялись учить въ пылу страстей слѣпыхъ,
И Вавилонскій столбъ подобье каѳедръ ихъ
Отъ лжеучителей правительствъ и народовъ,
Больныхъ, хромыхъ, кривыхъ вождей и скороходовъ,
Отъ ярыхъ крикуновъ, которыхъ ремесло
Даръ слова—лучшій даръ—употреблять во зло,
Отъ дикой сей орды опричниковъ свободы,
Зловѣщихъ знаменій народной непогоды,
Сихъ красныхъ деспотовъ, апостоловъ любви,
Съ рукой и совѣстью запачканной въ крови,
Отъ ихъ нелѣпостей до ужаса свирѣпыхъ,
Отъ ихъ свирѣпостей до крайности нелѣпыхъ,
Отъ всѣхъ избитыхъ фразъ и пошлой болтовни,
Которую въ расходъ пускаютъ въ наши дни
Умышленный обманъ иль глупая отвага
Подъ пестрой вывѣской общественнаго блага.
Отъ этой лжи въ дѣлахъ и на словахъ вранья
Мнѣ тошно, душно мнѣ, изнемогаю я!

Фиглярство смѣльчаковъ и робость малодушныхъ,
Успѣха наглаго поклонниковъ послушныхъ,
Привыкшихъ передъ нимъ колѣно преклонять,
Готовыхъ всякому насильству честь воздать
И право давности за нимъ признать съ испугу:
Всѣ стачки съ низкими потворствами другъ другу

Передовыхъ людей, чтобъ заднихъ обмануть,
И къ цѣли, мимо ихъ, пробить украдкой путь:
Все это за одно мои досады множитъ
И огорчаетъ умъ, и желчъ мою тревожитъ.
Ну, какъ же не желать убѣжища найти
Гдѣ бъ съ запоздалымъ могъ я душу отвести?

1865 г.

DCLV.

МАРІИ ѲЕДОРОВНѢ ТЮТЧЕВОЙ

(ВЪ ДЕНЬ ЕЯ СВАДЬБЫ).

Я зналъ маіоромъ васъ когда-то,
И прочепъ былъ вашъ маіоратъ:
За трехъ — мать прелестью богата,
Отецъ — за трехъ умомъ богатъ.

Вы — ихъ наслѣдница прямая.
Я вамъ пророчилъ съ дѣтскихъ поръ,
Что съ чина въ чинъ перебѣгая
Пойдетъ далеко мой маіоръ.

Вамъ жезлъ фельдмаршальскій сулилъ я,
И онъ давно у васъ въ рукахъ;
Но съ суши васъ зоветъ флотилья
И ждутъ побѣды на моряхъ.

Счастливый бѣгъ и путь просторный,
Безъ мелей, бурь и грозной тьмы!
Пусть будутъ волны вамъ покорны,
Какъ вамъ покорствуемъ и мы.

И я привѣтствую съ любовью
Вашъ новый адмиральскій флагъ,

Съ желаньемъ вамъ, подъ стать здоровью,
Земныхъ, морскихъ и всякихъ благъ.

Хоть измѣнили вы служенью,
Хоть берегъ опостылѣлъ вамъ
И предаетесь треволненью
Во слѣдъ отважнымъ морякамъ,

Вамъ вѣрный въ свѣтлый день и въ смутный
Я все вашъ другъ — и наконецъ
Вашъ ветхій мичманъ сухопутный
И посаженный вашъ отецъ.

DCLVI.

Море широкое, море пространное,
Въ дальнемъ мерцаніи съ небомъ сліянное,
Солнцемъ согрѣтое, море лазурное,
Подъ непогодою темное, бурное!
Все смотришь, все смотришь, нельзя насмотрѣться,
Все хочется видѣть и глубже вглядѣться.

Солнцу на проводы вспыхнетъ ли зарево,
Нà морѣ, нà небѣ чудное марево,
Льется узорами, блещетъ картинами;
Ризою, вышитой златомъ, рубинами,
Подернувшись рдѣютъ края небосклона,
И гладь голубая зеркальнаго лона.

На небѣ, нетронутомъ мглою, ни тучею,
Мѣсяцъ затеплится ль ночью дремучею, —
Вдругъ разыграется все, что туманится
Сребрянымъ панцыремъ зыбь отчекапится
За искрою искра, звѣзда за звѣздою,
Забрызжутъ сіяньемъ съ дрожащей волною.

Чудныя таинства морю присвоены,
Чудными пѣснями волны настроены,
Пѣсни всенощныя, пѣсни вседневныя,
Звучно-могучія, томно-плачевныя,

Заслушавшись, сердце имъ вторить готово.
Но намъ измѣнитъ безсильное слово.

Приписка.

Такъ про себя и вмѣстѣ съ вами,
Душей и чувствами самъ другъ,
Я любовался красотами,
Которыми такъ блещетъ югъ!

И снова жизнь въ груди струилась,
Вступая въ прежнія права,
Въ избыткѣ чувствъ душа просилась
Въ созвучья, пѣсни и слова.

Безъ васъ же море мнѣ не въ море,
И небеса не въ небеса,
Не та лазурь на ихъ просторѣ.
Не такъ ихъ звучны голоса.

Не такъ прозрачно и душисто
Горитъ и льется яркій день,
Не такъ и утро золотисто,
Не такъ жемчужна ночи тѣнь.

Не такъ роскошно смотритъ Ницца
Въ блестящемъ заревѣ чудесъ,
Великолѣпная страница,
Въ поэмѣ моря и небесъ.

Цвѣтокъ приморскій и красивый,
Омытый сребряной волной,
Алмазъ, причудливо игривый
Въ своей оправѣ голубой.

Безъ васъ и Ницца ужь не въ Ниццѣ,
Лучъ, ей сіявшій, потускнѣлъ,

И въ поэтической страницѣ,
Незамѣнимый есть пробѣлъ.

Безъ васъ все какъ-то безотвѣтно
И вопрошать охоты нѣтъ:
Калейдоскопомъ разноцвѣтно
Не такъ кружится пестрый свѣтъ.

Снуетъ и вьется вереница
Спомъ и несвязнымъ, и пустымъ,
И я не вглядываюсь въ лица,
И не прислушиваюсь къ нимъ.

Вашъ мѣткій взглядъ и ваше слово,
Которое подъ ладъ уму,
Такъ живописно и такъ ново,
Даетъ и смыслъ, и блескъ всему,

Не будятъ сонnаго вниманья,
Такъ равнодушнаго во мнѣ;
И я безъ вашего призванья
Нѣмѣю въ полумертвомъ снѣ.

И сознаю въ разлукѣ съ вами,
Что чуждый гость между людьми,
Смотрѣлъ я вашими глазами
И слушалъ вашими ушьми;

Что поэтическимъ сіяньемъ
На мнѣ горѣлъ вашъ юный день,
И что я былъ подъ обаяньемъ
Вашъ отголосокъ, ваша тѣнь.

DCLVII.

На память о себѣ, какъ надпись на гробницѣ,
Въ дань дружбы искренней, на память и о пей,
Записываюсь я на бѣлой сей страницѣ,
Какъ вы записаны давно въ душѣ моей.

Цвѣтами радости вѣнчая жизнь младую,
Въ прелестномъ возрастѣ надеждъ и свѣжихъ сновъ,
Вы смотрите впередъ, въ даль свѣтло-голубую,
Въ душѣ и на небѣ не знал облаковъ.

Предъ вами жизни листъ, судьбой едва початый,
Будь Промысломъ благимъ отмѣчены въ немъ дни;
Мой исписала скорбь и тяжкія утраты,
Но милый образъ вашъ мнѣ свѣтится въ тѣни.

DCLVIII.

Забыть ли мнѣ прогулки наши,
Когда средь тишины ночной,
Въ златыхъ волнахъ лазурной чаши
Купался мѣсяцъ молодой.

И любовались мы съ весельемъ
И тайной грустью пополамъ,
Когда алмазнымъ ожерельемъ
Ночь разсыпалась по волнамъ.

И мракъ, и блескъ на нивѣ зыбкой
Подъ ночью въ золотомъ вѣнцѣ:
Такъ слезы съ тихою улыбкой
Роднятся на младомъ лицѣ.

Въ ночи есть таинство святое,
Въ ней внемлешь чуднымъ голосамъ:
И все, что̀ любимъ, все родное,
Сочувственнѣй и ближе намъ.

Въ ней есть тоска и упоенье,
Въ ней власть причудливая есть,
И въ душу сходитъ вдохновенье
И о невѣдомомъ намъ вѣсть.

Въ душѣ кружится перелетно
Рой свѣжихъ думъ и сновъ златыхъ:
Имъ предаемся безотчетно,
Имъ вѣримъ и лелѣемъ ихъ.

Забуду ль чудныя картины?
Здѣсь море зеркало небесъ,
Тамъ горъ кудрявыя вершины
Подъ темной зеленью древесъ.

И тамъ запрятавшись глубоко,
Невидимый въ тѣни вѣтвей,
И жалобно, и одиноко
Поетъ влюбленный соловей.

Благоухаетъ воздухъ свѣжій;
Готовясь на ночной походъ,
Здѣсь рыбаки сбираютъ мрежи
И счастья ищутъ въ лонѣ водъ.

Отвагою ихъ лица полны,
И живописенъ ихъ нарядъ,
И про опасности и волны
Они съ любовью говорятъ.

Тамъ въ дальнемъ сумракѣ бѣлѣютъ,
Скользятъ, какъ тѣни, паруса,
И все блистательнѣй синѣютъ
И моря гладь, и небеса.

Какъ въ забытьи природа дремлетъ
И все въ ней сладостно живетъ,
И ночью сердце чутко внемлетъ,
Какъ все молчитъ, какъ все поетъ.

И вмѣстѣ съ красотой природы
Вашъ образъ будетъ ли забытъ?

Пусть на меня ложатся годы,
Ихъ слѣдъ его не охладитъ.

Я помню — въ тихомъ созерцаньи
Задумчивъ вашъ и свѣтелъ взоръ:
Вамъ все прекрасное въ созданьи
Сродни отъ самыхъ дѣтскихъ поръ.

И все, что̀ чисто, что̀ высоко,
Чѣмъ жизнь свѣтла, чѣмъ учитъ насъ,
Все отражается глубоко,
Все будитъ отголосокъ въ васъ.

Вамъ внятны волнъ и рощей шумы
И говоръ ихъ въ ночную мглу, —
И поэтическія думы
Скользятъ по вашему челу.

DCLIX.

ДВА АНГЕЛА.

(ПОДРАЖАНІЕ АНГЛІЙСКОМУ).

На жизнь два ангела намъ въ спутники даны
И въ соглядатаи за нами:
У каждаго изъ нихъ чудесной бѣлизны
Тетрадь съ летучими листами.

Въ одну заносится добро, что̀ мы творимъ,
Все, чѣмъ предъ совѣстью мы правы;
Въ другую все, въ чемъ мы предъ ближними грѣшимъ,
И каждый умыселъ лукавый.

Поспѣшно добрыхъ дѣлъ возноситъ списокъ свой
Одинъ къ стопамъ Отца-Владыки;
Другой все ждетъ: авось раскаянья слезой
Не смоются ль на насъ улики?

DCLX.

Горжусь и радуюсь я вами,
И словомъ — счастіе для меня,
Что мы, сочувствуя сердцами,
Еще къ тому же и родня.

Но вѣчно что-то закорючкой
Глядитъ въ моей лихой судьбѣ:
Въ васъ радъ я любоваться внучкой,
Но дѣду я не радъ въ себѣ.

DCLXI.

ВЕЧЕРОМЪ НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Плыветъ Онъ, молодой Царевичъ,
Объятый непробуднымъ сномъ,
И этотъ мѣсяцъ, эти звѣзды
Горятъ надъ царскимъ кораблемъ.

Но Онъ не видитъ ихъ сіянья,
Онъ не любуется на нихъ:
Въ тѣни и въ тишинѣ молчанья
Прилегъ Царевичъ и притихъ.

Не слышитъ Онъ, какъ плескомъ дружнымъ
Волна грохочетъ за волной,
Какъ вѣтерокъ подъ небомъ южнымъ
Играетъ зыбью голубой.

По лону зеркальнаго моря
Пловецъ невидимый скользитъ,
И къ утру золотая зоря
Его лицо не озаритъ.

Плыветъ Онъ къ берегу родному,
Гдѣ Онъ расцвѣлъ и возмужалъ,

Гдѣ втайнѣ подвигу святому
Себя въ грядущемъ обрекалъ,

Гдѣ былъ Онъ радостью семейной,
Надеждой царства Своего,
Гдѣ Мать мольбой благоговѣйной
Молила Промыслъ за Него —

Чтобъ лучшихъ благъ хранилъ залогомъ
Онъ вѣру, мудрость, кроткій нравъ,
Чтобъ былъ и чистъ Онъ передъ Богомъ,
И передъ каждымъ ближнимъ правъ..

Народъ, подъ красотою личной
Любя и сердца прелесть въ Немъ,
Ждалъ, что сберетъ Онъ плодъ сторичной
Съ бразды засѣянной Отцомъ,

Что будетъ Онъ Отцу дотолѣ
Сподвижникъ съ ранняго утра,
Съ Нимъ обработывая поле,
На жатву пользы и добра.

Гадатья свѣтлыя напрасны!
Имъ сбыться не дано судьбой:
Надеждъ грядущихъ цвѣтъ прекрасный
Сраженъ внезапною грозой.

Изъ странъ далекихъ ожидая
Того, Кто въ край родной плыветъ,
Народъ, Царевича встрѣчая,
Не скажетъ „се Женихъ грядетъ!“

Не радости, не ликованій
Готовитъ онъ Ему привѣтъ,
А скорби, плача и рыданій,
Какимъ подобныхъ въ мірѣ нѣтъ,

Разрознены судьбиной мрачной
Два бытія родныхъ сердецъ,
И разомъ царственный и брачный
Съ чела младого палъ вѣнецъ.

И Онъ, Царевичъ ненаглядный,
Услада сердца и очей,
Теперь безжизненный и хладный
Пристанетъ къ родинѣ своей.

А волны льются за волнами
Подъ смертоноснымъ кораблемъ,
А мѣсяцъ съ свѣтлыми звѣздами
Блестятъ на небѣ голубомъ.

И мѣсяцъ, равнодушный къ горю,
Корабль сіяньемъ обдастъ,
И не сдается синю морю,
Какую скорбь оно несетъ.

DCLXII.

БОРМЕТТЫ.

(Les Bormettes, дача Гораса Верне близъ Гіера).

Какъ грустно видѣть упраздненный
И безъ хозяина тотъ домъ,
Гдѣ мыслью, свыше вдохновенной,
Кипѣли дни живымъ ключемъ.

Здѣсь жилъ великій жрецъ искусства:
Природу онъ возсоздавалъ,
Онъ самобытной силой чувства
Творилъ когда и подражалъ.

Жизнь изучивъ въ природѣ цѣлой,
На хладномъ и нѣмомъ холстѣ
Давалъ онъ волю кисти смѣлой,
Воображенью и мечтѣ.

Онъ сочетаньемъ красокъ яркихъ
Животворилъ у насъ въ глазахъ
Востокъ въ своихъ пустыняхъ жаркихъ
И сѣверъ въ сребряныхъ снѣгахъ,

И битвы, и разгулъ ихъ дикій;
И, нашимъ чувствомъ овладѣвъ,

Давалъ намъ слышать онъ ихъ клики,
Стонъ раненыхъ и пушекъ ревъ.

Здѣсь въ тишинѣ уединенья
Роились, созрѣвали въ немъ
Другія думы, вдохновенья,
Предъ новымъ творческимъ трудомъ.

Подъ гнетомъ жаркаго недуга
Душею онъ не упадалъ,
Подъ благодатнымъ небомъ юга
Онъ душу солнцемъ согрѣвалъ,

Просилъ онъ съ вѣрой упованья
У неба новыхъ дней и силъ,
Чтобъ довершить онъ могъ созданья,
Которыя въ груди носилъ.

Онъ видѣлъ предъ собою море,
Вершины горъ, тѣнистый лѣсъ,
Во всей красѣ, на всемъ просторѣ,
И блескъ земли, и блескъ небесъ.

Все мысль и чувство въ немъ живило,
Все, возбуждая чуткій умъ,
Землей обѣтованной было
Для лучшихъ и степенныхъ думъ.

Но пусто все! И гдѣ жь хозяинъ?
Изсякъ родникъ, потухъ очагъ
Не разрѣшенныхъ жизнью таинъ,
Не воплощенныхъ жизнью благъ.

Кисть замерла въ рукѣ холодной,
Застыла дума на челѣ,
И павшій съ вѣтви многоплодной,
Послѣдній листъ прилегъ къ землѣ.

Паломники, съ благоговѣньемъ
Храня прекраснаго законъ,
Мы заходили съ умиленьемъ
Въ обитель эту на поклонъ.

Мы вопрошали стѣнъ молчанье,
Хотѣлось вырвать намъ изъ нихъ
Хоть слово, хоть одно преданье,
Хоть признакъ жизни дней былыхъ,

Случайный очеркъ иль зачатокъ,
Хоть вскользь наброшенный слегка,
Чтобъ уловить намъ отпечатокъ,
Гдѣ блещетъ мастера рука.

Но скорбь одна, одна утрата
Здѣсь вѣсть живая для души:
Такъ послѣ поздняго заката
День топетъ въ мракѣ и въ тиши.

DCLXIII.

CE QUE J'AIME ET CE QUE JE HAIS.

(Подражаніе).

Вы любите поля и нивы,
Когда ихъ грѣетъ лѣтній зной
И зыблетъ вѣтерокъ игривый
Колосья жатвы золотой.

Вы любите зарницу, блескомъ
Вдругъ озаряющую мглу,
И водопадъ съ гремучимъ плескомъ
Волнами хлещущій скалу.

Вы любите съ тропы нагорной
Смотрѣть, какъ озеро сквозитъ,
Какъ вдалекѣ челнокъ проворный
Подъ бѣлымъ парусомъ скользитъ.

Вы любите прилежнымъ взоромъ
Слѣдить вдоль зыби голубой,
Какъ въ ней причудливымъ узоромъ
Змѣится мѣсяцъ золотой

Вы любите дубравъ дремучихъ
И мракъ, и жалобный напѣвъ,

И рой ихъ призраковъ летучихъ
Въ таинственный тѣни деревъ.

Вамъ нравятся горы вершина
Съ своею снѣжной бѣлизной
И скромный домикъ селянина,
И свѣжій садикъ подъ горой.

Вы любите на небѣ звѣздномъ
Одну привѣтную звѣзду,
Отраду въ горѣ безвозмездномъ
И друга въ счастьи и въ бѣду.

Вы любите питать мечтанья,
Которыхъ не узнаетъ свѣтъ,
Которымъ нѣтъ именованья
И въ людяхъ отголоска нѣтъ.

Вдали отъ суеты вседневной,
Самимъ вамъ слышныя едва
Вы любите въ тиши душевной
Твердить завѣтныя слова.

Они вамъ въ душу запропались
Богъ вѣсть откуда и когда,
Съ душей срослись, въ ней затаились,
И рѣчь земная имъ чужда.

Вамъ милъ и замокъ съ древней башней,
И плющъ, когда развалинъ сынъ
Играетъ зеленью всегдашней
Вокругъ ихъ каменныхъ морщинъ.

Вы любите все то, что было,
Чѣмъ прежде жизнь была полна,
Воспоминанія свѣтило
Въ почи минувшаго — луна.

Она взойдетъ — и блещетъ зрѣнью
Тотъ путь, который мы прошли,
И день за днемъ, и тѣнь за тѣнью
Растутъ, встаютъ съ лица земли.

При тихомъ заревѣ лампады
Въ святынѣ ночи, въ этотъ часъ,
Когда житейскія преграды
Не давятъ помышленій въ насъ,

Вы любите, таясь отъ шума,
Душею уноситься въ даль:
Тогда свѣтлѣй и ваша дума,
И сладостна сама печаль.

Вашъ воспріимчивый и юный
Умъ любитъ все прозрѣть, познать:
Въ васъ есть созвучія и струны,
Чтобъ пѣснямъ пѣснью отвѣчать.

Благіе духи на дорогу
Любви свѣтильникъ въ васъ зажгли,
И ненавидѣть, слава Богу,
Вы ничего бы не могли.

DCLXIV.

NOTTURNO.

Во снѣ или въ видѣньи чудномъ
Раскрылось предо мною небо,
Какого я нигдѣ не зналъ,
Ни на востокѣ, ни на югѣ,
Гдѣ, взорами впиваясь въ небо,
Я въ созерцаньи утопалъ.

Въ немъ нѣтъ далекихъ небосклоновъ,
Нѣтъ, въ этомъ небѣ миловидномъ
Все и доступно, и свѣтло.
Оно златыми полосами
Обрамливалось, какъ косами
Младой красавицы чело.

Такъ близко было это небо,
Что вѣяло съ него и нѣгой,
И чистымъ счастьемъ на меня.
Предъ нимъ хотѣлось бы мнѣ вѣчно
Съ молитвой, съ жертвоприношеньемъ
Стоять, колѣна преклоня.

Сіяли тихо въ этомъ небѣ
Двѣ чудныя, двѣ голубыя,

Двѣ ненаглядныя звѣзды:
И, словно въ озерѣ прозрачномъ,
Въ душѣ прозрачной отражались
Ихъ лучезарные слѣды.

О, какъ былъ чистъ ихъ нѣжный пламень:
Онъ дѣвственъ былъ какъ непорочность
И какъ любовь неотразимъ.
И сердце, теплясь, трепетало
Святымъ и благодатнымъ чувствомъ
Подъ ихъ сіяньемъ голубымъ.

DCLXV.

КИРПИЧНЫЕ ЗАВОДЫ.

Гдѣ померанцевыя рощи?
Гдѣ розъ и кактусовъ краса?
Здѣсь грустно зябнетъ ельникъ тощій
И тупо смотритъ въ небеса.

И съ нихъ на пальмы и ясмины
Не льются жаркіе лучи:
Среди песковъ и желтой глины
Ростутъ здѣсь только кирпичи.

DCLXVI.

ДВА NOTTURNO.

1.

Вечеръ свѣжестью смѣняетъ
Полдня знойные часы
И на землю расточаетъ
Бисеръ сребряной росы.

Не лепечетъ вѣтка съ вѣткой,
Пріумолкъ глубокій лѣсъ,
И подернутъ звѣздной сѣткой
Сводъ безоблачныхъ небесъ.

Все утихло! Все смиряя,
Воцарилась тишина,
Только, мѣрно ударяя,
Въ берегъ съ плескомъ бьетъ волна

Только въ ней одной движенье
Отзывается вдали,
Какъ сердечное біенье
Спомъ забывшейся земли.

2.

Если мнѣ была бъ свобода
Звѣзды съ голубого свода
До послѣдней всѣ сорвать,—
Чуднымъ мастерствомъ издѣлья,
Вамъ въ вѣнецъ и ожерелья,
Я хотѣлъ бы ихъ собрать.

Если бъ я всѣ розы міра,
Съ Кипра, Пестума, Кашмира,
Съ Испагани могъ собрать,—
Ими, данью задушевной,
Каждый шагъ вашъ ежедневно
Я хотѣлъ бы устилать.

Если бъ я всѣ вдохновенья,
Всѣ созвучья, пѣснопѣнья
Въ строй одинъ могъ сочетать
И всемірнымъ быть поэтомъ,—
Васъ одну предъ цѣлымъ свѣтомъ
Я хотѣлъ бы воспѣвать.

Если бъ, свыше данной властью,
Могъ я къ радостямъ и счастью
Путь надежный отыскать,—
Васъ навелъ бы на дорогу,
Самъ любуясь съ порогу,
Какъ въ васъ блещетъ благодать.

DCLXVII.

ТОСКА.

Не знаю я, кого, чего ищу,
Не разберу, чѣмъ мысли тайно полны,
Но что-то есть, о чемъ вездѣ грущу;
Но сновъ, но слезъ, но думъ, желаній волны
Текутъ, кипятъ въ болѣзненной груди,
И цѣли я не вижу впереди.

Когда смотрю, какъ мчатся облака,
Гонимыя невидимою силой, —
Я трепещу, меня беретъ тоска,
И мыслю я: прочь отъ земли постылой!
Зачѣмъ нельзя мнѣ къ облакамъ прильнуть
И съ ними въ даль летѣть куда-нибудь?

Шумитъ ли вѣтръ? Мнѣ на ухо души
Опъ темныя нашептываетъ рѣчи
Про чудный край, гдѣ кто-то изъ глуши
Манитъ меня привѣтомъ тайной встрѣчи;
И снахъ рѣчей отзывы, какъ во снѣ,
Твердитъ душа съ собой наединѣ.

Весь міръ, вся жизнь загадка для меня,
Которой нѣтъ обѣщаннаго слова.

Все мнится мнѣ: я на канунѣ дня,
Который жизнь покажетъ безъ покрова;
И настаетъ обѣтованный день,—
И предо мной все та же, та же тѣнь.

Когда подъ громъ оркестра, пляски зной
Всѣхъ обдаетъ веселостью безумной,
Обвитый невидимою рукой,
Изъ духоты существенности шумной
Я рвусь въ просторъ иного бытія
И до земли ужъ не касаюсь я.

При блескѣ звѣздъ въ таинственный тотъ часъ,
Какъ ночи сонъ міръ видимый объемлетъ
И бодрствуетъ то, что не наше, въ насъ,
Что жизнь души, — а жизнь земная дремлетъ,
Въ тотъ часъ одинъ сдается мнѣ: живу
И сны одни я вижу на яву.

DCLXVIII.

NOTTURNO.

Все тобой, все одною тобою, всѣ дни,
Занятъ мысленно я, озабоченъ сердечно,
И все очи твои, эти звѣзды мои,
Цѣловалъ, цѣловалъ, цѣловалъ бы я вѣчно.

На землѣ безъ тебя — какъ отъ стужи цвѣтокъ
Увядаетъ — и я увялъ бы отъ скуки,
Безъ тебя и въ раю былъ бы я одинокъ
И на землю къ тебѣ простиралъ бы я руки.

DCLXIX.

ВСЕГДА.

Не говори *всегда*! Всегда не наше слово:
На языкѣ земномъ ему значенья нѣтъ.
Измѣнчиво оно, и часто такъ сурово
Жизнь на него даетъ свой роковой отвѣтъ.

Ужъ многія *всегда*, предательствомъ лукавымъ,
На опытность мою печально налегли,
Не смѣю довѣрять надеждамъ моложавымъ,
За близкой радостью предвижу скорбь вдали.

Съ лѣтами я теперь пугливъ и суевѣренъ:
Страшусь, чтобы *всегда* не сглазило меня,
Въ желаньяхъ и мечтахъ теперь я сталъ умѣренъ
И дальше не иду я нынѣшняго дня.

Мнѣ счастье — невзначай и встрѣча, и свиданье,
Прогулка у моря вдвоемъ въ почной тиши,
Улыбка, сердца вѣсть, иль грустное прощанье,
И ласка нѣжная, и слово отъ души.

Я ими дорожу, съ любовью, съ умиленьемъ,
Въ сердечной памяти ихъ свято берегу,

Какъ спасшійся отъ волнъ пловецъ съ благоговѣньемъ
Пожитки милые хранитъ на берегу.

Всегда ложь милая, которой бредитъ младость,
Но трезвой старости оно ужь не подъ стать;
По мнѣ: дню каждому своя доьлѣетъ радость,
А завтра? Но не мнѣ о завтрашнемъ гадать.

DCLXX.

МЕРИ-ПЕРИ.

Не даромъ прозвали васъ Мери,
Нельзя сказать, что невзначай:
Вы на глаза и риому — Пери,
И растворяете вы двери
Въ завѣтный и цвѣтущій рай.

Младой предверницей крылатой
Вы охраняете порогъ
Святыни, тайнами богатой;
Вы избраннымъ сердцамъ вожатой
Въ тотъ поэтическій чертогъ.

Какъ Пери также вы воздушны
Въ сіяньи радостной весны;
Вы также кротко-благодушны,
Какъ ей равно и вамъ послушны
Всѣ поэтическіе сны.

Васъ Муръ предугадалъ, играя
Своимъ златымъ карандашемъ;
Въ родную прелесть облекая,

Ему Жуковскій подражая
Васъ русскимъ увѣнчалъ вѣнкомъ.

Они прозрѣли васъ заочно,
Присвоили своей мечтѣ:
И блескъ поэзіи восточной,
И тихій свѣтъ звѣзды полночной
Сродпились въ вашей красотѣ.

DCLXXI.

Нигдѣ такъ роза не алѣетъ,
Такъ не плѣняетъ красотой,
Нигдѣ такъ плющъ не зеленѣетъ,
Вiяся бархатной волной,
Нигдѣ прикованные взгляды
Такъ не любуются на нихъ,
Какъ на развалинахъ ограды,
Какъ средь обломковъ вѣковыхъ.

Нигдѣ златой зари отливы,
Нигдѣ блескъ сребряной луны,
Такъ не причудливы, красивы,
Какъ на остаткахъ старины,
Какъ на часовнѣ одинокой,
На замкѣ дѣдовскихъ временъ,
Гдѣ годы врыли слѣдъ глубокiй
По камнямъ посѣдѣвшихъ стѣнъ.

Нигдѣ такъ пѣснью звучно-томной
Не услаждаетъ соловей,
Какъ на кладбищѣ, ночью темной,
Въ глуши сгустившихся вѣтвей.
Въ противорѣчьяхъ этихъ прелесть!
Тутъ изъ того же родника

Веселье въ душу бьетъ и, невѣсть
Съ чего, умильная тоска.

И молодость, вѣнокъ прелестный
Которой радости сплели,
И красота, сей гость небесный,
Сей гость — поэзія земли,
Нигдѣ такой отрадой милой
И благодатной для души
Какъ о бокъ съ старостью унылой
И увядающей въ тиши.

Нѣтъ умилительнѣй картины:
Красавица во цвѣтѣ дней
Ласкаетъ грустныя сѣдины
Младой улыбкою своей,
Она заботливымъ участьемъ
Печальныхъ думъ сгоняетъ тѣнь
И смотритъ солнцемъ, смотритъ счастьемъ
На старческій осенній день.

DCLXXII.

Вы на небѣ моемъ, покрытомъ ночью темной,
Зажгли привѣтную и свѣтлую звѣзду:
И странникъ по пескамъ, усталый и бездомной,
Любуясь на нее, довѣрчиво иду.

Я на нее гляжу: она мнѣ смотритъ въ очи
И въ душу льется мнѣ улыбчивымъ лучемъ,
И не жалѣю я при этой тихой почи
О утрѣ радостномъ и полднѣ золотомъ.

DCLXXIII.

ПЕТЕРГОФЪ.

Какъ свѣжъ, какъ изумрудно мраченъ,
Въ тѣни густыхъ своихъ садовъ,
И какъ блестящъ, и какъ прозраченъ
Водоточивый Петергофъ.

Какъ дружно эти водометы
Шумятъ среди столѣтнихъ древъ,
Днемъ и въ часы ночной дремоты
Не умолкаетъ ихъ напѣвъ.

Изгибистымъ, разнообразнымъ
Въ игрѣ причудливой своей,
Они кипятъ дождемъ алмазнымъ
Подъ блескомъ солнечныхъ лучей.

Лучи скользятъ по влагѣ зыбкой,
Лучъ преломляется съ лучемъ,
И водометъ подъ этой сшибкой
Вдругъ вспыхнетъ радужнымъ огнемъ.

Какъ изъ хрустальныхъ ульевъ пчелы
Отъ сна подъятыя весной,

И здѣсь, блестящій и веселый,
Жужжа, кружится брызговъ рой.

Они отважно и красиво
То, прянувъ, рвутся въ небеса,
То опускаются игриво,
И брызжетъ съ нихъ кругомъ роса.

Когда жь сіяньи лунной ночи
Сады и воздухъ осребрять
И неба золотыя очи
На землю ласково глядять,

Когда и воздухъ не струится,
И море тихо улеглось,
И все загадочно таится,
И въ мракѣ видно все насквозь,

Какой поэзіей восточной
Пропикнуть, дышетъ и поетъ
Сей край Альгамбры полупочной,
Сей край волшебства и красотъ.

Ночь разливаетъ сны и чары,
И полонъ этихъ чудныхъ сновъ
Преданьями своими старый
И вѣчно юный Петергофъ.

DCLXXIV.

ПОЗДРАВИТЬ ЛИ МНѢ ВАСЪ?

Поздравить ли мнѣ васъ? Нѣтъ, поздравлять не кстати!
Жизнь много свѣтлыхъ дней и счастья вамъ дала,
И много есть на васъ небесной благодати,
И многимъ ваша жизнь священна и мила.

Но и печаль мечемъ пронзила душу вашу,
Средь счастья горечь слезъ не миновала васъ,
Вы медленно до дна испили скорби чашу,
Которую подпесъ вамъ Промыслъ въ тяжкій часъ.

Судьба и Божій Судъ намъ смертнымъ не понятны:
Съ безоблачныхъ небесъ караетъ насъ гроза,
Надежды лучшія и лживы, и превратны,
И въ чистыхъ радостяхъ отыщется слеза.

Жизнь наша—таинство; мы, странники, тревожно
Подъ облакомъ идемъ въ невѣдомый намъ путь.
О чемъ печалиться? Чѣмъ радоваться можно?
Не знаемъ, и впередъ намъ страшно заглянуть.

Не наши блага, намъ дарованныя Богомъ:
Намъ страшно и любить, что̀ намъ любить дано,

Что сознаемъ въ душѣ святыней и залогомъ
Грядущаго, и чѣмъ намъ радостно оно.

Но вдругъ грядущее и съ нимъ всѣ упованья
Ударомъ рокового во прахъ погребены:
Одни развалины неоконченнаго зданья,
И душу тяготятъ несбывшіеся сны.

Жизнь—таинство! Но жизнь—и жертвоприношенье.
Призванью вѣренъ тотъ, кто средь земныхъ тревогъ
Смиренно совершитъ священное служенье
И вѣруетъ тому, чего постичь не могъ;

Кто немощи души молитвою врачуетъ,
И, если душу жизнь обманомъ уязвитъ,
Скорбя, безъ ропота свой тяжкій крестъ цѣлуетъ
И плачетъ на землѣ, а на небо глядитъ.

DCLXXV.

ДАЧА ЗА ПЕТЕРГОФОМЪ.

Когда въ прогулкѣ я зайду на эту дачу,
Гдѣ зелень есть и тѣнь, и море на придачу,
Передъ мечтой моей рисуются всегда
Въ мерцаньи марева минувшіе года.
Здѣсь я ищу слѣды, здѣсь слушаю преданья,
Угадывать люблю здѣсь первыя сознанья
Младого бытія, которое въ тѣни
Здѣсь мирно провело младенческіе дни.
Здѣсь все мерещится мнѣ миленькій ребенокъ:
Румянецъ на щекахъ и чистый голосъ звонокъ,
И глазокъ голубыхъ плѣнителенъ разсвѣтъ,
Блистательнаго дня задатокъ и привѣтъ,
И локоны, какъ шелкъ роскошный и струистый,
По плечикамъ сквозятъ оттѣнкой золотистой,
Улыбка свѣжая какъ роза на зарѣ.
И все, что манитъ насъ въ младенческой порѣ,
Все радуетъ меня, на все любуюсь жадно;
И настоящее такъ мило непаглядно,
И въ тайныхъ прелестяхъ, готовыхъ ужь расцвѣсть,
Такъ много милаго, пророческаго есть.
Рѣзвясь, бѣжитъ дитя зеленою дорожкой:
Сама живой цвѣтокъ, своею гибкой ножкой

Чуть мнетъ она цвѣты въ порханьи молодомъ
И взапуски бѣжитъ съ крылатымъ мотылькомъ.
То съ книгою въ рукѣ, въ тѣни вѣтвей дубовыхъ,
Заглядываетъ въ міръ ей чувствъ и мыслей новыхъ;
Тревожной жаждою въ взволнованной груди
Пытается прозрѣть, что будетъ впереди.
Средь шума дѣтскихъ игръ и рѣзвости безпечной,
Вдругъ трепетъ пробѣжитъ по ней тоски сердечной:
Ей слышатся вдали другіе голоса.
Задумчиво она глядитъ на небеса
И молча сторожитъ, въ сіяньи ночи звѣздной,
Знакомый огонекъ ей звѣздочки любезной,
Ей повѣряетъ сны невинности своей,
На ней начнетъ гадать о тайнахъ этихъ дней,
Которые, вдали блестя сквозь сумракъ зыбкой,
Ей улыбаются таинственной улыбкой.
Они зовутъ ее и манятъ, ей поютъ;
И жизни внутренней раскрывшійся пріютъ
Въ ней озарится вдругъ непостижимымъ чудомъ,
Видѣній свѣтлыхъ рой, таившійся подъ спудомъ,
Поднимется, души молчанье огласитъ,
И даль пустынную, и міръ весь населитъ.
Проснувшейся души порывы и боренья,
И радость, и тоска, блаженства и волненья
Знакомы стали ей съ первоначальныхъ лѣтъ.
На все былъ въ ней вопросъ, на все ждала отвѣтъ.
Ей сонъ младенчества, хранимый Провидѣньемъ,
Пророческимъ былъ сномъ и свѣтлымъ откровеньемъ.
Въ ней рано мысль зажглась; въ ней рано чуткій умъ
Прислушиваться сталъ къ призванью тайныхъ думъ.
Поэзія души, поэзія природы,
Сны потаенные, шумъ лѣса, непогоды,
Гроза на небесахъ, иль въ голубой ночи
Серебряной луны струистые лучи,
Міръ и просторъ полей, луговъ благоуханья,
И тихій ропотъ волнъ и моря завыванья,

Когда широкій вѣтръ, носясь по лону водъ,
Крутитъ и гонитъ ихъ, коробитъ и мететъ,
Все вноситъ въ душу ей живыя впечатлѣнья,
Все развиваетъ жизнь и будитъ вдохновенья.
Ей все загадочно, но въ таинствѣ своемъ
Невѣдомый сей міръ ей родственно знакомъ.

Младенчества лѣта, сей возрастъ легкокрылый
Умчался; и за нимъ такой же возрастъ милый
Ей новый небосклонъ и новый міръ открылъ —
За раннею зарей день юный наступилъ.
Нѣтъ дѣвочки теперь и барышни въ помпѣ,
Дитя теперь глядитъ красавицей-графиней.
Она узнала свѣтъ и свѣтъ ее узналъ;
Но даромъ передъ ней онъ ласки расточалъ,
Но даромъ и теперь жжетъ ладонъ онъ предъ нею:
Лукавой прелестью, приманкою своею
Онъ соблазнить ума и сердца не успѣлъ;
Въ святынѣ внутренней есть у нея придѣлъ,
Есть лоно чистое, спасительная келья,
Гдѣ, свѣта позабывъ побѣды и веселья,
Она умѣетъ быть наединѣ съ собой,
Чтобъ, чувствомъ освѣжась, встрѣчать житейскій бой.

Въ красавицѣ еще есть дѣтскія примѣты:
Простосердечный нравъ, годами не задѣтый,
Котораго не могъ избаловать успѣхъ,
И свѣжесть чувствъ и думъ, и свѣжій дѣтскій смѣхъ,
Не измѣнили ей; нѣтъ, свѣта зной и холодъ
Не тронули цвѣтка: онъ такъ же чистъ и молодъ,
Но только-что милѣй, душистѣе цвѣтетъ
И сердце, и глаза вѣрнѣй къ себѣ влечетъ.
Разсудокъ въ ней окрѣпъ, въ ней и душа созрѣла,
Но прелесть ни одна съ нея не отлетѣла.
Что прежде былъ намекъ на смыслъ грядущихъ дней,
Что прежде шепотомъ высказывалось въ ней,—

Все пѣснью стройною запѣло сладкозвучно;
Съ ней мысли и мечтамъ привольно и сподручно.
И пылкій юноша, и опытный старикъ,
Который жизнь позналъ и вѣрить ей отвыкъ,
Прельщенію ея покорствуя послушно,
При ней ровесники, при ней единодушно,
Какъ будто молодость и старость все одно,
Сочувствіемъ однимъ влекутся къ ней равно.
Въ ней все изящество и пѣтъ ни въ чемъ искусства;
При мѣткости ума есть неподдѣльность чувства,
Съ игривой прихотью есть сердца теплота,
Въ ней прелесть женщины и дѣтства простота.

DCLXXVI.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ КНЯЖНѢ ЕВГЕНІИ МАКСИМИЛІАНОВНѢ РОМАНОВСКОЙ ГЕРЦОГИНѢ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКОЙ.

Въ чертахъ письма съ чертами нрава
Есть сходство для привычныхъ глазъ,
Перо нескромное лукаво
Выводитъ тайны напоказъ.

Вашъ почеркъ стройный и красивый
Внимательно я изучалъ,
И хиромантикъ прозорливый
Васъ по рукѣ я разгадалъ.

Въ васъ много женственности милой,
Но есть и мужественный складъ,
Есть прелесть съ внутреннею силой,
Обвитый розами булатъ.

Въ васъ много мягкости сердечной,
Но рядомъ съ нею голова
Не любитъ въ слѣпотѣ безпечной
На жизнь терять свои права.

Упрямства нѣтъ, но крѣпкой воли
Въ васъ есть запасъ: въ бою съ судьбой,
(Дай Богъ не знать вамъ трудной доли)
Вы смѣло бъ выдержали бой.

Вашъ умъ глядитъ и судитъ строго,
Онъ умѣряетъ чувствъ порывъ,
Онъ даже мнителенъ немного,
Но безпристрастенъ и правдивъ.

Вамъ лесть, изысканность и лживость
Противны въ людяхъ и дѣлахъ;
Вамъ сродны толкъ и бережливость
Въ желаньяхъ, чувствахъ и рѣчахъ.

Обмолвиться вамъ невозможно
Ни на словахъ, ни на письмѣ,
Такъ за собою осторожно
Вы карауліте въ умѣ.

Все такъ оно теперь — а далѣ?
Дерзнулъ о будущемъ гадать,
Какъ на златомъ его зерцалѣ
Мнѣ ни хотѣлось бы читать.

Не долго ждать еще, быть можетъ,
Пробьетъ и вамъ урочный часъ,
Вамъ душу радость повстревожитъ
И въ новый міръ похититъ васъ.

На новую вамъ жизнь укажетъ,
Переродитъ онъ васъ слегка:
И почеркъ вашъ тогда докажетъ—
Чего не выскажу пока.

DCLXXVII.

JE ME MIS A PLEURER COMME ON PLEURE A VINGT ANS.

Какъ лебедь молодой
На синемъ влажномъ лонѣ,
И мѣсяцъ золотой
Блеснулъ на небосклонѣ.
Нѣмая тишина,
Цвѣтовъ благоуханіе,
Ночь дивная полна
И мрака, и сіянія.
И молча началъ я, смотря на лунный свѣтъ,
Мечтать, какъ я мечталъ бывало въ двадцать лѣтъ.

Вдругъ раздались въ тиши
Чарующіе звуки,
Въ нихъ сладкій плачъ души,
И радости, и муки,
Души душѣ родной
Въ нихъ исповѣдь младая,
Языкъ въ ней не земной,
А отголосокъ рая.
Казалось, слышенъ былъ въ немъ Ангела привѣтъ,
И началъ плакать я, какъ плачутъ въ двадцать лѣтъ.

DCLXXVIII.

ПОДМОСКОВНАЯ.

Люблю природы подмосковной
Родной, сочувственный привѣтъ;
Радушно, съ лаской вѣчно ровной,
Она, какъ другъ отъ давнихъ лѣтъ,

Усталымъ путникамъ съ дороги
Даруетъ отдыхъ и досугъ,
Смиряетъ жизни въ насъ тревоги
И лѣчитъ скорбныхъ ранъ недугъ.

Въ гостепріимныя объятья
Она зоветъ своихъ дѣтей:
Въ ней миръ найдетъ земная братья,
Ласкаясь къ матери своей.

Спокойство, тихая свобода,
Вы чужды суетныхъ заботъ!
Здѣсь втайнѣ русская природа
Вѣсть сердцу русскому даетъ.

Ея красивыя картины,
Ея широкіе луга,
Поля, овраги и долины,
Рѣки прозрачной берега,

Лѣса съ ихъ мракомъ и прохладой,
Гдѣ такъ привольно отдохнуть,
Все вѣетъ на̀ душу отрадой,
Все успокаиваетъ грудь.

Съ сердечнымъ, родственнымъ поклономъ
Любуюсь рощей молодой:
Здѣсь ясень рядомъ съ стройнымъ кленомъ,
Береза съ сребряной корой,

Рябина съ алымъ ожерельемъ,
Красавица родныхъ лѣсовъ;
Съ какой тоской, съ какимъ весельемъ,
Я васъ, друзей, обнять готовъ!

Березы тѣ же, тѣ же клены,
Во дни младенческой поры,
Меня манили въ мракъ зеленый,
Подъ свѣжіе свои шатры.

Они свидѣтелями были
Невинныхъ игръ, моихъ проказъ,
И здѣсь моей давнишней были
Какъ будто слышенъ мнѣ разсказъ.

Кругомъ селенье за селеньемъ
Съ ихъ колокольнями вдали:
Ихъ благовѣстъ несется пѣньемъ,
Молитвой къ небу отъ земли.

Москва-рѣка, намъ всѣмъ родная,
Течетъ спокойно подъ горой,
Своимъ теченьемъ пробуждая
Преданья старины родной.

Здѣсь Русь окрѣпла, здѣсь хранится
Родникъ событій вѣковыхъ,

И, словно въ зеркалѣ, глядится
Вся Русь въ струяхъ ея святыхъ.

Красою скромной, ненаглядной,
Какъ свѣжій, полевой цвѣтокъ,
Намъ улыбается отрадно
Сей миловидный уголокъ.

Цвѣти въ виду двойной лазури
Родныхъ небесъ, родной рѣки,
Затишье, пристань послѣ бури
И мрачныхъ дней, и дней тоски.

Не знай ни въ чемъ судьбы враждебной:
На лонѣ мира и любви
Ты свѣжесть силъ струей цѣлебной
Въ усталыхъ чувствахъ обнови.

Отдохновеньемъ и усладой
Ты будь помѣщицѣ своей,
Будь ей спасительной оградой,
Будь ей святыней ясныхъ дней.

Отъ пышныхъ роскошей чертога
И мысль, и чувства удаля,
Она здѣсь съ свѣтлаго порога
Глядитъ на мирныя поля.

Она ихъ прелесть понимаетъ,
Сродни ихъ чистымъ красотамъ,
Душой созвучной отвѣчаетъ
Она ихъ стройнымъ голосамъ.

Пусть на твое уединенье
Сниходитъ Божья благодать,
И въ ней храни, о Провидѣнье,
Помѣщицу, супругу, мать.

DCLXXIX.

ВЕЧЕРЪ.

Прелестный вечеръ! Въ сладкомъ обаяньи
Душа притихла, словно въ чудномъ снѣ,
И небеса въ безоблачномъ сіяньи,
И вся земля почила въ тишинѣ.

Куда бъ глаза пытливо ни смотрѣли,
Таинственной завѣсой міръ одѣтъ,
Слухъ звука ждетъ,—по звуки онѣмѣли;
Движенья ищетъ взоръ—движенья нѣтъ.

Не дрогнетъ листъ, не зарябится влага,
Не проскользнетъ воздушная струя;
Все тишь!.. Какъ будто въ пресыщеньи блага
Жизнь замерла и не слыхать ея.

Но въ видимомъ бездѣйственномъ покоѣ
Не истощенье силъ, не мертвый сопъ:
Присущны здѣсь и таинство живое,
И стройнаго могущества законъ.

И молча жизнь кругомъ благоухаетъ
И въ неподвижной красотѣ своей

Прохладный вечеръ молча расточаетъ
Поэзію безъ звуковъ, безъ рѣчей.

И въ этотъ часъ, когда, въ тѣни пѣмѣя,
Все, притаясь, глубокій миръ хранитъ,
И тихій ангелъ, крыльями чуть вѣя,
Землей любуясь, медленно парить,

Природа вся цвѣтетъ, красуясь пышно,
И, пасъ склоня къ мечтамъ и забытью,
Передаетъ незримо и неслышно
Намъ всю любовь и душу всю свою.

DCLXXX.

Изъ родника души Ей льется пѣснь моя
Влеченью своему свободному послушно:
Ея не оскорблю, не пристыжу себя
Ни приторной хвалой, ни лестью малодушной.

Льстецомъ не назоветъ меня родная Русь.
Нѣтъ, прелести двойной я честно повинуюсь:
Царицей русскою, какъ русскій я горжусь,
И милой женщиной я, какъ поэтъ, любуюсь.

DCLXXXI.

СЛЕЗНАЯ КОМПЛЯНТА.

КИ ПЕ ТЕТРЪ ВУ ФЕРА РИРЪ.

Всѣ женщины въ прабабку Еву
Хитрятъ во снѣ и на яву.
Онъ говоритъ: хочу въ Женеву,
Она въ отвѣтъ: *не жене ву.*

„То-есть, пожалуйста, не суйтесь:
Къ чему женироваться вамъ?
Сидите дома, повинуйтесь
Своимъ дряхлѣющимъ годамъ".

„Васъ видѣть мнѣ была бъ отрада.
Но если все въ разсчетъ принять,
Быть можетъ, я была бы рада
Васъ къ чорту, ангелъ мой, прогнать.

„И такъ довольна я судьбою:
Де мьё се ленеми дю бьянъ:
Боюсь, меня стиховъ ухою
Замучите вы, какъ Демьянъ".

Онъ плачетъ, а она... хохочетъ
И говоритъ: „*Ле гранд нана*“
Все о Женевѣ онъ хлопочетъ,
А я свое: „*же не ве па*“.

1866 г.

DCLXXXII.

ФРЕЙЛИНѢ ОГАРЕВОЙ.

Когда на зло судьбѣ, ненастью и морозамъ,
Здѣсь розой вы цвѣли и пѣли соловьемъ,
Что жь тамъ, гдѣ вы теперь, тамъ, гдѣ въ раю земномъ
Приволье и житье и соловьямъ, и розамъ?

Тамъ дома вы, тамъ все, земля и небеса,
И воздухъ родственный любовью васъ ласкаетъ:
Поете ль вы — и вамъ созвучно отвѣчаютъ
И окликаютъ васъ природы голоса.

Все обаянье тамъ для слуха и для глаза,
А намъ осталась грусть и память прошлыхъ дней,
Что Петергофскій нашъ весенній соловей
Теперь соловушко далекаго Кавказа.

DCLXXXIII.

ТРОЙКА.

Пѣсня, басня и быль.

Вотъ мчится тройка удалая,
Бакунинъ, Герценъ, Огаревъ,
И „колокольчикъ, даръ Валдая“,
Гремитъ какъ сто колоколовъ.

Бѣснуясь, тройка рветъ и мечетъ,
Валяетъ и всѣхъ валитъ съ ногъ:
Кого лягнетъ, кого увѣчитъ,
Иль переѣдетъ поперегъ.

Любуются зѣваки тройкой,
Снимаютъ шапки передъ ней,
И колокольчикъ дробью бойкой
Имъ всякихъ пѣсней былъ милѣй.

Но вскорѣ тройка пріустала,
Знать, худо кормлена была —
Она замялась, захромала
И спотыкаться начала.

Задору много, силы мало!
Съ полупути надорвалась,

А въ колокольчикъ-запѣвало
Забилась вплоть густая грязь.

Ужъ имъ не тѣшатся зѣваки,
Бѣгомъ за тройкой не бѣгутъ,
И кони, звѣри-забіяки,
Теперь ужъ клячами слывутъ.

Гдѣ прытъ, гдѣ звонъ, всѣхъ оглушившій?
И вотъ валдайскій громобой,
Теперь языкъ свой прикусившій,
„Гудитъ уныло подъ дугой“.

Приписка.

А Долгоруковъ въ одиночку
Пошелъ съ кляченкой на извозъ.
Онъ въ полночь сваливаетъ въ бочку
Чужой и собственный навозъ.

А паче собственный! . Богато
Господь имъ надѣлилъ его,
И раздаетъ онъ таровато
Нагаръ желудка своего.

Съ своей кляченкой колченогой
Въ журнальномъ дѣлѣ онъ профосъ,
И, гдѣ съ нимъ встрѣтишься дорогой,
Тамъ крѣпче зажимаешь носъ

DCLXXXIV.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ.

Шутка.

Чтобы поздравить Дарью,
Хотѣлъ воспѣть я арью,
Но голосъ мой охрипъ,
Со всей моей охотою
И съ гриппомъ и перхотою
Весь сморщенъ старый грибъ.

Но про себя келейную,
Сердечно незатѣйную
Такую рѣчь веду:
Богъ Дарьѣ дай здоровья,
Будь съ ней безъ прекословья
Судьба всегда въ ладу.

Чело вѣнчай ей розами,
Китейскими морозами
Ей сердца не студи.
Пошли ей въ жизнь попутчика
Гвардейскаго порутчика
Съ живымъ огнемъ въ груди;

Пожалуй, хоть придворнаго,
Но сердцемъ непритворнаго,
Какъ искренна она.
Будь съ радостью домашнею
Ей спутницей всегдашнею
Медовая луна.

DCLXXXV.

ВЕСНА.

„Весна! весна! краса природы!“ [1])
Гниль въ воздухѣ, грязь на землѣ.
Ее ругаютъ пѣшеходы,
И кони вязнутъ въ киселѣ.

Ломаются коляски, дрожки,
Простудъ и насморковъ пора,
И ей творятъ поклоны въ ножки
Каретники и доктора.

[1]) Стихъ Дмитріева.

DCLXXXVI.

Застѣнчивой рукой вношу кривыя строки
И на починъ еще въ не тронутый альбомъ,
На немъ почіетъ миръ безмолвный и глубокій,
Миръ, не встревоженный заносчивымъ перомъ.

Ждутъ бѣлые листы загадочнаго слова;
Пустыня ждетъ, чтобъ жизнь заговорила въ ней,
Чтобъ выразилась мысль безъ лжи и безъ покрова,
Чтобъ съ сердцемъ не было разлада у рѣчей.

Какимъ же словомъ здѣсь я рѣчь свою открою?
Когда бъ я молодъ былъ, то слово сгоряча
Изъ сердца вырвалось легко бъ само собою,
Какъ звонкая струя изъ свѣжаго ключа.

Къ несчастью, устарѣлъ словарь мой первобытный:
Гдѣ ставилъ я *любовь*, тамъ *дружбу* ставлю я,
И къ вамъ ее несу я, какъ билетъ кредитный
Въ замѣну звонкаго цѣлковаго рубля.

DCLXXXVII.

КОМИСАРОВУ.

Святого Промысла смиренное орудье
Народную скрижаль собой ты озарилъ:
И благодать свою, и мощь, и правосудье
Въ тебѣ невѣдомомъ Господь провозгласилъ

Злодѣйства сокрушилъ ты замыселъ и выю:
Ты Божьимъ ангеломъ явился въ грозный часъ,
Ты отвратилъ ударъ, направленный въ Россію,
Ты спасъ Царя, и въ Немъ Его народъ ты спасъ.

DCLXXXVIII.

16 АПРѢЛЯ 1866 г.

Есть слезы радости, есть тяжкой скорби слезы,
Есть неба яснаго безоблачность, есть грозы,
Которыя порой волнуютъ тихій день,
За тѣнью солнца блескъ, за блескомъ тучи тѣнь,
Надежды свѣтлыя, и грустныя преданья,
Которыя хранитъ ковчегъ воспоминанья,
Въ которыхъ теплится еще завѣтный слѣдъ
Того, что̀ ужь прошло, и тѣхъ, которыхъ нѣтъ.
Такъ въ храмѣ, гдѣ молитвъ окончены обряды,
Передъ иконами горятъ еще лампады,
И вечеромъ, когда ужъ опустѣетъ храмъ,
Благоухаетъ въ немъ потухшій ѳиміамъ.
Есть въ тайникѣ души безсмѣнное свѣтило:
Любовь къ тому, что̀ есть, любовь къ тому, что̀ было,
И сердцу не рѣшить въ двойной любви своей,
Которая изъ двухъ дороже и святѣй;
Есть въ таинствахъ души обмѣнъ намъ непонятный
И счастья грустнаго, и скорби благодатной,
Намекъ, что жизни путь—отрывочный разсказъ
Изъ книги, коей смыслъ непостижимъ для насъ;
Есть бодрости порывъ, есть грусть изнеможенья;
Есть тягота борьбы, есть сладость умиренья;

Есть радостей разсвѣтъ, есть радостей закатъ,
И вѣра въ прочность благъ, и тайный страхъ утратъ.
Все это жизнь! И все Вы это испытали
Съ смиреньемъ въ счастіи и съ кротостью въ печали.
Жизнь опытомъ своимъ обогатила Васъ;
И Промыслъ въ радостный и въ злополучный часъ
Былъ Вамъ прибѣжище и стражъ, и вождь единый.
Въ сей памятный Вамъ день священной годовщины,
Когда предъ алтаремъ, во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ,
Вы свято изрекли любви святой обѣтъ,
И жизнь свою съ другой Вы жизнью сочетали,
И сердцемъ любящимъ Своею Васъ признали
Семейство Царское и русская семья.
Предъ Господомъ любви колѣни преклоня,
И нынѣ въ этотъ день, съ молитвой и слезами,
Все пережитое, испытанное Вами,
Все, что̀ утратили, и все, что̀ сберегли,
Какъ жертву чистую Вы молча вознесли.
Минувшій каждый день, для сердца незабвенный,
Великой радостью, иль скорбью освященный,
Одинъ — улыбкою сіяющій, другой —
Неосушимою отмѣченный слезой,
Всѣ дни, вся Ваша жизнь, въ своемъ значеньи многомъ,
Высоко на землѣ поставленная Богомъ,
Жизнь міра внѣшняго съ величіемъ своимъ
И бременемъ равно и тяжкимъ, и благимъ,
И внутренняя жизнь, которой зритель совѣсть,
Вся лѣтопись души, всѣхъ чувствъ прекрасныхъ повѣсть,
Все снова облеклось въ дѣйствительность для Васъ,
И двадцать пять годовъ вмѣстилъ единый часъ.

Вы слышите кругомъ молитвы намъ родныя:
Въ одинъ священный кликъ весь городъ, вся Россія,
Въ молебствіе одно, въ одну любовь слились,
Предъ Божьимъ Промысломъ, которымъ дни спаслись,
Дни драгоцѣнные Вамъ и семьѣ народной.

Краснорѣчивъ сей гласъ всеобщій и свободный;
Онъ на любовь Царя и Вашу нашъ отвѣтъ:
Онъ Божій гласъ; годамъ позднѣйшимъ онъ завѣтъ.
Стеклись въ немъ въ строй родныхъ, одушевленныхъ звуковъ
Почившихъ предковъ гласъ и гласъ грядущихъ внуковъ.
Онъ исповѣдь любви народной: и на ней
Твердыня русская съ святынею своей.
Во всѣхъ и мысль одна и бьется сердце то же;
Жизнь въ пѣснь народную сложилась. Въ кликѣ: „Боже,
„Царя храни!“ душа народная звучитъ,
Постъ и молится, и мужествомъ кипитъ.
На шумной площади, за трапезой семейной,
Гремитъ, иль шопотомъ души благоговѣйной
Онъ льется изъ конца въ конецъ родной земли,
И сердцу чуткому онъ слышенъ и вдали.
Вы внемлете ему душою умиленной,
Отъ страха вздрогнувшей и счастьемъ возрожденной,
Онъ теплою струей стремится въ Вашу грудь:
Напутствуетъ онъ Васъ на Вашъ дальнѣйшій путь.
И если въ жизни нѣтъ минувшему возврата,
И въ сердцѣ матери всегда свѣжа утрата,
Будь сей восторженный, сознательный сей кликъ,
Который подъ грозой изъ всѣхъ сердецъ возникъ,
Спасенье возвѣстивъ встревоженной столицѣ,
Будь утѣшеньемъ онъ Супругѣ и Царицѣ,
За скорбь минувшаго будь онъ возмездьемъ Ей.

Народная любовь — сокровище Царей.
Издавна на Руси родникъ ея обиленъ:
Въ Царѣ живетъ народъ и Царь народомъ силенъ.
О, какъ великъ и святъ, и свѣтелъ жребій Вашъ!
Народная любовь, какъ ангелъ, Божій стражъ,
Лицомъ къ лицу стоитъ предъ Вами у престола.
Вамъ не страшна вражда, Вамъ не страшна крамола.
Вы объ-руку съ Царемъ и съ Нимъ душа съ душой,
Надежда и вожди семьи страны родной,

Идете Вы путемъ любви и вѣры въ Бога.
Подвижникамъ трудна державная дорога,
Но и прекрасна цѣль, которая ихъ ждетъ,
Когда за ними вслѣдъ Россія къ ней идетъ.

DCLXXXIX.

Ея ужъ нѣтъ! Увы, кому же
И было жить, когда не ей?
Непоздпихъ дней враждебный стужѣ,
Погибъ цвѣтокъ, любовь очей.

Веселья чаша непрохладно
По каплямъ выпита до дна:
Порывомъ вихря безпощадно,
Нѣтъ, опрокинута она!

Не отъ осенняго ненастья
Умолкъ въ тѣни пѣвецъ почной:
Нѣтъ, звучный гимнъ любви и счастья
Вдругъ замеръ, прерванный грозой.

Міръ озаривъ струями злата,
День майскій, не въ урочный часъ,
Дождавшись тихаго заката,
Въ вечернемъ сумракѣ погасъ:

Нѣтъ, туча съ мракомъ набѣжала,
Когда алѣли небеса,
И свѣжимъ жемчугомъ сверкала
На розѣ ранняя роса;

Вдругъ все въ природѣ потускнѣло,
Въ ночь обратилась дня заря:
Едва зажглось и потемнѣло
Паникадило алтаря.

Въ ней все цвѣло, въ ней все сіяло,
Жизнь била огненнымъ ключомъ,
Въ ней сердце такъ благоухало,
И умъ былъ такъ богатъ плодомъ

Былъ свѣтелъ взоръ ея прелестной,
Души онъ свѣтлость выражалъ,
И тайной, ей одной извѣстной,
Самъ въ душу нашу проникалъ.

Онъ ласковъ былъ и непороченъ,
Порой задумчивъ и уныл,
Какъ будто чѣмъ-то озабоченъ,
Чего онъ *здѣсь* не находилъ.

Въ немъ отражались перемежкой
И радость жизни, и тоска,
И слезы съ дѣтскою усмѣшкой,
И солнца лучъ, и облака.

Впадалъ онъ въ душу тихъ, невѣдомъ,
Какъ съ неба южнаго звѣзда,
Сорвавшись, падаетъ, и слѣдомъ
Во тьмѣ горитъ ея бразда.

И кто бы мелькомъ и случайно
Сей чудный взоръ ни повстрѣчалъ,
Тотъ былъ имъ очарованъ тайно
И въ жизнь его не забывалъ.

Въ ней все, что̀ дочери любимой
Природа-матерь можетъ дать,

Все прелестью невыразимой
Она умѣла сочетать.

Ни въ комъ такъ жизнь не улыбалась,
Какъ на младомъ ея челѣ,
Она въ движеньяхъ чуть касалась,
Какъ ангелъ крыльями, землѣ.

Все было строго въ ней послушно
Закону чистой красоты,
Все поэтически-воздушно,
Все—обаяніе мечты;

Все было стройно въ ней и плавно,
И не нарушенъ былъ сей строй,
Когда игралъ въ ней своенравно
Избытокъ жизни молодой.

Устроивъ съ равновѣсьемъ строгимъ
Свой внутренній и внѣшній міръ,
Въ одномъ—доступная немногимъ,
Въ другомъ—для всѣхъ была кумиръ.

Сходились, не тѣсня другъ друга,
Съ разсудкомъ радость юныхъ лѣтъ:
Такъ подъ счастливымъ небомъ юга
На той же вѣткѣ плодъ и цвѣтъ.

И сколько благъ, надеждъ цвѣтущихъ,
Сокровищъ, зрѣющихъ въ тиши,
Хранилось для годовъ грядущихъ
Въ святилищѣ сея души.

Не выждавъ полнаго развитья,
Природы измѣнивъ законъ,
Жизнь не дозрѣла до событья
И улетучилась какъ сонъ.

Но этотъ сонъ былъ откровенье,
Былъ вѣстникъ рая на землѣ,
Неуловимое видѣнье
Съ повязкой звѣздной на челѣ.

Насъ въ темной ночи сонъ чудесный
Улыбкой счастья озарилъ,
И плачемъ мы, что гость небесный
У насъ такъ мало погостилъ.

DCXC.

КНЯГИНѢ ЕЛИЗАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ УРУСОВОЙ (РОЖДЕННОЙ КНЯЖНѢ ТРУБЕЦКОЙ).

И ангелъ радости, и ангелъ испытанья
Вашъ одръ болѣзненный безсмѣнно стерегутъ:
Улыбкою души тѣлесныя страданья
Въ васъ озаряются и къ вамъ сердца влекутъ.

Вы тайно, про себя, несете крестъ смиренья,
И упоительно для всѣхъ и на яву
Вы чувства свѣжестью, игрой воображенья
И прелестью своей чаруете Москву.

Вѣнкомъ душистыхъ розъ и свѣтлыхъ незабудокъ
Прикрытъ и спрятанъ вашъ страдальческій вѣнецъ;
Предъ вами набожно смиряется разсудокъ,
И вамъ несется дань и ониміамъ сердецъ.

При васъ миримся мы съ житейскими борьбами,
И въ скорби прелесть есть сочувственная намъ:
Молиться хочется и любоваться вами,
И на душѣ свѣтло съ слезами пополамъ.

Знакомите вы насъ съ поэзіей недуга:
И небо южное, — найдутъ ли облака, —

Все жь вѣетъ теплотой благоуханной юга,
Прозрачнымъ сумракомъ задернувшись слегка.

Идетъ къ вамъ съ горестью, придетъ—при первомъ словѣ,
Завидя только васъ, утѣшены друзья:
Конечно, молимъ мы, чтобъ были вы здоровѣй,
Но быть еще милѣй вамъ пожелать нельзя!

DCXCI.

УГОЛОКЪ.

Чуждый блеску, чуждый шуму,
Средь которыхъ я живу,
Часто думаю я думу
Про родимую Москву.

Тамъ есть уголокъ мнѣ милый,
Есть сочувственный пріютъ,
И таинственною силой
Мысли такъ къ нему и льнутъ.

Съ нимъ сближаюся мечтою
И о немъ, его любя,
То съ надеждой, то съ тоскою
Ворожу я про себя.

Что свѣтло ли въ тихой кельѣ
У затворницы моей?
Сердцу свѣтитъ ли веселье,
Словно блескъ дневныхъ лучей?

Хоть и въ клѣткѣ, но безпечно,
Грусть въ себѣ она тая,

Разливается ль сердечно
Звонкой пѣснью соловья?

Окруженная цвѣтами,
Словно свѣтлая весна,
И устами, и очами
Улыбается ль она?

Ею радуюсь заочно,
Сердце на нее глядитъ,
Забывая, что непрочно
Все, что̀ сердце ве́селитъ.

Иль, быть можетъ, почью темной
Мраченъ свѣтлый уголокъ,
И поникъ головкой томной
Ненаглядный нашъ цвѣтокъ.

Ужь не слышенъ смѣхъ веселый,
Пріумолкло все вокругъ,
И гнететъ ее тяжелый
И томительный недугъ.

Тутъ и холодомъ повѣетъ,
И унынъемъ на меня;
Съ темной кельей потемнѣетъ
И скорбитъ душа моя.

Ворожба мнѣ не въ помогу.
Были бъ крылья — тотчасъ въ путь,
Чтобъ хоть мелкомъ, хоть съ порога
На затворницу взглянуть.

Въ неизвѣстности томится
Сердце бѣдное мое,
Ждетъ вѣстей, вѣстей боится,
Грезитъ-бредитъ про нее.

DCXCII.

НА ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ, ВЪ ДЕНЬ ОТЪѢЗДА ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Благодаренье вамъ, долины, рощи, нивы,
Вамъ, тихимъ ангеламъ, хранителямъ полей,
Дающимъ свѣтъ лугамъ и жатвѣ плодъ счастливый
И Божій миръ сердцамъ и помысламъ людей.

И насъ вы берегли благимъ своимъ покровомъ.
Жизнь наша протекла, какъ тихій, ясный день,
И съ благодарностью, съ любовью, теплымъ словомъ
Гостепріимную помянемъ вашу сѣнь.

Чѣмъ дальше отъ людей, тѣмъ ближе мы къ природѣ,
Тѣмъ въ насъ свѣжѣй душа, тѣмъ тверже каждый шагъ.
Устроенъ Божій міръ, чтобъ жить въ немъ на свободѣ
И чистою душой знать сладость чистыхъ благъ.

Но дерзкій человѣкъ, кичливый, непокорный,
Міръ этотъ возмутилъ строптивостью своей:
Небесъ въ своей красѣ и грозы благотворны,
Но отвратительна гроза людскихъ страстей.

Тамъ кровью залиты поля, луга и жатвы,
Тамъ съ звѣрской дикостью идетъ на брата братъ,

Тамъ стонетъ вся земля подъ карой страшной клятвы,
Которую на міръ изрыгнулъ злобный адъ.

Но злобы торжество есть призракъ скоротечной,
И въ мірѣ нравственномъ оно загадка намъ:
Положимъ же запретъ мы въ простотѣ сердечной
Сомнѣньямъ разума и ропщущимъ устамъ.

Что люди, что успѣхъ ихъ суетной гордыни,
Что слава ихъ, когда съ ней рядомъ ложь идетъ?
Изъ зыбкаго песка подъятыя твердыни
Ихъ вѣтеръ взгромоздилъ—и вѣтеръ ихъ снесетъ.

Ослабимъ, освѣжимъ житейскія заботы,
И жаждущей любви да утолится пылъ
Въ живой купели благъ, въ источникѣ щедроты,
Который Самъ Творецъ въ природѣ намъ открылъ.

Счастливъ, кто въ сумракѣ дубравъ уединенныхъ
Хоть на день мыслями и сердцемъ отдохнулъ,
Кто гнетъ удушливый событій современныхъ
Съ себя, какъ страшный сонъ, раскрывъ глаза, стряхнулъ.

Счастливъ, кто возлюбилъ и рощи, и долины,
Кто отъ дневныхъ тревогъ спѣшитъ подъ сѣнь полей,
Какъ странникъ, въ край родной пришедшій изъ чужбины,
Привѣтствуетъ, крестясь, домъ матери своей.

DCXCIII.

НА ПРІѢЗДЪ ПРИНЦЕССЫ ДАГМАРЫ, ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Въ дни весны, когда природа
Расточаетъ радость намъ,
Съ свѣтлоголубого свода,
По роднымъ намъ небесамъ,
Промелькнула на разсвѣтѣ
Юныхъ ангеловъ чета:
Миръ и ласка въ ихъ привѣтѣ,
Въ лицахъ блескъ и красота.

Съ крыльевъ ихъ, съ очей ихъ ясныхъ,
Съ сребро-царственныхъ одеждъ
Вѣетъ много думъ прекрасныхъ,
Много радостныхъ надеждъ.
Всѣ, предавшись съ умиленьемъ
Упованью одному,
Любовались мы видѣньемъ,
Сердцемъ вѣруя ему.

Вдругъ ударилъ громъ съ вершины,
Вдругъ затмился сводъ небесъ,
И изъ ангеловъ единый
Навсегда въ грозѣ исчезъ.

А другой на насъ изъ тучи
Съ нѣжной грустью посмотрѣлъ,
И нашъ гость мимолетучій
Одинокій отлетѣлъ.

Двѣ печали, двѣ утраты
Разомъ уязвили насъ;
Чернымъ облакомъ объятый,
До полудня день угасъ.
Но, очнувшись отъ удара,
Какъ таинственный залогъ,
Слово милое: Дагмара
Нашъ народъ въ душѣ сберегъ.

Это имя повторяя,
Съ нимъ народъ роднился вновь:
Въ немъ и память есть святая,
Есть надежда и любовь
Сердца чуткаго догадкой
Онъ своей Дагмару звалъ
И молитвами украдкой
Въ храмахъ Божьихъ поминалъ.

Гласъ народа есть гласъ Божій:
Мы красавицы своей
Домолились у подножій
Милосердыхъ алтарей.
Святы Промысла законы,
Но таинственъ ихъ глаголъ:
Тамъ, гдѣ смертному препоны,
Богъ бразду свою провелъ.

Ты, искупленная грустью,
Радость наша, благъ залогъ,
Въ пристань вновь къ родному устью,
Послѣ бури и тревогъ,

Вѣтромъ теплымъ и попутнымъ,
Словно дышетъ въ немъ весна,
Къ нашимъ берегамъ пріютнымъ
Ты—приплывшая волна!

Ангелъ намъ обѣтованный,
Наша вѣщая звѣзда,
Закатившись въ день туманный
И, казалось, безъ слѣда,
Намъ въ отраду и возмездье
Нашей вѣрѣ и слезамъ,
Ты вступаешь вновь въ созвѣздье
Неба радостнаго намъ.

Сонъ пророческій недавно,
Нынѣ Промысла завѣтъ,
Совершающійся явно,
Дня желаннаго разсвѣтъ,
Гость, уже не легкокрылой,
Что, блеснувъ, умчится прочь,
Ты любви святою силой
Навсегда Россіи дочь.

Ты отнынѣ намъ родная
Передъ Богомъ и людьми:
Чувствамъ нашимъ отвѣчая,
Дань родныхъ сердецъ прими.
Сердцемъ нашъ народъ умѣетъ
Сердцу вѣсть любви подать:
Гдѣ любовь цвѣтетъ и зрѣетъ,
Тамъ и Божья благодать.

Не страшися русской стужи,
На морозъ нашъ не смотри:
Русь, холодная снаружи,
Чувствомъ теплится внутри.

Породнись любовью съ нами,
Какъ, заочно возлюбя,
Предрекали мы сердцами
Цесаревною тебя.

Ждутъ тебя подъ Царскимъ кровомъ
Съ нѣжной Матерью Отецъ,
Чтобъ тобою въ блескѣ новомъ
Ихъ украсился вѣнецъ,
Жребій свой благословляя,
Ждетъ тебя младой Женихъ,
Съ хлѣбомъ-солью Русь святая
Ждетъ улыбки устъ твоихъ.

DCXCIV.

ДВѢ ВЕСНЫ.

Свою Дагмарину недѣлю
Природа честно отслужила,
И осень южному апрѣлю
Ненастный сѣверъ уступила.

Земля уговорилась съ небомъ
Отпраздновать Невѣсту нашу
И ей поднесть съ заздравнымъ хлѣбомъ
Цвѣтами убранную чашу.

Весна сошла съ небесъ для встрѣчи
Весны, приплывшей къ намъ съ полночи,
Ведетъ съ ней ласковыя рѣчи
И ей глядитъ съ любовью въ очи.

И двѣ весны, два обаянья,
Сроднились тайной обоюдной:
Отъ ихъ младого сочетанья
Намъ льется въ душу отблескъ чудной.

Но праздничные дни пріема
Съ своимъ волшебствомъ миновали,

И по домашнему мы дома
Съ себя парядъ роскошный сняли.

Съ любовью нѣжнаго участья
Весна, отпраздновавъ подругу,
Намъ пожелала благъ и счастья
И съ солнцемъ закатилась къ югу.

И всероссійская природа
Въ права помѣщичьи вступила:
Вотъ холодъ, дождь и непогода —
И Русь свое заговорила.

Но сердцу есть еще веселье:
Весна, подъ именемъ Дагмары
Къ намъ прилетѣвъ на новоселье,
И расточая блескъ и чары,

Какъ та весна, не измѣнила:
Свернувши крылья молодыя,
Она Россію полюбила,
И породнилась съ ней Россія.

Гость непаглядный и почетной,
Она въ гнѣздѣ любви ей миломъ
Намъ будетъ птичкою залетной
И нашимъ вѣрнымъ старожиломъ.

Весна души тепломъ душевнымъ
Намъ въ душу навѣваетъ радость,
Даруя розамъ однодневнымъ
Неувядаемую младость.

Дары души—залогъ нетлѣнный,
И за божественной печатью
Они сохранно-неизмѣнны
И свѣтятъ тихой благодатью.

DCXCV.

Меня вы дразните прекрасными стихами,
Я вамъ завидую, вы счастливѣй меня,
Эллады небеса раскинуты надъ вами,
Кругомъ васъ милый блескъ аттическаго дня.

Вы возродились вновь въ священной колыбели,
Гдѣ не скупилась жизнь въ раздачѣ благъ своихъ;
Тамъ пѣсни звучныя боговъ любимцы пѣли
На благозвучнѣйшемъ изъ языковъ земныхъ.

На лонѣ мудрости безпечной и свободной
Жизнь счастіемъ была ужь тѣмъ, что жизнь—она,
И радости цвѣли на почвѣ плодородной,
И жизнь съ поэзіей была одна весна.

Тамъ красота была царицей и богиней,
И набожно сердца курились ей мольбой,
Ей весь цвѣтущій міръ былъ храмомъ и святыней,
И не было границъ межь небомъ и землей.

Тамъ творческая мысль не знала охлажденья,
Послушны были ей кисть, слово и рѣзецъ,
Художества цвѣли подъ солнцемъ вдохновенья,
И каждый былъ ему поклонникъ или жрецъ.

Тамъ музы не мечта, не баснословья дѣти,
Онѣ гостили тамъ на милой имъ землѣ:
И свѣжъ еще вѣнокъ изъ розъ былыхъ столѣтій,
Который расцвѣталъ на свѣтломъ ихъ челѣ.

И тѣни ихъ, еще таинственно красуясь
Улыбкой дѣвственной и пламенемъ очей,
Тамъ плавно носятся, тоскуя и любуясь
Все вѣчно молодой отчизною своей.

Вы ихъ встрѣчаете въ тѣни садовъ лицейскихъ,
Знакомой пѣкогда Аонискимъ мудрецамъ,
И гостю дальнему изъ странъ Гиперборейскихъ
Пѣснь пѣжную онѣ нашептываютъ вамъ.

Скажите имъ, что я, питомецъ недостойный
Ихъ сѣверныхъ подругъ, зашедшихъ въ пашу даль,
Люблю хоть издали внимать напѣвъ ихъ стройный,
Въ ихъ вымыслахъ цѣлить души моей печаль.

Блуждающей звѣзды сопутникомъ покорнымъ
И я изъ края въ край довольно я блуждалъ,
Далече по морю и по вершинамъ горнымъ,
И чрезъ пустынный зной я путь мой пролагалъ.

Но не привѣтствовалъ я чувствомъ умиленнымъ
Тебя, желанный край обѣтованныхъ сновъ!
Не поклонялся я развалинамъ священнымъ,
Гдѣ смѣшенъ съ пепломъ ихъ и прахъ самихъ боговъ.

Ты именемъ однимъ мнѣ, Грецiя, знакома,
Одной мечтой твой міръ меня усыновилъ,
Но чуждъ мнѣ милый кровъ родительскаго дома,
Который страстно я заочно возлюбилъ.

Акрополь, алтари божественной Паллады,
Вскормившей свѣтлый строй героевъ и гражданъ!

Ты, златовласый богъ созвучій ихъ услады,
Ты, коимъ смертному глаголъ безсмертныхъ данъ!

Ты, скорби таинство пославшій Эврипиду,
Которой онъ сердца разилъ и умилялъ,
Ты, стройный складъ рѣчей внушившій Оукидиду.
. . . . . .

Ты, розами любви и гроздомъ виноградным
Вѣнчавшій сѣдины Феосскаго пѣвца,
Такъ, что на зло судьбѣ и лѣтамъ безпощадным
Онъ былъ чувствителенъ и молодъ до конца!

Какъ много свѣтлыхъ думъ въ насъ будятъ эти звуки!
Чредой сойдутъ съ земли вѣка и племена,
О нашихъ подвигахъ забудутъ наши внуки,
Но греческихъ сыновъ безсмертны имена.

Въ нашъ вѣкъ и грубой лжи, и дикаго насилья,
Въ который алчностью умы омрачены,
Счастливъ, чей взоръ поникъ, чьи опустились крылья
На вѣчно свѣтлое кладбище старины.

Минувшаго душа тоскующая проситъ,
А въ настоящемъ ей желанной пищи нѣтъ,
И отъ печестій дня мечта ее уноситъ
Въ мракъ поэтическій давно минувшихъ лѣтъ.

Тамъ вѣчный бьетъ родникъ сочувственныхъ преданій,
Тамъ пролилась бы въ грудь ихъ свѣжая струя,
Тамъ я сознать бы могъ въ тѣни воспоминаній
И съ гордостью сказать, что человѣкъ и я.

DCXCVI.

ТОМУ СТО ЛѢТЪ.

(Посвящается памяти Карамзина).

Тому сто лѣтъ, подъ тихимъ кровомъ
Богобоязненной семьи,
Гдѣ чистымъ дѣломъ, чистымъ словомъ
Хранилась заповѣдь любви,
Въ краю, гдѣ Волгой плодородной
Поятся нивы и луга,
Гдѣ жизнью бодрой и народной
Кипятъ рѣка и берега,

Тому сто лѣтъ, зимой суровой,
Младенецъ, Божья благодать,
Младенецъ, въ жизнь пришелецъ новой,
Утѣшилъ страждущую мать.
Любуясь имъ, она гордилась,
Заботъ и благъ въ немъ зря залогъ,
О немъ и о себѣ молилась,
Чтобъ ихъ другъ другу Богъ сберегъ.

Но жизнь и вся земная радость
Все тѣнь, неуловимый паръ:

Въ чемъ предвкушаемъ счастья сладость,
Въ томъ часто намъ грозитъ ударъ.
Была молитва завѣщаньемъ
Передъ разлукой роковой,
Любви привѣтомъ и прощаньемъ
Съ новорожденнымъ сиротой.

Еще молитвы, сердцу милой,
Мать не успѣла досказать,
А смерти ангелъ черпокрылой
Клалъ на уста ея печать.
Гробъ рядомъ съ юной колыбелью
И съ гранью жизни жизни даль:
И въ домъ попутчицей веселью
Вошла семейная печаль.

Но нѣжной матери моленье
Угодный небу ѳиміамъ:
Мать замѣнило Провидѣнье.
Не по годамъ, а по часамъ,
Младенецъ, отрокъ благодушный,
И подросталъ, и расцвѣталъ,
И въ тайнѣ матери послушный
Рѣчамъ загробнымъ онъ внималъ.

Ужь раннимъ пламенемъ горѣли
Ребенка чуткіе глаза,
Пытливо вдаль они смотрѣли,
Въ нихъ вдохновенная слеза
Свѣтлѣлась чувствомъ многодумнымъ
Предъ блескомъ утреннихъ небесъ,
Или когда подъ вѣтромъ шумнымъ
Тревожно пѣлъ и плакалъ лѣсъ.

Все, что̀ быть можетъ мысли пищей,
Или потребностью души,

Все съ каждымъ днемъ яснѣй и чище,
Еще въ пророческой тиши,
Еще невѣдомо для свѣта,
Въ немъ развивалось красотой;
И проблескъ тихаго разсвѣта
Былъ дня прекраснаго зарей.

За утромъ дѣтскихъ обаяній
Настала зрѣлости пора:
Съ умомъ, алкающимъ познаній,
Съ душею, жаждущей добра,
Вступилъ онъ въ жизнь, какъ въ бой воитель,
Какъ труженикъ, любящій трудъ,
Служенья чистаго служитель,
Избранный Промысломъ сосудъ.

Сперва, попыткою искусства,
На новый ладъ настроивъ рѣчь,
Успѣлъ онъ мысль свою и чувства
Прозрачной прелестью облечь
Россія рѣчью сей плѣнилась,
И съ новой грамотой въ рукѣ,
Читать и мыслить пріучилась
На Карамзинскомъ языкѣ.

Понятьямъ міръ открылъ онъ новый,
Пустилъ ихъ въ общій оборотъ,
Снялъ съ рѣчи тяжкія оковы
И слову русскому далъ ходъ.
Не смѣйтеся надъ *Бѣдной Лизой*,
Младой красавицей въ тѣ дни:
Окутавшись забвенья ризой
Всѣмъ намъ она еще сродни.

Все шире, глубже и просторнѣй
Онъ мирный подвигъ совершалъ,

И все теплѣй, все благотворнѣй
Лучи онъ свѣта проливалъ.
Казалось, новый воздухъ вѣялъ
На вновь раскрытыя бразды,
И все, что̀ онъ съ любовью сѣялъ,
Несло сторичные плоды.

Намъ предковъ воскресилъ онъ лица,
Ихъ образъ въ насъ запечатлѣлъ,
И каждая его страница
Зерцало древнихъ дней и дѣлъ.
Своей живительной рукою
Событій нить связалъ онъ вновь,
Сроднилъ насъ съ русскою семьею
И пробудилъ онъ къ ней любовь.

Въ иномъ художественный пламень,
Но малъ запасъ рабочихъ силъ;
Здѣсь зодчій самъ за камнемъ камень
Въ свой исполинскій трудъ вносилъ.
Воздвигъ онъ храмъ сей величавый,
Прекрасный стройностью частей,
Сей памятникъ и русской славы,
И славы собственной своей.

Любви къ трудамъ, къ добру, природѣ
Въ своихъ твореньяхъ учитъ онъ:
Онъ учитъ въ нравственной свободѣ
Блюсти общественный законъ,
Отечеству быть вѣрнымъ сыномъ
И человѣчество любить,
Стоять за правду гражданиномъ
И вмѣстѣ человѣкомъ быть.

Нѣтъ тѣни въ немъ противорѣчья;
Гдѣ авторъ — тамъ и жизнь сама:

Та жь теплота добросердечья
И трезвость свѣтлаго ума.
Предъ нимъ одна была дорога,
Проселковъ не искалъ ни въ чемъ:
Онъ чистотой души и слога
Былъ, есть и будетъ образцемъ.

Съ покорностью благоговѣйной
Къ Тому, Кѣмъ призванъ къ бытію,
Любилъ онъ свой очагъ семейный,
Всѣхъ ближнихъ, какъ свою семью.
На горе братьевъ, на ихъ радость,
И на закатѣ позднихъ лѣтъ,
Какъ и въ довѣрчивую младость,
Въ созвучномъ сердцѣ былъ отвѣтъ.

И славы онъ извѣдалъ чары
И ласку, и пріязнь царей,
Судьбы дары, судьбы удары;
Но въ мирѣ съ совѣстью своей
Не зналъ онъ ропота въ печали,
Ни счастья суетныхъ тревогъ;
И жизни чистыя скрижали
На Божій судъ принесть онъ могъ.

Нашъ праздникъ надъ минувшимъ тризна,
Но мыслью жизни онъ согрѣтъ:
На немъ сочувствуетъ отчизна
Тому, что̀ было за сто лѣтъ.
Въ своей отвагѣ разнородной,
Какъ ни забывчивы умы,
Здѣсь благодарности народной,
Здѣсь гласъ потомства слышимъ мы.

И въ день сей памятный межь днями,
Столѣтняго преданья день,

Не носится лъ еще надъ нами
Россію любящая тѣнь?
Не онъ ли самъ, роднымъ влеченьемъ
Возставъ изъ гроба, въ этотъ часъ,
Благословляетъ съ умиленьемъ
И слово русское, и насъ?

DCXCVII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Литературы идеальной
Когда-то вѣкъ былъ золотой:
До насъ доходитъ отзывъ дальной
О ней, давно ужь намъ чужой.

Затѣмъ реальный вѣкъ! Съ нимъ въ мірѣ
Любви, ни вѣрованій нѣтъ;
Въ одно: что дважды два четыре
Съ любовью вѣритъ черствый свѣтъ.

Теперь насталъ ужь вѣкъ животный,
Литература въ плоть вошла;
И мысль, сей лучъ, сей духъ безплотный,
Къ землѣ животно приросла.

Графу силъ нравственныхъ, духовныхъ
Обозначаемъ мы нулемъ;
Въ своихъ трактатахъ многословныхъ
Мы къ безсловеснымъ такъ и льнемъ.

Одно теперь у насъ въ предметѣ
Познанье гадовъ, ихъ примѣтъ,

Чтобъ доказать, что въ Божьемъ свѣтѣ
Душѣ и Богу мѣста нѣтъ.

Не надо старыхъ намъ игрушекъ:
Не въ анатомію страстей,
А въ анатомію лягушекъ
Впились Бальзаки нашихъ дней.

И все, на что ты не укажешь,
Литературой ли назвать?
Какая гадина! ты скажешь
И будешь цѣлый день плевать.

2.

Отшельникъ, спрятанный въ Капрерѣ,
Не Цинцинатъ, не Вашингтонъ,
Въ исторію, по крайней мѣрѣ,
Героемъ вряд ли вступитъ онъ.

Онъ чистъ и честенъ, я не спорю,
Онъ бѣденъ, а богатъ быть могъ,
Въ глаза смотрѣлъ онъ прямо горю,
Былъ твердъ и смѣлъ среди тревогъ.

Все это, спора нѣтъ, похвально,
Но тутъ еще геройства нѣтъ,
Къ тому жъ онъ слишкомъ театрально
Рубахой красной пріодѣтъ.

Въ плащѣ, подъ шляпой и небрежно
Платкомъ онъ шею обвязавъ,
Такъ и глядитъ, что неизбѣжно
Его отщелкаетъ фотографъ.

Болтунъ, корреспондентъ всемірный,
Всѣмъ пишетъ, всѣхъ заговорилъ,

И, генералъ довольно мирный,
Онъ пролилъ множество чернилъ.

Онъ слишкомъ любитъ популярность,
Туристокъ лондонскихъ наплывъ,
Журналовъ ложь, высокопарность,
Рукоплесканій пошлыхъ взрывъ.

Облекшись скромности оправой,
Торчитъ онъ вѣчно на яву,
Онъ, не довольствуяся славой,
Влюбленъ въ дешевую молву.

Не поддаваясь суевѣрью,
Правдивый дать ли судъ о немъ?
Что жь сдѣлалъ онъ? Раскрытой дверью
Онъ ворвался въ сосѣдній домъ.

Измѣной призванный, безъ боя
Онъ побѣжденныхъ побѣдилъ;
Съ Кавуромъ фокусы устроя,
Неаполь шляпой онъ накрылъ.

Тутъ царская корона ль, шляпа ль?
Но шутка сыграна, — и вотъ
Въ чужой карманъ попалъ Неаполь,
И кстати Римъ туда жь зоветъ.

И ловко, и замысловато:
Но какъ-то способомъ инымъ
Далъ скромный Вашингтонъ когда-то
Свободу землякамъ своимъ.

Борьбою выстрадалъ онъ славу,
Величьемъ духа поражалъ,
И по успѣху, и по праву
Безсмертье честное стяжалъ.

Мы любимъ какъ бы подешевле
И лавръ, и совѣсть покупать.
Геройствовать умѣли древле,
А мы умѣемъ промышлять.

Удачи блескъ и самовластье
Не рѣдко яркое пятно;
Гдѣ видишь блескъ, спроси ты счастье,
Откуда и къ чему оно?

Дойдешь ты часто до отвѣта,
И до сознанья ты дойдешь,
Что это счастье, слава эта —
Безчестьемъ купленная ложь.

На путь побѣдной колесницы
Цвѣтами слѣпо не сори;
Не принимай почной зарницы
За проблескъ утренней зори.

Не будь поклонникомъ событья,
Творить кумиры не спѣши:
Нѣтъ прочной славы безъ паитья
Свѣтло возвышенной души.

Нашъ вѣкъ, способный на продѣлки,
Не знаетъ доблестей труда;
Всѣ ваши славы-скороспѣлки
Потомству не дадутъ плода.

Мы видѣли и помнимъ живо,
Не вамъ чета, а исполинъ
Вознесся быстро и кичливо
И такъ же быстро палъ съ вершинъ.

Всѣхъ этихъ выскочекъ удачи
Обманчивъ и пролетенъ сонъ;

И не глубокъ ихъ слѣдъ горячій,
И скоро простываетъ онъ.

Падутъ въ свой часъ и тѣ подростки,
Что̀ насадили мятежи,
И съ шумомъ рушатся подмостки
Подъ вашей выставкою лжи.

3.

Когда жь въ чаду высокомѣрья
Успѣхъ, насъ вздернувъ непутемъ,
Заимствуетъ павлиньи перья,
Какъ будто мало быть орломъ,

Успѣхъ его хоть будь громаденъ,
Но силы нравственной лишенъ,
Онъ отвратительно досаденъ
И утомительно смѣшенъ

Былъ Нѣкто: сѣя вѣсть благую,
Онъ проповѣдывалъ любовь,
И проповѣдь Его Святую
Его жь запечатлѣла кровь.

Но глупымъ дѣтямъ не къ спасенью
Богатство мудраго отца.
Мы христіане по крещенью:
Гдѣ христіанскія сердца?

Въ вину мы ставимъ людоѣду,
Что ближнимъ завтракаетъ онъ,
Но развѣ не людьми побѣду
Кормилъ Лукуллъ-Наполеонъ?

Неблаговидно и безбожно
Зарѣзать ближняго ножемъ,
Но гуртомъ ближнихъ съ честью можно
Душить пгольчатымъ ружьемъ.

4.

Все тѣхъ же щей, хоть и пожиже,
Идетъ и нынѣ дикій торгъ,
Людей колотятъ въ прахъ, они же
Приходятъ отъ того въ восторгъ.

Жрецы убійственной науки,
Они ко Господу любви
Подъемлютъ съ святотатствомъ руки,
Обмытыя въ родной крови.

Какъ мало ихъ, какъ рѣдко братья,
И духомъ братья межь собой,
Приносятъ безъ лицепріятья
Дань братству и любви одной.

Вкусъ къ человѣческому мясу,
Конечно, скверный аппетитъ;
Я предпочтенье дамъ бекасу,
Но спорамъ вкусъ не подлежитъ.

Не въ томъ вопросъ, что хорошо ли,
Зажаривъ брата, проглотить,
Но хорошо ль изъ доброй воли,
Или изъ злой его убить.

Не пушечнаго ль мяса сбытомъ
Сей человѣческій мясникъ
Въ своемъ искусствѣ знаменитомъ
Былъ громко славенъ и великъ?

5.

Нашъ вѣкъ, всѣмъ жертвуя идеѣ,
Все ломитъ вдоль и поперегъ,
А все же пороха умнѣе
Придумать ничего не могъ.

Когда всѣ убѣжденья пусты,
И умъ становится въ тупикъ,
А дипломаты-златоусты
Охрипнутъ, притупивъ языкъ,

Тутъ аргументомъ самымъ дѣльнымъ
Ad hominem, то-есть, къ лицу,
И краснорѣчьемъ огнестрѣльнымъ
Приводятъ долгій споръ къ концу.

1867 г.

DCXCVIII.

ИСПОВѢДЬ.

Я только и здоровъ, когда вы нездоровы,
Когда, уединясь, вы дома, взаперти,
Снимаете съ себя алмазныя оковы,
Которыя судьбой вамъ суждено нести.

Для слабыхъ глазъ моихъ блескъ солнца не подъ силу,
Въ сердечной немощи я сумерковъ ищу:
Сочувствую въ тѣни вечернему свѣтилу,
А въ ликованьяхъ дня, имъ чуждый, я грущу.

Всѣхъ праздниковъ свѣтлѣй, всѣхъ радостей мнѣ краше,
Когда желанный день могу я подстеречь,
И съ глазу на глазъ быть душой съ душою вашей,
Мысль вашу вопрошать и слушать вашу рѣчь.

Есть дни, когда кругомъ смолкаютъ жизни шумы,
А жизни внутренней всѣ голоса слышнѣй,
И средь мірскихъ суетъ растерянныя думы
Вновь въ душу просятся и отдыхаютъ въ ней.

Тутъ мыслью искренней и непритворнымъ словомъ
Высказывать себя готова жизнь сама,

Тутъ не завѣшаны искусственнымъ покровомъ
Ни зеркало души, ни зеркало ума.

Въ нихъ отражаются съ улыбкой откровенной,
Простосердечную свободу возлюбя,
И явный образъ вашъ, и образъ потаенной,
Который скупо вы храните про себя.

Но рѣдки эти дни свободнаго досуга,
И покупаешь ихъ тяжелою цѣной,
Цѣною вашего томленья иль недуга,
Когда потребенъ вамъ и отдыхъ, и покой.

Какъ сердце самому себѣ противорѣчитъ!
Кто равновѣсье дастъ желаньямъ и мечтамъ?
Насъ съ крайности одной въ другую крайность мечетъ,
И часто жаждемъ мы того, что въ горе намъ.

Я ими дорожу: звѣздой обѣтованной
Мнѣ свѣтятся часы, въ которые слегка
Вамъ нездоровится, и словно въ день туманный,
По небу вашему мелькаютъ облака.

А между тѣмъ молю всей мыслью, всей душою,
Чтобъ Промыслъ охранялъ отъ зла вашъ каждый день,
А между тѣмъ отъ васъ, самъ жертвуя собою,
Хотѣлъ бы я отвлечь малѣйшей скорби тѣнь;

Хотѣлъ бы власть имѣть вашъ путь я такъ устроить,
Чтобъ съ вѣрной радостью сближалъ васъ каждый шагъ,
Чтобъ жизни тѣни всѣ я могъ себѣ усвоить
И въ даръ вамъ выстрадать всю долю свѣтлыхъ благъ.

Не властны въ чувствахъ мы и сердце не послушно:
Для насъ самихъ оно загадка и для всѣхъ.
Вы исповѣдь мою примите благодушно,
И, если грѣшенъ я, простите мнѣ мой грѣхъ.

DCXCIX.

НА ПРІѢЗДЪ СЛОВЕНЪ ВЪ РОССІЮ.

Гостей мы угостили плотно
И плотно доказали имъ,
Что говоримъ словоохотно
И плотно пьемъ мы и ѣдимъ.

Славяне могутъ, взявъ съ насъ слѣпокъ,
Вписать въ дорожный свой дневникъ:
Желудокъ русскихъ очень крѣпокъ,
А вдвое крѣпче ихъ языкъ.

DCC.

КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАИЛОВИЧУ ГОРЧАКОВУ.

И чувствъ повѣренный, и мысли проводникъ,
Перо имѣетъ свой таинственный языкъ
И мимолетному, разсѣянному слову
Даруетъ образъ, жизнь, осѣдлость и основу.
Перо—волшебный жезлъ и строитъ чудеса.
Вѣковъ, объятыхъ тьмой, въ немъ слышны голоса;
Въ грядущемъ, возсоздавъ дней нашихъ бѣглыхъ повѣсть,
Оно, какъ исповѣдь, какъ видимая совѣсть,
Передъ святымъ судомъ потомства огласитъ
И тайну помысловъ, и дѣйствій блескъ, иль стыдъ.
Перо есть тотъ же мечъ, когда безъ укоризны,
Безъ страха, ратуетъ оно за честь отчизны
И словомъ мужества враждѣ даетъ отпоръ.

Перомъ вступаемъ мы въ заочный разговоръ
И сердца вѣсть даемъ сердцамъ отъ насъ далекимъ
И такъ же, какъ и мы, въ разлукѣ одинокимъ.
У дружбы и любви нѣтъ тайны для пера.
Сердечныхъ таинствъ быль, какъ самый міръ, стара,
Но подъ перомъ о ней разсказъ чистосердечной
Все дышетъ прелестью и молодостью вѣчной.
Онъ увлекаетъ умъ: сочувствіемъ живымъ

Онъ вчужѣ намъ даетъ жить бытіемъ двойнымъ,
Подъ яснымъ небомъ знать чужого неба грозы
И о чужихъ слезахъ лить сладостныя слезы.
Жизнь съ красками ея вѣрнѣй, чѣмъ кисть сама,
Перо рисуетъ намъ на полотнѣ письма.

Поэзія въ нашъ вѣкъ—поблекшее преданье:
Цвѣтокъ увялъ, но есть еще благоуханье.
Немногимъ избраннымъ дается сознавать
И святость свѣтлыхъ думъ, и пѣсней благодать.
Но алтарей ужь нѣтъ: низвержены кумиры,
И струны сорваны съ священновѣщей лиры.
Рапсодамъ мѣста нѣтъ, но въ очередь свою
Перо вливаетъ въ насъ поэзіи струю.

Перо священствуетъ и поучаетъ смѣло,
И съ Пушкинымъ оно въ садахъ лицейскихъ пѣло,
И умиляло насъ, и волновало грудь,
Изъ тѣсныхъ рамъ земныхъ намъ разрѣшая путь
Въ обѣтованный міръ духовнаго простора,
Гдѣ съ мыслью строгой нѣтъ у чувства перекора,
Гдѣ, обновляясь, жизнь въ святынѣ красоты
Мирится съ истиной подъ вымысломъ мечты.
Съ поэтомъ объ руку, въ питомникѣ Лицея,
Его товарищъ, съ нимъ умомъ и духомъ зрѣя,
Готовился въ тѣни, призваніемъ судьбы,
Стяжать иной успѣхъ цѣной другой борьбы.
Гражданской доблестью измлада вдохновенный,
Жрецъ слова и боецъ, перомъ вооруженный,
Россіи вѣрный сынъ, и опъ свое перо
Ей посвятилъ на честь, на пользу и добро.
Когда вражду на насъ накликала крамола,
Онъ защищалъ права народа и престола,
И въ словѣ вспыхнувшемъ изъ сердца слышенъ былъ
Негодованья гнѣвъ и русской чести пылъ.
За братьевъ страждущихъ подъ властью ненавистной,

Онъ предъ Европой былъ ходатай безкорыстной,
И памятью Того, Кто самъ за насъ страдалъ,
Онъ совѣсть сонную правительствъ пробуждалъ;
Молилъ сыновъ Христа не быть за Магомета,
И если ихъ душа любовью не согрѣта,
То изъ стыда, въ виду и сирыхъ, и вдовицъ,
Въ примѣръ терпимости не выставлять убійцъ.
Съ сознаньемъ гордости народной, съ убѣжденьемъ,
Съ священнымъ трепетомъ любви и умиленьемъ
Россія вся своей и скрѣпой, и душой
Признала голосъ сей за кровный голосъ свой.

Перу вы дали, князь, народное значенье.
Не сердца ль русскаго въ немъ слышится біенье?
Свободенъ вашъ языкъ, за тѣмъ, что не лукавъ,
Что охранитель онъ общенародныхъ правъ,
Что Русскаго Царя онъ отголосокъ вѣрной,
И что не нужно вамъ уловкой лицемѣрной
Мысль потаенную прикрыть обманомъ словъ;
Свободенъ онъ за тѣмъ, что нашъ народъ готовъ,
По вызову Царя, отважный и послушной,
Рѣчь вашу отстоять въ борьбѣ великодушной.
Въ болѣзненномъ пылу тревожныхъ нашихъ дней,
Средь скорбнаго умовъ недуга, средь страстей,
Средь ухищреній лжи и зависти лукавой,
Счастливъ—кому въ удѣлъ дается мыслью здравой,
На совѣсть опершись, возвысить голосъ свой
За правду общую и честь земли родной.

Сегодня празднуемъ мы вашу годовщину.
Давно..., но о годахъ у женщинъ нѣтъ помину,
И неохотно имъ выводимъ мы итогъ.
Кто милъ, кто свѣжій умъ и свѣжесть чувствъ сберегъ,
Тотъ молодъ, и тому, безъ справокъ и безъ иска,
Ведется нами счетъ внѣ послужного списка,

И не по чину мы сочувствуемъ ему:
Ни лѣтъ, ни старшинства нѣтъ сердцу и уму.

Не брали—что таить?—мы Пуфендорфа въ руки.
Смыслъ политической запутанной науки
По слуху, вкривь и вкось, намъ, женщинамъ, знакомъ:
Да и признайтесь, князь, жалѣть ли намъ о томъ?
Но намъ Россія мать: предъ ней благоговѣемъ
И самоучкой мы любить ее умѣемъ.
Но чувство русское подастъ ли сердцу вѣсть?
Отвѣтная струна и въ нашемъ сердцѣ есть.
Что было бъ не вдогадъ понятьямъ нашимъ темнымъ,
Что было бы для насъ трудомъ головоломнымъ,
По женскому чутью, налетомъ, въ мигъ одинъ
Уразумѣемъ мы не хуже васъ, мужчинъ.
Предусмотрѣнья даръ таится въ сердцѣ чуткомъ,
И сердцемъ судимъ мы, какъ судите разсудкомъ,
Тѣмъ чувствомъ цѣнимъ мы вашъ подвигъ намъ родной.
Не возвеличить васъ хотимъ своей хвалой:
Похвальный подвигъ самъ себя достойно славитъ;
Но сердце просится, себѣ въ потребность ставитъ
Сочувствій искреннихъ подъ спудомъ не беречь
И въ слово теплое признательность облечь.

Отъ русскихъ женщинъ всѣхъ, ихъ именемъ, предъ вами,
Спѣшимъ вамъ выразить и сердцемъ, и словами
Желанье многихъ лѣтъ, желанье многихъ благъ,
Чтобъ долго васъ друзья любили, чтобъ и врагъ,
—Ужь если быть врагамъ—васъ помнилъ, и не въ пору
Васъ впредь не вызывалъ на письменную ссору.
А лучше и того—и молимся о томъ—
Чтобъ примирительнымъ, врачующимъ перомъ,
Любовью, истиной и силой ихъ доводовъ
Вы стерли слово врагъ изъ словаря народовъ.
И будь нашъ даръ, перо, и впредь орудьемъ вамъ
Къ побѣдамъ нравственнымъ и мирнымъ торжествамъ:

Страдающимъ оно будь состраданья вѣстью,
Уликой слѣпотѣ и гордому нечестью.
Да убѣдится имъ всемірная молва,
Что святы намъ свои и ближняго права;
Что мы Святую Русь святой и величаемъ
За то, что вѣруемъ въ нее и съ вѣрой чаемъ,
Что мирно совершимъ, въ урочный день и часъ,
Мы подвигъ, Промысломъ возложенный на насъ.

DCCI.

Когда, какъ будто вихрь попутный,
Приспособляя крылья намъ,
Уноситъ насъ вагонъ уютный
По русскимъ дебрямъ и степямъ,

Благословляю я чугунку!
И вдругъ мнѣ что-то говоритъ:
На насъ, весь вытянувшись въ струнку,
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Почуя гулъ необычайной,
Царь всталъ тревожно изъ земли
И съ любопытствомъ, думой тайной
Вперилъ на насъ глаза свои.

Въ умѣ недолго онъ пошарилъ,
Всю важность дѣла онъ смекнулъ
И по лбу вдругъ себя ударилъ
И тяжко, нашъ Родной, вздохнулъ.

Чудовищемъ любуясь жадно,
Ему отвѣсилъ онъ поклонъ,
Но все жь Голубчику досадно,
Что чортъ сей не при немъ рожденъ.

Паръ, эту пятую стихію,
Еще не выдумалъ народъ,
А царь нашъ матушку Россію
На всѣхъ парахъ ужь гналъ впередъ.

Вставъ спозаранку, чарку хватитъ,
Подастъ къ походу зычный свистъ
И сплошь свою громаду катитъ
Нашъ вѣнценосный машинистъ.

Не зная тундръ, ни буераковъ,
Онъ то и дѣло бороздитъ,
Не угадавши, что Аксаковъ
Его за это пожуритъ.

Такъ твердо тендеръ свой державный
Онъ въ руки мощныя забралъ,
Что съ рельсовъ ковки стародавной
По новымъ круто онъ помчалъ.

Россію онъ вогналъ въ Европу,
Европу къ намъ онъ подкатилъ,
И, пристрастившись къ телескопу,
Окно онъ въ море прорубилъ.

Морская зыбь — его веселье!
И самъ катается по ней,
И погостить на новоселье
Скликаетъ стаи кораблей.

Быть можетъ, скажутъ: „Засидѣлись
Мы слишкомъ долго у окна
И на чужое заглазѣлись...“
Но полно! тутъ его ль вина?

Онъ окончательнаго слова
Сказать, нашъ Зодчій, не успѣлъ,

И не достроена основа
Великихъ помысловъ и дѣлъ.

Какъ бы то ни было, на славу
Изъ ботика развелъ онъ флотъ,
По русски отстоялъ Полтаву
И Питеръ вызвалъ изъ болотъ.

Намъ скажутъ: „Русь онъ опѣмечилъ!“
Нѣтъ, извините, господа!
Россію онъ очеловѣчилъ
Во имя мысли и труда.

Петръ былъ не узкій подражатель
Однихъ обычаевъ и модъ;
Нѣтъ, съ бою взялъ завоеватель
То, въ чемъ нуждался нашъ народъ.

Хоть самъ былъ среднимъ грамотѣемъ,
Науку ввелъ къ намъ на проломъ:
Все, что мы знаемъ, что имѣемъ,
Всему онъ крестнымъ былъ отцомъ.

Въ его училищѣ и нынѣ
Урокъ для всякаго добра:
Да и Второй Екатеринѣ
Не быть безъ Перваго Петра.

Онъ въ царство тьмы, во время оно,
Одинъ въ грядущее проникъ,
Одинъ былъ собственной персоной
Свой телеграфъ и паровикъ.

Но мысль его, прижавши крылья,
На долгихъ совершала путь,
И не могли бойца усилья
И даль, и время въ комъ сомкнуть.

Что̀ врядъ приснится ли любому,
Онъ на яву свершилъ одинъ:
Но все же шелъ онъ по людскому,
Хоть и магалъ, какъ исполинъ.

Въ свой краткій вѣкъ онъ жилъ сторично,
Безсмертья заживо достигъ;
Онъ трудъ вѣковъ обдѣлалъ лично
И своеручный міръ воздвигъ.

Ученыхъ не прося совѣта,
Онъ зналъ не хуже англичанъ,
Что время та же есть монета, —
И онъ пускалъ ее въ чеканъ.

Вездѣ пройдетъ, гдѣ есть лазейка,
Гдѣ нѣтъ,—пробьетъ и впуститъ трудъ:
Часъ каждый, каждая копейка
На пользу и въ процентъ идутъ.

Хоть Самъ онъ былъ державнымъ зодчимъ,
Учиться побѣжалъ въ Сардамъ
И тамъ, трудясь чернорабочимъ,
Блескъ придалъ царственнымъ рукамъ.

Онъ пиво пилъ, курилъ онъ кнастеръ,
Кутилъ, но дѣлу не въ ущербъ,
И изъ кутилы вышелъ мастеръ,
Которымъ славенъ русскій гербъ.

Въ Карлсбадѣ, гдѣ силачъ нашъ хворый
Пилъ самородный кипятокъ,
Гдѣ съ Лейбницемъ вступалъ онъ въ споры
И тутъ же первый былъ стрѣлокъ,

Съ сѣдла сбивая смыслъ нѣмецкій, —
Карлсбадъ то въ хронику вписалъ —

Верхомъ на Гиршпрунгъ молодецки
Онъ съ русской удалью вскакалъ.

Такъ онъ вскакалъ и на Россію
И за собой ее повлекъ,
Коню скрутилъ пемпожко выю,—
Но ужь таковъ былъ нашъ ѣздокъ!

Онъ крутъ былъ малую толику,
Но бодры въ немъ и духъ, и плоть,
И мощью на добро владыку
Самъ надѣлилъ его Господь.

Какого жь русскаго вамъ надо,
Когда и онъ отмѣченъ въ бракъ?
Природы русской типъ и чадо,
Напрусѣйшій опъ русакъ!

Нѣтъ, нѣтъ, онъ—нашъ! опъ—**первый мастеръ**,
Въ немъ русскихъ доблестный залогъ,
И согрѣшилъ ли въ чемъ,—такъ **страсти**
Въ немъ тотъ же русскій духъ разжегъ.

Пусть онъ подписывался Piter,
Но предъ отечествомъ на смотръ
Все жь выйдетъ изъ заморскихъ литеръ
На русскій ладъ: Великій Петръ.

Ужь то-то задалъ бы онъ тряску,
Когда про коврикъ-самолетъ
Онъ могъ бы въ быль упрочить сказку
Безъ лишнихъ справокъ и хлопотъ;

Когда бъ онъ, силъ своихъ въ избыткѣ,
Всю Русь могъ обручемъ спалять,
Ее жь по проволочной ниткѣ
Заставить прыгать и плясать:

Раздолье было въ мощной волѣ!
Паръ — электричеству сродни,
И въ русскомъ скороспѣломъ полѣ
Сегодня сѣй, а завтра жни.

Вотъ отчего, когда стрѣлою
Нашъ поѣздъ огненный летитъ,
На насъ съ раздумьемъ и тоскою
Петръ Алексѣевичъ глядитъ.

Утѣшься, Соколъ нашъ любимый!
Не ты ль насъ закалилъ въ борьбѣ?
Нѣтъ, не пройдетъ надъ Русью мимо
Святая память о тебѣ.

Что ты задумалъ, что съ любовью
Посѣялъ щедрою рукой,
Когда работалъ ты надъ новью
Земли, распаханной тобой,

Все дало плодъ, даетъ задатокъ.
Твой мудрый свѣточъ не погасъ —
И нашъ петровскій отпечатокъ
Вѣками не сотрется съ насъ!

DCCII.

АЮ-ДАГЪ.

(дорогой).

Тамъ, гдѣ извилины дороги
Снуютъ свою вкругъ моря сѣть,
Вотъ страшно выползъ изъ берлоги
Громадной тучности медвѣдь.

Глядитъ налѣво и направо,
И вдаль онъ смотритъ свысока
И подпираетъ величаво
Хребтомъ косматымъ облака.

Въ своемъ спокойствіи медвѣжьемъ
Улегся плотно исполинъ,
Любуясь и роднымъ прибрежьемъ,
И роскошью его картинъ.

Порой — угрюмой онъ и мрачной,
Порой его прелестенъ видъ,
Когда, съ закатомъ дня, прозрачной
Вечерней дымкой онъ обвитъ.

Порой на солнцѣ въ нѣгѣ дремлетъ
И грѣетъ жирные бока;
Онъ и не чуетъ, и не внемлетъ,
Какъ носятся надъ нимъ вѣка.

Вотще кругомъ реветъ и рдѣетъ
Гроза иль смертоносный бой,
Все неподвижно,—не старѣетъ
Онъ допотопной красотой.

Нашъ звѣрь обросъ зеленой шерстью!..
Когда же зной его печетъ,
Спустившись къ свѣжему отверстью,
Онъ голубое море пьетъ.

Сынъ солнца южнаго! На взморьѣ
Тебѣ живется здѣсь легко,
Не то, что въ нашемъ зимогорьѣ,
Тамъ, въ снѣжной ночи, далеко,

Гдѣ мишка, братъ твой, терпитъ холодъ,
Весь день во весь зѣваетъ ротъ,
И чтобъ развлечь тоску и голодъ,
Онъ лапу медленно сосетъ.

И я, сынъ сѣверныхъ мятелей,
Сынъ непогодъ и буйныхъ вьюгъ,
Пришлецъ, не вѣдавшій доселѣ,
Какъ чуденъ твой роскошный югъ,

Любуясь, гдѣ мы ни проѣдемъ,
Тѣмъ, что̀ даритъ намъ каждый шагъ,
Я самъ бы радъ дожить медвѣдемъ,
Какъ ты, счастливецъ Аю-Дагъ!

DCCIII.

БАХЧИСАРАЙ.

(ночью при иллюминации).

Изъ тысячи и одной ночи
На часть одна пришлась и мнѣ,
И на яву прозрѣли очи,
Что только видится во снѣ.

Здѣсь ярко блещетъ баснословный
И поэтическій востокъ;
Свой рай прекрасный, хоть грѣховный,
Себѣ устроилъ здѣсь пророкъ.

Сады, сквозь сумракъ, разноцвѣтно
Пестрѣютъ въ лентахъ огневыхъ.
И прихотливо, и привѣтно
Облита блескомъ зелень ихъ.

Красуясь стройностію чудной,
И тополь здѣсь, и кипарисъ,
И крупной кистью изумрудной
Роскошно виноградъ повисъ.

Обвитый огненной чалмою,
Встаетъ стрѣльчатый минаретъ,
И слышится ночною тьмою
Съ него молитвенный привѣтъ,

И нѣгой, полной упоенья,
Ночнаго воздуха струи
Намъ навѣваютъ обольщенья,
Мечты и марева свои.

Вотъ одалиски легкимъ роемъ
Воздушно по саду скользятъ:
Глаза ихъ пышутъ страстнымъ зноемъ
И въ душу вкрадчиво глядятъ.

Чуть слышится ихъ тайный шопотъ
Въ кустахъ благоуханныхъ розъ;
Фонтаны льютъ свой свѣжій ропотъ
И зыбкій жемчугъ звонкихъ слезъ.

Здѣсь, какъ изъ нѣдръ волшебной сказки,
Мгновенно выдаются вновь
Давно отжившей жизни краски,
Власть, роскошь, слава и любовь,

Волшебства міръ разнообразный,
Сновъ фантастическихъ игра,
И утонченные соблазны,
И пышность ханскаго двора.

Здѣсь многихъ таинствъ, многихъ былей
Во мракѣ лѣтопись слышна,
Здѣсь дикимъ прихотямъ и силѣ
Служили молча племена;

Здѣсь, въ царствѣ нѣги, бушевало
Не мало смутъ, домашнихъ грозъ;

Здѣсь счастье блага расточало,
Но много пролито и слезъ.

Вотъ стѣны темнаго гарема!
Отъ страстныхъ думъ не отрѣшась,
Еще здѣсь носится Зарема,
Загробной ревностью томясь.

Она еще простить не можетъ
Младой сопернице своей,
И тѣнь ея еще тревожитъ
Живая скорбь минувшихъ дней.

Невольной, роковою страстью
Несется тѣнь ея къ мѣстамъ,
Гдѣ жадно предавалась счастью
И сердца непадежнымъ снамъ,

Гдѣ такъ любила, такъ страдала,
Гдѣ на любовь ея въ отвѣтъ
Любви измѣна и опала
Ее скосили въ цвѣтѣ лѣтъ.

Во дни счастливыхъ вдохновеній
Тревожно посѣтилъ дворецъ
Страстей сердечныхъ и волненій
Самъ и страдалецъ, и пѣвецъ.

Онъ слушалъ съ трепетнымъ вниманьемъ
Рыданьемъ прерванный не разъ
И дышущій еще страданьемъ
Печальной повѣсти разсказъ.

Онъ понялъ раздраженной тѣни
Любовь, познавшую обманъ,
Ея и жалобы, и пени,
И боль неисцѣлимыхъ ранъ.

Предъ нимъ Зарема и Марія —
Сковала ихъ судьбы рука —
Грозы двѣ жертвы роковыя,
Два опаленные цвѣтка.

Онъ плакалъ надъ Маріей бѣдной:
И образъ узницы младой,
Тоской измученный и блѣдный,
Но свѣтлый чистой красотой,

И непорочность, и стыдливость
На дѣвственномъ ея челѣ,
И безутѣшная тоскливость
По милой и родной землѣ,

Ея молитва предъ иконой,
Чтобы отъ гибели и зла
Небесъ Царица обороной
И огражденьемъ ей была, —

Все понялъ онъ! Ему не ново
И вчужѣ сознавать печаль,
И пояснять намъ слово въ слово
Сердечной повѣсти скрижаль.

Маріи дѣвственныя слезы
Какъ чистый жемчугъ онъ собралъ,
И свѣжій кипарисъ, и розы
Въ вѣнокъ посмертный онъ связалъ.

Но вмѣстѣ и Заремы гнѣвной
Любилъ онъ ревность, страстный пылъ,
И отголосокъ задушевной
Въ себѣ ихъ воплямъ находилъ.

И въ немъ борьба страстей кипѣла,
Душа и въ немъ отъ юныхъ лѣтъ

Страдала, плакала и пѣла,
И подъ грозой созрѣлъ поэтъ.

Онъ передалъ намъ вѣщимъ словомъ
Всѣ впечатлѣнія свои,
Все, что прозрѣлъ онъ за покровомъ,
Который скрылъ былые дни.

Тѣнь и его здѣсь грустно бродитъ,
И онъ, нашъ Данте молодой,
И насъ по царству тѣней водитъ,
Даруя образъ имъ живой.

Подъ плескъ фонтана сладкозвучный
Здѣсь плачется его напѣвъ,
И онъ—сопутникъ неразлучный
Младыхъ бахчисарайскихъ дѣвъ.

DCCIV.

ЧУФУТЪ-КАЛЕ.

Грустна еврейская Помпея;
Въ обломкахъ городъ тихъ и пустъ,
Здѣсь встхій голосъ Моисея
Переходилъ изъ чистыхъ устъ
Въ уста преданьемъ непрерывнымъ
И, вѣрный праотцамъ своимъ,
Хранилъ завѣтъ ихъ съ рвеньемъ дивнымъ
Благочестивый караимъ.

Сюда, изгнанникъ добровольный,
Онъ свой Израиль перенесъ;
Въ обрядахъ жизни богомольной
Съ годовъ младенческихъ онъ росъ,
И, совершивъ свой путь смиренный,
Достигнувъ мирно позднихъ дней,
Онъ возвращалъ свой пепелъ бренный
Землѣ-кормилицѣ своей.

Крутизнъ и голыхъ скалъ вершины,
Природы дикой красота
Напоминали Палестины
Ему священныя мѣста,

Здѣсь онъ оплаканнаго края
Подобье милое искалъ,
И чуялось ему: съ Синая
Еще Господь благовѣщалъ.

Теперь здѣсь жизнь уже остыла,
Людей житейскій гулъ утихъ,
И словно буря сокрушила
И разметала домы ихъ.
Не тронуты однѣ гробницы
Почившихъ въ вѣчности колѣнъ,
Сіи петлѣнныя страницы
Изъ повѣсти былыхъ временъ.

Народъ, разрозненный грозою,
Скитальцы по лицу земли!
Здѣсь, наконецъ, вы подъ землею
Осѣдлость вѣрную нашли.
Въ Іосафатовой долинѣ
Васъ ждалъ желаемый покой:
И ужъ не вызовутъ васъ нынѣ
Изъ лона матери родной.

DCCV.

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗЪ КОРЕИЗА.

Усѣяно небо звѣздами,
И чудно тѣ звѣзды горятъ,
И въ море златыми очами
Красавицы съ неба глядятъ;

И зеркало пропасти зыбкой
Купаетъ ихъ въ лонѣ своемъ
И, вспыхнувъ ихъ яркой улыбкой,
Струится и брызжетъ огнемъ.

Вдоль моря громады утесовъ
Сплотились въ единый утесъ:
Надъ ними колоссъ изъ колоссовъ
Ай-Петри ихъ всѣхъ переросъ.

Деревья, какъ сборище тѣней,
Воздушно толпясь по скаламъ,
Подъ сумракомъ съ горныхъ ступеней
Киваютъ задумчиво намъ.

Тревожное есть обаянье
Въ сей теплой и призрачной мглѣ;

И самое ночи молчанье
Несется, какъ пѣснь, по землѣ.

То нѣгой, то чувствомъ испуга
Въ насъ сердце трепещетъ сильнѣй;
О ночь благодатнаго юга,
Какъ много волшебнаго въ ней!...

DCCVI.

Вдоль горы, поросшей лѣсомъ,
Есть уютный уголокъ:
Онъ подъ вѣтвянымъ навѣсомъ
Тихъ и свѣжъ, и одинокъ;

Пріютившися къ ущелью,
Миловидный Коренъ
Здѣсь надъ моремъ колыбелью
Подъ крутой скалой повисъ.

И съ любовью, съ нѣжной лаской
Ночь, какъ матерь, въ тихій часъ
Сладкой пѣснью, чудной сказкой
Убаюкиваетъ насъ.

Сквозь глубокое молчанье,
Подъ деревьями, въ тѣни
Слышны ропотъ и журчанье:
Съ плескомъ падаютъ струи.

Этотъ говоръ, этотъ лепетъ
Въ вѣчно-льющихся струяхъ
Возбуждаетъ въ сердцѣ трепетъ
И тоску о прошлыхъ дняхъ.

Улыбалась здѣсь красиво
Ненаглядная звѣзда,

Къ намъ слетѣвшая на диво
Изъ лазурнаго гнѣзда.

Гостья въ блескѣ скоротечномъ
Нынѣ скрылася отъ насъ,
Но въ святилищѣ сердечномъ
Милый образъ не угасъ.

DCCVII.

МѢСЯЧНАЯ НОЧЬ.

Тамъ высоко, въ звѣздномъ морѣ,
Словно лебедь золотой,
На безоблачномъ просторѣ
Ходитъ мѣсяцъ молодой,

Нашъ красавецъ ненаглядный,
Южной ночи гость и другъ;
Все при немъ, въ тѣни прохладной,
Все затеплилось вокругъ:

Горы, скаты ихъ, вершины,
Тополь, лавръ и кипарисъ
И во глубь морской пучины
Выдвигающійся мысъ.

Все мгновенно просвѣтлѣло—
Путь и темные углы,
Все пріяло жизнь и тѣло,
Все воспрянуло изъ мглы.

Съ нѣгой юга сны востока,
Поэтическіе сны,

Вѣсти, гости изъ далека,
Изъ волшебной стороны,—

Все для сѣвернаго сына
Говоритъ про міръ иной;
За картиною картина,
Красота за красотой:

Тишь и сладость нѣги южной,
Въ небѣ звѣздный караванъ,
Здѣсь струей среброжемчужной
Тихо плачущій фонтанъ.

И при мѣсячномъ сіяньи,
Съ моря, съ долу, съ высоты,
Вьются въ сребреномъ мерцаньи
Тѣни, образы, мечты.

Новыхъ чувствъ и впечатлѣній
Мы не въ силахъ превозмочь:
Льешься чашей упоеній,
О таврическая ночь!

Вотъ татаринъ смуглолицый
По прибрежной вышинѣ,
Словно всадникъ изъ гробницы,
Тѣнью мчится на конѣ,—

Освѣщенный луннымъ блескомъ
Дико смотритъ на меня,
Вдругъ исчезъ! И море плескомъ
Вторитъ топоту коня.

Здѣсь татарское селенье:
Съ плоской кровлей низкій домъ

И на ней, какъ привидѣнье,
Дѣва въ облакѣ ночномъ;

Лишь выглядываютъ очи
Изъ накинутой чадры,
Какъ зарницы темной ночи
Въ знойно-лѣтніе жары.

DCCVIII.

КАЛОША.

(Е. Л. Штатьквой).

Въ чаду прощальнаго поклона
У васъ, въ послѣдній вечерокъ,
Какъ молодая Сандрильона,
Оставилъ я свой башмачекъ.

Нѣтъ, лучше слогъ кудрявый брошу
И, реализма ученикъ,
„Оставилъ я свою калошу“,
Скажу вамъ просто напрямикъ.

Одну у вашего порогу
Благополучно я надѣлъ,
Но вспомнить про другую ногу
Я, растерявшись, не сумѣлъ.

Все такъ дышало обаяньемъ
И нѣгою въ ночной тиши,
И вы подъ мѣсячнымъ сіяньемъ
Такъ чудно были хороши,

И мѣсяцъ такъ свѣжо глядѣлся
Въ морскую синюю волну,
Что самъ невольно засмотрѣлся
Я и на васъ, и на луну.

И кто жь тутъ память не утратитъ?
Кому до ногъ и до калошъ,
Когда тебя восторгъ обхватитъ
И поэтическая дрожь?

Конечно, тепелъ вечеръ южный
И ночь согрѣта зноемъ дня,
Здѣсь осторожности не нужны,
Но зябки ноги у меня.

Прошу васъ оказать услугу
Мнѣ и разрозненной четѣ,
Пришлите вѣрную подругу
Моей калошѣ-сиротѣ.

Когда-то—но теперь все пложе
И время ужь совсѣмъ не то —
Сказалъ бы, что у васъ съ калошей
Еще забылъ я кое-что.

Но это кое-что напрасно
Дерзнулъ бы я вамъ въ дань принесть:
Въ вѣнокъ вашъ свѣжій и прекрасной
Цвѣтокъ весенній должно вплесть.

Тутъ нужно чувство помоложе,
Чтобъ не попасть какъ разъ въ просакъ,
А сердце старое вамъ то же,
Что вашъ изношенный башмакъ.

DCCIX.

ГОРЫ НОЧЬЮ.

(Дорогов).

Морского берега стѣна сторожевая,
Дающая отбой бунтующимъ волнамъ,
Въ лазурной глубинѣ подошву омывая,
Ты гордую главу возносишь къ облакамъ.

Рукой невѣдомой изсѣченныя горы,
Съ ихъ своенравною и выпуклой рѣзьбой!
Нельзя отъ нихъ отвлечь вперившіеся взоры,
И мысль запугана ихъ дикой красотой.

Здѣсь въ грозной прелести могуществомъ и славой
Природа царствуетъ съ первоначальныхъ дней;
Здѣсь стелется она твердыней величавой,
И кто помѣриться осмѣлился бы съ ней?

Ужь внятно, кажется, природа человѣку
Сказала: здѣсь твоимъ наѣздамъ мѣста нѣтъ,
Здѣсь бурямъ да орламъ однимъ испокон-вѣку
Раздолье и просторъ, а ты будь домосѣдъ!

Но смертный на землѣ есть гость неугомонный,
Природы-матери онъ непослушный сынъ;
Онъ съ нею борется, и волей непреклонной
Онъ хочетъ матери быть полный властелинъ.

Крамольный сынъ, ее онъ вызываетъ къ бою;
Смѣльчакъ, пробилъ ея онъ каменную грудь,
Утесамъ онъ сказалъ: раздвиньтесь предо мною
И прихотямъ моимъ свободный дайте путь!

И съ русской удалью, татарски-беззаботно,
По страшнымъ крутизнамъ во всю несемся прыть,
И смѣлый лозунгъ нашъ въ сей скачкѣ поворотной:
To be or not to be—иль быть, или не быть.

Здѣсь пропасть, тамъ обрывъ: все трынъ-трава, все сказки!
Валяй, ямщикъ, пока не разрѣшенъ вопросъ:
Иль въ море выскочимъ изъ скачущей коляски,
Иль лбомъ на всемъ скаку ударимся въ утесъ!

DCCX.

ЛИВАДІЯ.

(27-го іюля).

Отчего красою новой
Улыбается намъ день,
Свѣявъ съ тверди бирюзовой
И послѣдней тучки тѣнь?
Отчего онъ такъ свѣтлѣетъ?
Отчего еще нѣжнѣй
Насъ лобзаетъ, насъ лелѣетъ
Теплой ласкою своей?

Отчего такъ благосклонно
И такъ празднично глядятъ
Море, берегъ благовонный
И его роскошный садъ?
Отчего такъ солнце блещетъ,
Златомъ даль озарена,
И такъ радостно трепещетъ
Моря синяя волна?

Въ этотъ день, всѣхъ дней прекраснѣй,
И земля, и небеса,

Отчего еще согласнѣй
Въ пѣснь сливаютъ голоса?
Отчего вездѣ такъ мило
Чье-то имя слышно намъ,
И молитва, какъ кадило,
Свой возноситъ онміамъ?

Въ уголокъ сей безмятежный
Отчего нашъ тайный врагъ —
Пресыщенье, неизбѣжный
Спутникъ всѣхъ житейскихъ благъ, —
Не помыслитъ, не посмѣетъ
Заглянуть за нашъ порогъ,
И затихнувъ, здѣсь нѣмѣетъ
Шумъ заботливыхъ тревогъ?

Древній міръ очарованья
Нынѣ вновь помолодѣлъ;
Словно въ первый день созданья
Юной жизнью онъ расцвѣлъ;
Непочатый самовластьемъ
Разрушительныхъ вѣковъ,
Юнымъ блескомъ, юнымъ счастьемъ,
Свѣжей зеленью цвѣтовъ,

Онъ увѣнчанъ, опоясанъ
Онъ жемчужною волной,
Сводъ небесъ надъ нимъ такъ ясенъ,
Да и самъ онъ—рай земной.
Отчего, съ природой дружно,
На кого ни погляди,
Всѣ сердца горятъ такъ южно
Въ нашей сѣверной груди?...

Оттого здѣсь все такъ живо
Блещетъ праздничной красой,

Что встрѣчаемъ день счастливый
Годовщины дорогой.
Въ этотъ день у колыбели
Ангелъ жизни предстоялъ,
И младенцу къ свѣтлой цѣли
Свѣтлый путь онъ указалъ.

Съ возрастающей надеждой
Предсказаніе сбылось,
И подъ царственной одеждой
Сердце чистое зажглось.
Кроткій духъ благоволенья
Возлелѣялъ и развилъ
Всѣ души ея движенья
И весь строй душевныхъ силъ.

Жизнь созрѣла и богато
Принесла дары свои,
Все, что̀ благо, все, что̀ свято,
Ей знакомо, ей сродни.
Не страшась завоеванья
Для другихъ враждебныхъ лѣтъ,
Свѣжестью благоуханья
Въ ней роскошенъ жизни цвѣтъ.

Ей къ лицу и багряница,
Но еще она милѣй,
Если прячется царица
Въ женской прелести своей.
Въ свѣтломъ праздничномъ уборѣ
Оттого здѣсь небеса,
Горы, голубое море
И душистые лѣса.

Всѣ, ревнуя другъ предъ другомъ,
Расточаютъ блескъ и тѣнь,
Чтобъ отпраздновать всѣмъ югомъ
Этотъ радостный намъ день!

DCCXII.

ОРІАНДА.

(Государынѣ Императрицѣ).

Море яркою парчею
Разстилается внизу,
То блеснетъ златой струею,
То сольется въ бирюзу,

Въ изумрудъ и въ яхонтъ синій,
Въ ослѣпительный алмазъ,
Зыбью радужной пустыни
Не насытитъ жадный глазъ.

И предъ моремъ, съ нимъ сподручно,
Моремъ зелень разлилась,
И растительностью тучной
Почва пышно убралась.

Тамъ, гдѣ стелется веранда,
Гдѣ гора даетъ отлогъ,
Забѣлѣлась Оріанда,
Какъ серебряный чертогъ.

И надъ нимъ сапфирной крышей
Развернулся неба сводъ,
Воздухъ здѣсь струится тише,
И все тише ропотъ водъ;

Какъ твердыня, скалъ громада
Уперлася въ полукругъ —
И охрана, и ограда
Отъ напора зимнихъ вьюгъ.

Знать, здѣсь громы рокотали
И огнемъ своихъ зарницъ
Горъ осколки разметали
Съ этихъ каменныхъ бойницъ.

Средь прохлады и потемокъ
Древъ, пресѣкшихъ солнца свѣтъ,
Допотопныхъ горъ потомокъ,
Камень, древній домосѣдъ,

Весь обросшій сѣрымъ мохомъ,
На красу картинъ живыхъ,
Какъ старикъ, глядитъ со вздохомъ
На красавицъ молодыхъ.

На скалѣ многоголовной,
Освященьемъ здѣшнихъ мѣстъ,
Водруженъ маякъ духовной,
Искупительный нашъ крестъ.

Чуть завидя издалече
Это знаменье, морякъ,
Ободрясь благою встрѣчей,
Совершаетъ крестный знакъ.

И скитальцамъ въ бурномъ морѣ,
И жмудскихъ волнъ пловцамъ,

Въ дни попутные и въ горѣ,
Крестъ и вождь, и свѣточь тамъ;

Здѣсь о немъ пройдетъ преданье:
Былъ воздвигнутъ надъ скалой
Онъ царицей на прощанье
Съ этой чудной стороной;

Въ ней какъ будто сердцу снилось,
Говорило что-то ей,
Что ужь къ Западу клонилось
Солнце ненадежныхъ дней.

Въ ней угадывало чувство,
Что дворецъ, что этотъ садъ,
Гдѣ съ природою искусство
Очаровываютъ взглядъ,

Это море безъ границы,
Небеса безъ облаковъ,
Горы, мирныя бойницы,
Зданья зодческихъ вѣковъ,

Южный день съ своимъ сіяньемъ,
Ночь подъ небомъ голубымъ,
Съ теплымъ ласковымъ дыханьемъ,
Съ звѣзднымъ сумракомъ своимъ,

Эти прелести природы,
Эти пышности дворца
И урывкой дни свободы
Изъ-подъ царскаго вѣнца,

Все, чѣмъ сердце такъ богато,
Все, въ чемъ сладость бытія,
Все, что̀ мило, все, что̀ свято
Въ словѣ радостномъ: семья, —

Все казалось ей непрочно,
Переходчиво какъ тѣнь,
Къ цѣли близкой, хоть заочной,
Каждый день ей былъ ступень.

Благъ житейскихъ скоротечность
Оцѣнить она могла
И душой прозрѣла вѣчность
И себя ей обрекла.

Въ эти дни, когда, красуясь,
Все цвѣло еще окрестъ,
Думѣ тайной повинулась,
Вознесла она сей крестъ.

Крестъ сей ближнимъ завѣщанье,
Въ немъ имъ слышится привѣтъ,
Что за гробомъ есть свиданье,
Что разлуки въ смерти нѣтъ;

Освѣщая мракъ гробницы,
Передастъ до позднихъ дней
Съ милымъ именемъ царицы
Память вѣчную о ней.

DCCXIII.

МОРЕ.

Опять я слышу этотъ шумъ,
Который сладостно тревожилъ
Покой моихъ лѣнивыхъ думъ,
Съ которымъ я такъ много прожилъ
Безсонныхъ, памятныхъ ночей,
И слушалъ я, какъ плачетъ море,
Чтобъ словно выплакать все горе
Изъ глубины груди своей.

Не выразитъ языкъ земной
Твоихъ рыдающихъ созвучій,
Когда, о море, въ тьмѣ ночной
Раздастся голосъ твой могучій!
Кругомъ все тихо! Вѣтръ уснулъ
На возвышеньяхъ Аю-Дага;
Ни человѣческаго шага,
Ни словъ людскихъ не слышенъ гулъ

Дневной свой подвигъ совершa,
Земля почила послѣ боя;
Но бурная твоя душа
Одна не вѣдаетъ покоя.

Тревожась внутренней тоской,
Томясь невѣдомымъ недугомъ,
Какъ пораженное испугомъ,
Вдругъ вздрогнувъ, ты подъемлешь вой.

Таинственъ мракъ въ ночной глуши,
Но посреди ея молчанья
Еще таинственнѣй души
Твоей, о море, прорицанья!
Ты что-то хочешь разсказать
Про таинства природы вѣчной
И намъ волною скоротечной
Глубокій смыслъ ихъ передать.

Мы внемлемъ чудный твой разсказъ,
Но разумѣть его не можемъ;
Съ тебя мы не спускаемъ глазъ
И надъ твоимъ тревожнымъ ложемъ
Стоимъ, вперяя жадный слухъ:
И чуемъ мы, благоговѣя,
Какъ мимо насъ, незримо вѣя,
Несется бездны бурный духъ!..

DCCXIV.

Я Л Т А.

Люблю я шумъ, движенье Ялты,
Когда вечерній пароходъ
Изъ Севастополя, изъ Балты
На берегъ высыплетъ народъ.

Тутъ смѣсь восточнаго базара
И европейцевъ пестрый грузъ:
Евреи, греки и татары,
Венгерецъ, нѣмецъ и французъ;

Парижскіе цвѣты и дымки,
Чадра какъ бы въ pendant чепцу
И миловидной караимки
Нарядъ такъ мѣтко ей къ лицу.

Вотъ гулъ и шумъ дошли до гвалта.
Все о почлегѣ толкъ идетъ;
Но какъ ни живописна Ялта,
А въ помѣщеньяхъ недочетъ.

Поэзіи здѣсь очень кстати
Глазѣть на звѣзды и луну,

Но прозаической кровати
Нѣтъ, чтобъ предаться ночью сну.

Природа южная здѣсь чудо
Въ красѣ безчисленныхъ даровъ,
А все жь гостинницамъ не худо
Завесть побольше нумеровъ.

DCCXV.

Въ сіяньи радуга взошла,
Ея цвѣтные пояса
Вонзились въ голубое море
И огибаютъ небеса.

Двухъ безконечностей краса—
Съ пучиной моря неба высь
Телеграфическою лентой
Въ прозрачномъ воздухѣ сплелись.

И что за вѣсть несетъ она?
Какимъ таинственнымъ ключемъ
Раскрыть смыслъ радужной депеши,
Облитой солнечнымъ лучемъ?

Извѣстно, бойкій астрономъ,
И небографъ, и звѣздословъ,
Ее, какъ дважды два четыре,
Вамъ сразу объяснить готовъ.

Но я не вѣрую ему,
Но астрономъ мнѣ не указъ,
Ученье тьма, а свѣтъ въ повѣрьяхъ,
И мнѣ вѣрнѣй сердечный гласъ.

Есть тайна въ знаменьи небесъ,
И вѣрю, радуга—завѣтъ
Сестрѣ-землѣ, родного неба
Благовѣстительный привѣтъ.

DCCXVI.

ВЪ ОРІАНДѢ.

(отрывокъ).

Средь величья, на вершинѣ
Власти, счастья, благъ земныхъ
Чистый пламень въ ней святыней
Чувства тайно берегли.

Что̀ невѣрно солнце наше,
Что̀ невѣрны наши дни,
Чѣмъ то радостнѣй, чѣмъ краше,
Тѣмъ обманчивѣй они...

DCCXVII.

ВСТРѢЧА ВЪ ЯЛТѢ.

Программа.

Войдите господа! Васъ ждетъ пріемъ хорошій,
И сердцемъ вторьте намъ, и хлопайте въ ладоши!
Здѣсь лица собрались со всѣхъ возможныхъ странъ,
Здѣсь вкратцѣ выставка племенъ разнонародныхъ:
У каждаго свой нравъ, свой умъ и свой кафтанъ;
Но всѣ, сродствомъ любви и связью чувствъ свободныхъ,
Всѣ, какъ душа одна, слились въ привѣтъ одинъ,
Чтобъ дружно праздновать день свѣтлыхъ именинъ.

Дѣйствующія лица.

Madame de-Курдюкова.
Г. Болтуновъ, путешественникъ.
Г. Органдопуло, чиновникъ.
Г. Коврижкинъ, сочинитель изъ г. Вязьмы.

ЯВЛЕНІЕ I.

А.

Ну, что у васъ подѣлывается въ Ялтѣ?

Б.

Жаловаться нечего, все обстоитъ благополучно.

А.

Много пріѣзжихъ?

Б.

Настоящая ярмонка. Со всѣхъ краевъ свѣта такъ народъ и валитъ; на дняхъ приплыла цѣлая Америка.

А.

А не были ли между прочими и квакеры?

Б.

Навѣрное сказать не могу. Не слыхалъ этой фамиліи. А вѣроятно, были квакеры, потому что они все квакали между собою, но рѣчей ихъ попять нельзя. И вѣстимо, какъ намъ темнымъ людямъ понимать то, что говорятъ пріѣзжіе съ того свѣта.

А.

Рѣчь не о томъ: я спрашиваю о квакерахъ, о тамошнихъ раскольникахъ, которые нигдѣ и никогда не снимаютъ шляпы съ головы. Я думаю, они въ шляпѣ и спать ложатся.

Б.

Нѣтъ, такихъ шляпочниковъ, кажись, не было, а и того подавно не было шляпочницъ: барыни ходили по солнцу простоволосыя.

А.

Развѣ не боялись онѣ загорѣть?

Б.

Знать ужь такой народъ незагораемый и несгораемый. Многія барышни даже не сгорѣли со стыда, выставляя свои лица, которымъ слѣдовало бы сидѣть дома, не то что пріѣзжать изъ-за моря далече на показъ. А народъ все добрый, да, кажется, и насъ любитъ.

А.

Какіе же еще были пріѣзжіе?

Б.

Былъ еще знаменитый туровъ; онъ пріѣзжалъ сюда съ арабскими сказками, переведенными на французскій языкъ, съ безконечнымъ продолженіемъ впредь.

А.

Кстати о пріѣзжихъ, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь сочинителя?

Б.

Какъ не быть, этого народа вездѣ развелось довольно.

А.

Гдѣ бы мнѣ найдти такого и какъ бы съ нимъ познакомиться?

Б.

Вотъ мнѣ на дняхъ указывали на одного, онъ часто здѣсь по бульвару шатается въ сумеркахъ.

А.

Что же онъ тутъ дѣлаетъ?

Б.

Да все заглядываетъ подъ дамскія шляпки.

А.

А что дамскія шляпки?

Б.

Разумѣется, отъ него отворачиваются, потому что онъ старъ.

А.

Укажи мнѣ его.

Б.

Да вотъ онъ идетъ къ намъ навстрѣчу.

А.

Хорошо.

(*Б. уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

А.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, вамъ отрекомендоваться, имѣю нуждицу до васъ.

Сочинитель.

Очень радъ познакомиться съ вами. Что вамъ отъ меня угодно?

А.

Вы, съ позволенія сказать, сочинитель, не такъ ли?

Сочинитель.

Ну, будь такъ, что же далѣе?

А.

У меня до васъ большая просьба, именно по вашей части.

Сочинитель.

Говорите.

А.

Вотъ въ чемъ дѣло: у насъ въ обществѣ есть сегодня дорогой именинникъ. Намъ хотѣлось бы отпраздновать его маленькимъ сюрпризомъ. Знаете ли, такъ сочинить что-нибудь и вставить, напримѣръ, стишки, чтобы пропѣть ихъ хоромъ. А если голоса ни у кого не хватитъ, то хоть прочесть ихъ торжественно, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой".

Сочинитель.

За разстановкой остановки не будетъ, потому что обыкновенно на домашнихъ театрахъ актеры рѣдко знаютъ твердо свои роли.

А.

Что же? Ошибка въ фальшъ не ставится, было бы чувство вѣрное—что́ главное.

Сочинитель.

А кому готовится сюрпризъ и въ чемъ долженъ онъ состоять?

А.

Помилуйте, да вы забываете, что это сюрпризъ. Сюрпризъ такъ ужь и долженъ быть сюрпризомъ равно для всѣхъ, начиная съ васъ. А тутъ какому же быть сюрпризу, когда кто-нибудь въ секретѣ?

Сочинитель.

Да все же надобно знать, хотя приблизительно, о комъ и о чемъ должна идти рѣчь; нельзя же писать и наугадъ, и на авось?

А.

Въ томъ-то и штука, что сердце должно угадать. Если же непремѣнно требуете, то въ общихъ чертахъ намекну на именинника, онъ всѣми любимъ. Вотъ вамъ и канва. А вы ужь тамъ, какъ знаете, распишитесь. Еще, пожалуй, скажу вамъ на ухо первую букву имени его. Больше ужь ничего не скажу.

Сочинитель.

Теперь начинаю догадываться. Дайте мнѣ полчаса времени, и я постараюсь что-нибудь для васъ изготовить.

ЯВЛЕНІЕ III.

А.

Ахъ м-me де Курдюковъ! какими судьбами вы здѣсь?

М. де Курдюкова.

Да такъ, комса, де пассажъ.

А.

Вотъ ужь подлинно пассажъ! Откуда вы?

М. де Курдюкова.

Ту друа де Бизансъ.

А.

А я думалъ, что вы проѣхали въ Парижъ на выставку.

М. де Курдюкова.

Конечно, я визитировала л'экспозиціонъ.

А.

Какъ же попали вы въ Турцію?

М. де Курдюкова.

Я васъ знаю: вы человѣкъ дискретный, какъ духовнику, я вамъ все авуирую. Со мной были страшные авантюры.

А.

Разскажите, сдѣлайте милость!

М. де Курдюкова.

На exposition встрѣтилась я съ султаномъ. Замѣтила я, что онъ на машины вовсе не глядитъ, даже и на прусскую огромную пушку, а все на меня поглядываетъ и усмѣхается. Ну, я и начала поправлять свои букли, спустила немножко шаль съ своей люксюріозной таліи и также на него поглядываю, лорнирую. Думаю себѣ: на, султанъ, адмирируй меня! Онъ, какъ будто паръ-азаръ, высморкнулся и уронилъ платокъ, то-есть, жете ле мушуаръ.

Я чтобы показать ему, что пе игнорирую ле мерсъ дю сераль, бросилась подымать его и, присѣдая, подала его,— онъ крѣпко и съ большою тандресъ пожалъ мнѣ руку, даже хотѣлъ поцѣловать ее; губы зашевелились и потянулись впередъ, но тутъ пустилъ онъ глубокій супиръ и втянулъ въ себя свои леврьі, — видно, Магометъ запрещаетъ. Знаете, я дама импрессіонабельная, да къ тому же и лестно пуръ ла ваните фемининъ. Думаю, почему не попробовать и не танте л'авантюръ? Влюблялись въ меня христіане, а тутъ заамурничалъ со мною турокъ, да и еще ле гранъ сюльтанъ. Можетъ быть, попаду и я въ ля сюльтанъ фаворитъ. Тутъ впрочемъ была не одна ваните, а и желаніе конвертировать, и послѣ быть воспріемницей его изъ купели. Вспомнила я тутъ и Заиру: же не м'атанде па жен'э бель Заиръ, о нуво сентиманъ ке се лье вуз'енспиръ, да

и отправилась въ дорогу вслѣдъ за султаномъ. Часто ранконтрировала его въ Константинополѣ: онъ на меня опять нѣжно глядитъ и деворируетъ глазами; губы шевелятся, но опять втягиваются и ничего не говорятъ. Я жду; монъ Оросманъ не уйдетъ отъ меня! Но тутъ пошли интриги англійскаго амбассадера. Начали говорить, что я, тайно переодѣтая въ фельдъегерскій мундиръ, была прислана княземъ Горчаковымъ съ важнымъ порученіемъ, а Горчаковъ данле-бон-вье-танъ волочился за мною и ферлакурничалъ. Турки это знали по депешамъ отъ своего посла въ Петербургѣ. Другіе распустили слухъ, что я молодая гречанка, ля бель филь о зьё нуаръ, присланная пар лез'инсюрже, чтобы седюировать ле гранъ Тюркъ. Вотъ турецкіе министры и анфермировали меня въ ле туръ а дубль туръ.

А.

Quel tour!—Au reste, Madame, vous devez en prendre à vous même, les Turcs se sont aperçus à votre taille que vous étiez faites au tour.

М. де Курдюкова.

Мерси пуръ ле грасьё комплиманъ. Три дня просидѣла я анъ призонъ и похудѣла какъ спичка. Какъ видите, я еще и теперь оправиться не пё па. Однажды ночью, когда всѣ гардьены, напившись опіуму, уснули, я вылѣзла въ окно чрезъ желѣзную рѣшетку.

А.

Какъ, вы пролѣзли чрезъ рѣшетку?

М. де Курдюкова.

Пуркуа са вуз'етоннъ? Не смотря на мои академическія формы, я очень супль и могу вытянуться въ струнку. Послѣ бросилась я вплавь по Босфору, я большая мастерица

плавать, особенно хорошо дѣлаю ла пляшъ и плонжоны, я настоящая ангилья въ водѣ. По счастію, стояло тутъ недалеко русское купеческое судно, вотъ я немножко фатиге и малядъ на него и сѣла. — Ахъ, миль пардонъ, я хотѣла сказать русскій навиръ — не могу суфрировать вашего русскаго слова, такъ оно меня въ краску и бросаетъ. Такимъ образомъ и приплыла я сюда.

А.

А теперь, что же думаете дѣлать?

М. де Курдюкова.

Жду ла репонсъ дю сюльтанъ. Я ему телеграфировала, чтобы онъ анвоировалъ мнѣ платье башибузука, чтобы въ этомъ дегизманъ я могла инкогнито къ нему явиться.

А.

Желаю вамъ счастливаго пути и исполненія желаній.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сочинитель.

Вотъ приношу вамъ что я успѣлъ написать. Не взыщите, не красна изба углами, то-есть, стихами, а красна...

А.

А красна пирогами, хотите вы сказать, то-есть, чувствами. Будь такъ. Усердному пирожнику, какъ даровому коню въ зубы не смотрятъ. Прошу покорно прочесть.

Сочинитель.

Не приступая къ предисловью,
Не возвѣщу, о комъ пою.

Загадку я сложу съ любовью
И на любовь вамъ отдаю.

Своей сердечною догадкой
Вамъ угадать ее легко:
Что̀ сердце молвитъ и украдкой —
Ложится въ сердцѣ глубоко.

Въ толпѣ узнать его не трудно:
Гдѣ явится—кипитъ народъ,
И чуткой связью обоюдной
Другъ къ другу ихъ любовь влечетъ.

Онъ кротокъ взглядомъ, ростомъ статенъ,
Какъ ни высокъ, не горделивъ;
Онъ сердцемъ такъ же благодатенъ,
Какъ и наружностью красивъ.

Онъ горячо любимъ семьею,
Самъ нѣжно любитъ онъ семью
И благомыслящей душею
Ей посвящаетъ жизнь свою.

А чтобъ узнать было удобно
Семьи начало и конецъ,
Безъ географіи подробной
Втупикъ бы сталъ и самъ отецъ.

Есть дѣти у него на югѣ,
Есть дѣти въ сѣверныхъ снѣгахъ,
Въ палатахъ и курной лачугѣ,
Въ степныхъ кибиткахъ и въ дворцахъ.

Сочти столицы и уѣзды,
Деревни, степи безъ конца,
Вездѣ горятъ, что̀ въ небѣ звѣзды,
Его любящія сердца.

Вездѣ сегодня гулъ пирушекъ,
Колокола гудятъ съ утра,
И вторитъ грому зычныхъ пушекъ
Такое жь громкое ура!

Здѣсь тише, но очагъ семейный
Здѣсь также празднично горитъ,
И пѣснь мольбы благоговѣйной
Изъ глубины души летитъ.

Довольно! Все вамъ ясно нынѣ,
Смиренно, скромность возлюбя,
Одинъ онъ развѣ въ сей картинѣ
Не станетъ узнавать себя.

М. де Курдюкова.

Почему же, мусье, ле сочинитель атрибюируетъ себѣ ле привилежъ—одинъ объяснять свои сентименты?

И наши чувства не таятся,
Ле фё сакре намъ также данъ,
И наши губы шевелятся,
Какъ шевелилъ ихъ мой султанъ.
Въ сей день и мы молчать не станемъ,
Съ желаньемъ многаго добра
Въ честь именинника всѣ грянемъ
Ура, сердечное ура!

(*Всѣ повторяютъ ура!*)

DCCXVIII.

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

Здѣсь есть святыня, русская святыня
Великихъ жертвъ, великой скорби край,
Но торжествомъ вещественнымъ, гордыня,
Предъ скорбью сей себя не величай.

Богатыря на поединокъ честный
Разсчетливый врагъ вызвать не посмѣлъ,
На одного кличъ поднялъ повсемѣстный
И на него ордами налетѣлъ.

Насильствомъ врагъ вѣнчалъ свою гордыню,
Надъ камнями побѣду одержалъ,
Онъ разгромилъ бездушную твердыню,
Но русскій духъ въ паденьи устоялъ.

Здѣсь понесла свой тяжкій крестъ Россія;
Но этотъ крестъ—сокровище для насъ;
Таятся въ немъ страданья намъ родныя,
Страдалъ и Тотъ, Кто міръ страданьемъ спасъ.

Сей крестъ облитъ великодушной кровью,
Прославленъ онъ духовнымъ торжествомъ,

И передъ нимъ съ сыновнею любовью
Склоняемся мы набожнымъ челомъ.

Цѣлуемъ мы сіи святыя раны,
Живыя мощи доблестныхъ бойцовъ;
И пепелъ сей, и мертвые курганы
Краснорѣчивѣй всѣхъ похвальныхъ словъ.

На насъ отъ сихъ развалинъ скорбью вѣетъ,
Но мужествомъ воспламеняетъ грудь,
И молча путникъ здѣсь благоговѣетъ,
И падшихъ онъ дерзнетъ ли упрекнуть?

Нѣтъ, не кладбище здѣсь народной славы:
Изъ камней сихъ въ сіяньи возстаетъ
Алтарь любви нетлѣнный, величавый,
Отечества святыня и оплотъ.

Изъ рода въ родъ помянемъ эти бои,
Васъ, мученики, жертвы злой судьбы,
Васъ, павшіе, какъ падаютъ герои
Въ послѣдній часъ отчаянной борьбы.

Тѣнь и твою, нашъ Царь многострадальный,
Встрѣчаемъ мы средь славныхъ сихъ могилъ,
Отселѣ грудь твою осколокъ дальный
Глубокой язвой смертно поразилъ.

Здѣсь за тебя и за Россію пали
Бойцы, которыхъ Богъ къ себѣ призвалъ;
Подъ жгучей болью доблестной печали
И ты за нихъ и за Россію палъ.

Ты лепту внесъ въ кровавую годину,
Твой каждый день былъ безпощадный бой,
И тихій одръ, гдѣ встрѣтилъ ты кончину,
Царь-богатырь, былъ Севастополь твой.

Здѣсь при тебѣ чета твоихъ героевъ,
Съ Корниловымъ Нахимовъ и при нихъ
Весь свѣтлый ликъ христолюбивыхъ воевъ,
Которыхъ прахъ лежитъ у стѣнъ родныхъ.

Миръ вамъ съ небесъ, вамъ, труженикамъ битвы,
Съ вѣнцомъ терновымъ славы на челѣ,
Вамъ вѣчныя и память, и молитвы
Въ сердцахъ родныхъ и на родной землѣ!

А ты, могучій градъ—теперь обломки,
Свои преданья набожно храни,
И тризною достойною потомки
Отпразднуютъ развалины твои!

DCCXIX.

ПРОѢЗДОМЪ ЧРЕЗЪ КИШИНЕВЪ.

За поэтическую удаль
Пѣвцу показано на Прутъ;
Не зналъ онъ, навсегда ль, покуда ль,
Но зналъ, что въ Кишиневъ запрутъ.

Здѣсь, какъ Овидій, нашъ изгнанникъ
Заброшенъ былъ въ глухую даль;
Но року непослушный данникъ
Не хныкалъ онъ свою печаль.

Его тюремщикъ, добрый Инзовъ,
Отцомъ ему и другомъ былъ:
Хоть генералъ изъ разночинцовъ,
Но благородно поступилъ.

Честь воздадимъ ему по праву,
Что разгадалъ онъ въ инлунѣ
Россіи будущую славу
И не давилъ ея въ зернѣ.

И вотъ прослывшій бѣсъ арабскій,
Нашъ поэтическій пострѣлъ,

Здѣсь при тебѣ чета твоихъ героевъ,
Съ Корниловымъ Нахимовъ и при нихъ
Весь свѣтлый ликъ христолюбивыхъ воевъ,
Которыхъ прахъ лежитъ у стѣнъ родныхъ.

Миръ вамъ съ небесъ, вамъ, труженикамъ битвы,
Съ вѣнцомъ терновымъ славы на челѣ,
Вамъ вѣчныя и память, и молитвы
Въ сердцахъ родныхъ и на родной землѣ!

А ты, могучій градъ—теперь обломки,
Свои преданья набожно храни,
И тризною достойною потомки
Отпразднуютъ развалины твои!

DCCXIX.

ПРОѢЗДОМЪ ЧРЕЗЪ КИШИНЕВЪ.

За поэтическую удаль
Пѣвцу показано на Прутъ;
Не зналъ онъ, навсегда ль, покуда ль,
Но зналъ, что въ Кишиневъ запрутъ.

Здѣсь, какъ Овидій, нашъ изгнанникъ
Заброшенъ былъ въ глухую даль;
Но року непослушный данникъ
Не хныкалъ онъ свою печаль.

Его тюремщикъ, добрый Инзовъ,
Отцомъ ему и другомъ былъ:
Хоть генералъ изъ разночинцовъ,
Но благородно поступилъ.

Честь воздадимъ ему по праву,
Что разгадалъ онъ въ шалунѣ
Россіи будущую славу
И не давилъ ея въ зернѣ.

И вотъ прославшій бѣсъ арабскій,
Нашъ поэтическій пострѣлъ,

Невольный житель бессарабскій,
Здѣсь вольно жилъ и вольно пѣлъ.

Съ молвы стоустной Кишинева
Его стиховъ, его проказъ
Отъ одного въ уста другова
По всей Россіи шелъ разсказъ.

Его затверживали сразу,
И каждый шагъ, и каждый стихъ
Вносились, словно по заказу,
Въ легенду сплетней городскихъ.

Всѣмъ въ радость были эти гости:
Его цыганская артель,
И шутки мимолетной злости,
Такъ мѣтко трафившія въ цѣль.

Кто не любилъ его медвѣдя?
Кто, какъ Алеко—то-есть, онъ—
Въ его Земфиру, ею бредя,
Самъ не былъ по уши влюбленъ?

Онъ молодъ былъ! И слава Богу!
Не бойтесь, старость не уйдетъ,
Когда съ житейскаго порогу
Смерть спозаранку не столкнетъ.

Тогда была пора иная,
Пора веселій и любви,
И знала юность удалая,
Что есть огонь въ ея крови.

Тогда въ волненьи лихорадки
Бывала юность молода,
Хоть въ комъ и чуялись задатки
Въ свой часъ грядущаго труда.

Кипучей силою сочлись
Тѣ упоительные дни,
Но послѣ сухо отрезвились,
Какъ хмель остывшій, и они.

Теперь засѣли на хининѣ
Вся эта прыть, весь этотъ пылъ;
Нѣтъ лихорадки и въ поминѣ,
Но много ли здоровыхъ силъ?

Отъ прозаической сухотки
Томитъ всѣхъ спячка иль хандра,
И даже—вѣрить ли? красотки
Хлопочутъ какъ бы въ доктора,

Чтобъ было женщинамъ всѣмъ льготно
И зубы рвать, и кровь пускать,
А пуще тайны подноготно
Изъ анатоміи узнать,

Сидѣть на стулѣ канцелярскомъ,
Въ жандармскомъ вѣдомствѣ служить
И въ земствѣ, хоть бы Красноярскомъ,
Свой голосъ гласно заявить.

Вы справьтесь съ Пушкинымъ: того ли
При немъ искалъ прекрасный полъ?
Охотой, словно изъ неволи,
И онъ кривымъ путемъ пошелъ.

Нашла потребность равноправья
И службы съ нами наровнѣ,
Но прелестей женодержавья
Тутъ не утратятъ ли онѣ?

Стыдятся жизни безполезной:
Но что жь полезнѣй можетъ быть,

Какъ нравиться и быть любезной
И полъ мужской съ ума сводить?

Бывало, безъ причудъ и фальшей
Цѣль женщинамъ любовь была,
Но филантропія ихъ дальше
Хорошенькихъ мужчинъ не шла.

Пожалуй, есть и филантропки,
Но какъ-то не на прежній ладъ:
Больнымъ все стряпаютъ похлебки
Или просвирнями глядятъ.

Пусть женщина себя дурачитъ,
Но мнѣ смѣшнѣй, когда нашъ братъ
Хлопочетъ, гнѣвается, плачетъ,
Что не повышенъ женскій штатъ;

Будь женщина хоть бы Венера,
Онъ не знатокъ въ ея лицѣ,
Онъ ищетъ въ ней иль землемѣра,
Иль академика въ чепцѣ.

О, Пушкинъ, подъ удушьемъ прозы
Свой міръ не распозналъ бы ты:
Утилитарности морозы
Побили прежніе цвѣты.

Тебя ищу я въ Кишиневѣ
И въ Петербургѣ я ищу:
Но мѣсто пусто, жизнь суровѣй,
И бывшій о быломъ грущу.

Для прежней жизни вѣкъ нашъ жутокъ,
Весь міръ—все тотъ же Кишиневъ:
Нѣтъ Пушкинскихъ стиховъ, ни шутокъ,
Ни геніальныхъ шалуновъ

DCCXX.

Пора стихами заговѣться
И соблазнительницѣ рнемѣ
Мое почтеніе сказать:
На старости уже преклонной,
Смѣшно и даже беззаконно
Съ собой любовницу таскать.

Довольно дѣтокъ, слишкомъ много,
Мы съ нею по свѣту пустили
На произволъ и на авось:
Одни, быть можетъ, вышли въ люди,
А многимъ, воля Божья буди!
Скончаться заживо пришлось.

Другіе, что̀ во время оно
Какой-то молодостью брали,
Теперь глупамъ стала, старамъ;
Настали новые порядки,—
И допотопныя двойчатки
Кунсткамерскій гиппопотамъ.

Кювье литературныхъ праховъ,
На нихъ ссылается Галаховъ,
Чтобъ тварямъ всѣмъ подвесть итогъ,
И вноситъ ихъ не для почета,

А развѣ только такъ для счета
Онъ въ свой животный некрологъ.

Пора съ серьезностью суровой
И съ прозой честной и здоровой
Вступить въ благочестивый бракъ,
Остыть, надѣть халатъ домашній
И, позабывъ былыя шашни,
Запрятать голову въ колпакъ.

Прости же, милая шалунья,
Съ которой пиръ медоволунья
Такъ долго праздновали мы.
Всему есть срокъ, всему граница:
И то была весны пѣвица
Вѣрна мнѣ до моей зимы.

Спасибо ей, моей подругѣ:
Моимъ всѣмъ прихотямъ къ услугѣ
Она являлась на лету:
Блеснетъ печальной улыбкой,
Къ стиху прильнетъ уловкой гибкой,
Дастъ мысли звукъ и красоту.

А можетъ быть, я ей наскучу,
Ея обманъ накличетъ тучу
На наши свѣтлые лады:
Не лучше ль, хоть до слезъ и жалко,
Съ моей веселой запѣвалкой
Намъ распроститься до бѣды?

Другъ друга не помянемъ лихомъ:
Съ тобой я съ глазу на глазъ въ тихомъ
Восторгѣ радость зналъ вполнѣ;
Я не былъ славолюбьемъ боленъ,
А про себя я былъ доволенъ
Твоими ласками ко мнѣ.

DCCXXI.

ЗАМѢТКИ.

1.

Назвалъ бы ты журналъ свой Заведеньемъ:
Вотъ это было бъ такъ!
Какъ ни чести его ты пышнымъ объявленьемъ,
Вѣдь все же будетъ онъ кабакъ.

2.

На нихъ вы клеплете напрасно,
Нѣтъ, заднихъ мыслей нѣтъ у нихъ,
Ни заднихъ, ни передовыхъ,
Въ нихъ все прозрачно, гладко, ясно.
Скорѣй—и это не опасно,
Скорѣй, нѣтъ мыслей никакихъ.

3.

Вдоль дома вашего, въ одинъ изъ зимнихъ дней,
Я тихо шелъ—и мнѣ не слышалось мороза
Алѣя за окномъ цвѣла роскошно роза:
Я думалъ, это—вы, и поклонился ей.

4.

Ни лѣтъ, ни старшинства нѣтъ сердцу и уму
Давно, но о годахъ у женщинъ нѣтъ помину,
И неохотно имъ выводимъ мы итогъ.
Кто милъ, кто свѣжій умъ и свѣжесть чувствъ сберегъ,
Тотъ молодъ и тому, безъ справокъ и безъ иска,
Ведется нами счетъ внѣ послужного списка.

5.

Я тихъ и кротокъ сталъ, съ годами кровь остыла,
И не по прежнему кипятъ мои чернила:
Что хочешь ври—съ вранья не стану пошлинъ брать,
Но чуръ, ужь и меня прошу не задирать,
Не то задирщиковъ рука моя проучитъ
И шапкой шутовской, какъ прежде, нахлобучитъ.

1868 г.

DCCXXII.

ПѢСНЯ ЛЕЙБЪ-ГУСАРОВЪ.

ХОРЪ.

Мы гусары усачи,
Записные лихачи.
Бой ли—весело гарцуемъ!
Пиръ ли—весело пируемъ!
Что̀ въ душѣ и что̀ въ печи—
Прямо все на столъ мечи;
А дойдетъ ли до вина—
Въ глотку чарку лей до дна.

Предъ врагомъ и въ усъ не дуемъ,
Предъ красоткой усъ крутимъ:
Къ ней подходимъ съ поцѣлуемъ,
Саблей чмокаемся съ нимъ.

Въ этотъ день, намъ на поблажку,
Въ этотъ лейбъ-гусарскій день
Живо сердце на распашку!
Шапку лихо на бекрень!

Уродясь подъ кровомъ Царскимъ,
Нашъ Отецъ и Командиръ

Повитъ ментикомъ гусарскимъ
И вступилъ гусаромъ въ міръ.

Кремль ему былъ колыбелью:
И въ счастливый этотъ часъ
Кумовьями надъ купелью
Царскій голосъ призвалъ насъ.

Съ пожеланьемъ лѣтъ и блага
Поднесли ему хлѣбъ-соль.
„Честь и вѣрность, и отвага“
Былъ и будетъ нашъ пароль!

Ташка наша тутъ подушкой
Въ колыбелечку пошла,
А красавчику игрушкой
Сабля наша же была.

Нашъ гусарчикъ сталъ гусаромъ,
А гусаръ нашъ сталъ Царемъ:
Знать, усердно и не даромъ
Русь молилася о немъ.

У него не мало дѣтокъ
На родимой сторонѣ:
Нашъ онъ былъ и малолѣтокъ,
Да и мы его вдвойнѣ.

Если такъ, живѣй и смѣло
Выпьемъ чарку, выпьемъ двѣ,
Такъ, чтобъ въ сердцѣ зашумѣло,
А не то что въ головѣ!

Средь разгула и разгара
Рѣчь солдата не хитра:
Въ честь Державнаго Гусара
Грянь гусарское ура!

ХОРЪ.

Мы гусары усачи,
Записные лихачи.
Бой ли—весело гарцуемъ!
Пиръ ли—весело пируемъ!
Что въ душѣ и что въ печи—
Прямо все на столъ мечи;
А дойдетъ ли до вина—
Въ глотку чарку лей до дна!

DCCXXIII.

6-е МАЯ 1868 ГОДА.

Вчера, красавица, вы бабушка ужь нынѣ.
Да, бабушка! Такъ что жь? Прекрасно, въ добрый часъ!
Васъ Промыслъ наградилъ завѣтной благостыней.
Царицей-матерью мы любовались въ васъ,
Царицей-бабушкой любуемся мы вдвое.
Къ вѣнцу семейному и къ царскому вѣнцу
Прильнулъ живой цвѣтокъ, сокровище родное.
Вамъ имя бабушки, конечно, не къ лицу,
Но въ словѣ этомъ вамъ такая прелесть звука,
Такъ много въ немъ любви, такъ много счастья въ немъ,
Что съ радостной слезой благословляя Внука,
Вы сердцемъ молоды, какъ молоды лицомъ
И чувству вашему, и вашему веселью,
Душой откликнувшись, Россія не чужда,
И съ вами молится надъ милой колыбелью,
Въ которой теплится грядущаго звѣзда.

DCCXXIV.

МОСКВА.

Городъ холмовъ и враговъ,
Городъ зеленыхъ садовъ,
Уличныхъ пестрыхъ зигзаговъ,
Чистыхъ и всякихъ прудовъ!

Городъ—церквей не дочтешься;
Ихъ колокольный напѣвъ
Слушая, къ небу несешься,
Душу молитвой согрѣвъ.

Гордымъ величьемъ красуясь,
Городъ съ Кремлевскихъ вершинъ
Смотритъ въ поляны, любуясь
Прелестью свѣжихъ картинъ.

Лентой рѣка голубая
Тихо струится кругомъ,
Жатвы, лѣса огибая,
Стѣны боярскихъ хоромъ,

Иноковъ мирныхъ жилища,
Вѣры народной ковчегъ,

Пристани жизни—кладбища,
Общій семейный ночлегъ.

Городъ причудливо странный,
Красокъ и образовъ смѣсь:
Древности благоуханной
Вѣетъ поэзія здѣсь.

Городъ—восточная сказка!
Городъ—Россійская быль!
Хартій намъ родственныхъ связка!
Святы ихъ ветхость и пыль.

Молча читаетъ ихъ время;
Съ заревомъ славныхъ вѣковъ
Льется на позднее племя
Доблестный отблескъ отцовъ.

Городъ минувшаго! Старче
Съ вѣчно младою душой
Все и священнѣй, и ярче
Блещетъ своей сѣдиной!

Городъ сердечныхъ страданій!
Городъ—моя колыбель:
Здѣсь мнѣ въ года обаній
Жизни мерещилась цѣль.

Сколько здѣсь жизни я прожилъ!
Сколько растратилъ я силъ!
Мысли и чувства тревожилъ
Юный, запосчивый пылъ.

Позже смирилась отвага,
Волны души улеглись,
Трезвыя радость и блага
Въ свѣтломъ затишьи слились.

Думы окрѣпли, созрѣли
Въ опытѣ, въ бдѣньи, въ борьбѣ;
Новыя грани и цѣли
Жизнь призывали къ себѣ.

Дружбы звѣзда засіяла,
Дружба согрѣла мнѣ грудь,
Душу мою воспитала,
Жизни украсила путь.

Прелесть труда, паслажденье
Мысль въ стройный образъ облечь,
Чувству найти выраженье,
Тайнамъ сердечнымъ дать рѣчь!

Творчества тихая радость,
Внутренней жизни очагъ,
Вашу вкусилъ я здѣсь сладость
Въ чистомъ источникѣ благъ.

Нынѣ, когда мнѣ на плечи
Тяжкіе годы легли,
Съ ними надежды далече
Въ тайную глубь отошли.

Въ памяти набожной нынѣ
Прошлымъ нѣжнѣй дорожу:
Старый паломникъ къ святынѣ,
Молча къ Москвѣ подхожу.

Жертвы вечерней кадиломъ
Будетъ Москвѣ мой привѣтъ,
Въ память о прошломъ, мнѣ миломъ,
Братьямъ, которыхъ ужь нѣтъ.

Манитъ меня ихъ дружина,
Полный раздумья стою:
Благословила бы сына,
Милую матерь молю.

DCCXXV.

Сфинксъ, не разгаданный до гроба, —
О немъ и нынѣ спорятъ вновь:
Въ любви его роптала злоба,
А въ злобѣ теплилась любовь.

Дитя осьмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ:
И презиралъ онъ человѣка,
И человѣчество любилъ.

DCCXXVI.

НА ПАМЯТЬ

О ПОСѢЩЕНІИ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ ГОСУДАРЕМЪ ЦЕСАРЕВИЧЕМЪ ДОМИКА ПЕТРА ВЕЛИКАГО ВЪ САРДАМѢ.

И онъ былъ здѣсь, Царевичъ молодой,
Въ семъ скромномъ домикѣ, горнилѣ русской славы,
Гдѣ нѣкогда нашъ Петръ, нашъ труженикъ-герой,
Самъ вырабатывалъ пророческой рукой
Грядущія судьбы своей державы.
Здѣсь царское училище! Родникъ
Глубокихъ думъ, великихъ вдохновеній:
И Русскія моря, и Русскій материкъ
Питаться будутъ имъ до позднихъ поколѣній
Въ священномъ мѣстѣ семъ паломникъ молодой,
Предъ яркой памятью Петра благоговѣя
И съ нимъ къ Отечеству любовью пламенѣя,
Здѣсь слухомъ набожнымъ и жаждущей душой
Внималъ таинственно минувшихъ лѣтъ преданью
И повѣсть славную и чудную читалъ,
Которую въ урокъ и къ подражанью
Потомству своему самъ предокъ завѣщалъ.
Здѣсь Промыслъ онъ молилъ тревожно и сердечно,
Чтобъ могъ и онъ, когда ему укажетъ Богъ,
Свой подвигъ царственный исполнить безупречно,

Всего себя отдавъ Отечеству въ залогъ;
И думы многія въ младой душѣ кипѣли,
Въ глазахъ огонь сверкалъ и теплилась слеза.
Но юныхъ думъ плоды для жатвы не созрѣли:
Въ зародышѣ самомъ побила ихъ гроза.
И прадѣдъ съ правнукомъ въ обители загробной —
Одинъ — въ бою земномъ испытанный боецъ,
Другой — минутный гость, гость Ангелу подобной,
Блеснувшій на землѣ, но не земли жилецъ, —
Изъ жизни временной сошелся въ жизни вѣчной;
Но вѣрные любви и клятвѣ прежнихъ дней,
Россію возлюбивъ любовью безконечной,
Надъ нею носятся и молятся о ней.

DCCXXVII.

ГОЛОСЪ СЪ ТОГО СВѢТА.

Не сѣтуй, другъ, надъ тихою могилой,
Надъ пристанью, гдѣ брошенъ якорь мой:
Здѣсь съ памятью о прошлой жизни милой
Безвѣстны мнѣ волненья съ ихъ грозой.
Жизнь улыбнулась мнѣ, какъ мимолетный сонъ,
Но сонъ сознательный,—и здѣсь мнѣ снится сонъ.

За тѣнью тѣнь, утрата за утратой
Не налегли на мой цвѣтущій путь;
Прозраченъ былъ мой небосклонъ богатый,
И радостью одной дышала грудь;
Довѣрчиво на жизнь мой любовался взглядъ,
И въ сердце не проникъ разувѣреній взглядъ.

Не знала я ни скорби, ни ненастья,
Небесъ лазурь сіяла надо мной;
Во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ цвѣтѣ счастья
Разсталась я съ обманчивой землей.
Жалѣть ли мнѣ о томъ, что не успѣла я
До горечи испить всю сладость бытія?

Мой бѣдный другъ, ты разлученъ со мною,
Но для меня съ тобой разлуки нѣтъ:

Еще тѣснѣй слилась душа съ душою
Въ одну любовь, въ одинъ святой завѣтъ.
Земной любви моей, которой я жила,
Все свѣтло-чистое я на небо взяла.

Я при тебѣ, я спутникъ твой незримый,
Я помысломъ благимъ съ тобой дѣлюсь;
Томишься ль ты въ борьбѣ неотразимой —
Хранитель твой, я за тебя молюсь,
И, въ свѣтлой вѣчности минувшее любя,
Тебя мнѣ только жаль, и только жду тебя.

DCCXXVIII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Въ природѣ ничего нѣтъ цѣльнаго ни въ чемъ,
Все съ примѣсью чего-нибудь, добра иль худа.
Какой бы ни былъ умъ—всмотрись: и тотъ съ грѣшкомъ,
Въ немъ такъ иль иначе есть уголокъ, откуда
Дурачество подчасъ выглядываетъ въ щель.
Что жь дѣлать, если такъ самъ Промыслъ міръ устроилъ,
Что и въ большихъ рѣкахъ при глубинѣ есть мель,
Что къ каждому лицу изнанку онъ присвоилъ.
Но жаль, что часто тамъ, гдѣ должно брать умомъ,
Гдѣ ко всему онъ ключъ, гдѣ нуженъ наиболѣ,
Умъ повернется такъ, что волей иль неволей
Онъ въ дѣло сунется кривымъ своимъ умомъ.

2.

Французы—хвастуны и не таятъ того,
Напротивъ, чванятся своимъ самохваленьемъ.
Но вы, смиренники, скажите, изъ чего
Вамъ хвастаться своимъ смиреньемъ?

3.

У насъ и дважды два все какъ-то лѣзетъ на пять:
Мы хвалимъ черезчуръ и черезчуръ браним.
Придетъ ли въ голову намъ что-нибудь сострпать.
Все пересахаримъ иль все пересолимъ.

4.

Мы за собой не примѣчаемъ,
А въ насъ китайскій есть начинъ:
И учимся мы чаемъ,
И что ни шагъ, то чинъ да чинъ.

5.

Иной—ужъ такъ привыкъ—не засыпаетъ,
Чтобъ на ночь не прочесть чего-нибудь;
А онъ и днемъ трехъ строкъ не прочитаетъ,
Чтобъ тутъ же не заснуть.

6.

КЪ НѢКОТОРЫМЪ.

Вашъ умъ остеръ—о томъ нѣтъ споровъ.
Вы честны, прямодушны вы:
Но жаль, всему перечитъ поровъ
Задорной вашей головы.

Вашъ умъ ужъ такъ высокомѣренъ,
Что онъ не въ мѣру ничему;
Вашъ умъ ужъ такъ въ себѣ увѣренъ,
Что намъ не вѣрится ему.

Ужъ такъ бранится ваша честность
И такъ назойлива, горда,

Что въ ней соблазнъ и неумѣстность,
И страсть пристрастнаго суда.

Жаль, но съ замашками такими
Отъ васъ нѣтъ пользы никакой:
Вы на ходуляхъ предъ другими,
Вы на колѣняхъ предъ собой.

7.

Географическій вопросъ рѣшите жь, братцы!
Наука ждетъ—куда себя опредѣлимъ:
Мы сердимся, когда намъ скажутъ: Азіатцы!
Быть Европейцами мы сами не хотимъ.

8.

Идти своимъ путемъ свободно,
Такъ жить, какъ просится душа—
Все это очень благородно,
Но въ этомъ мало барыша.

Предаться хочешь ли покою
И не имѣть съ людьми возни?
Какъ можно меньше будь собою,
А будь, чѣмъ быть велятъ они.

DCCXXIX.

ПЛАЧЪ ИЗЪ ПЕТЕРГОФА.

Здѣсь море, здѣсь шумятъ фонтаны
И бьютъ кипучимъ серебромъ;
Деревья, старцы великаны,
Посажены самимъ Петромъ;
Прохлада, тѣнь, благоуханье,
Все чувство нѣжитъ и живитъ,
Все роскошь, все очарованье,
Все царски-праздничнo глядитъ!
Но я здѣсь зритель хладнокровный,
Здѣсь все чего-то нѣтъ какъ нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

Въ саду красавицъ рой порхая
Блеститъ и смотритъ свысока,
И музыка есть полковая,
Но я не этого полка.
Въ полку Софійскомъ я считаюсь,
Хоть и послѣднимъ рядовымъ,
Но я горжусь и восхищаюсь
Военачальникомъ своимъ.

Здѣсь міръ волшебный, баснословный,
А все чего-то нѣтъ какъ нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

А нынѣ Софія Петровна,
Отправясь въ Павловскій вокзалъ,
Гдѣ дань несутъ ей поголовно
И прапорщикъ, и генералъ,
Сіятъ—и ей въ умъ не входитъ,
Что здѣсь, на берегу морскомъ,
Забытый ею грустно бродитъ
И все онъ бредитъ объ одномъ,
Изгнанникъ сирый, безпокровный,
Онъ ищетъ здѣсь, чего здѣсь нѣтъ:
Увы! нѣтъ Софіи Петровны,
Здѣсь Софіи Петровны нѣтъ.

Вы пишите: она еще похорошѣла.
Тому не вѣрю я и вѣрить не могу.
Тотъ образъ, что во мнѣ она запечатлѣла,
Въ сердечной памяти я свято берегу,
Какъ многоцѣнный кладъ, какъ талисманъ завѣтный,
Я свыкся съ нимъ, ему на вѣрность присягнулъ.
Мнѣ всѣ черты ея такъ памятно примѣтны,
Что измѣнить бы ихъ и мыслью не дерзнулъ.
Нѣтъ, отъ добра искать добра неосторожно,
И память прежнему останется вѣрна:
Да мнѣ и въ умъ нейдетъ, чтобъ даже было можно
Еще прекраснѣй быть, чѣмъ ужь была она.

DCCXXX.

КЪ С. П. ШИШОВОЙ.

Когда бы времени рука,
Смѣясь надъ сердцемъ старика,
Ужъ не подрѣзала мнѣ крылья,
Поклонникъ вашей красоты,
У вашихъ ногъ бы подносилъ я
Вамъ въ жертву пѣсни и цвѣты.
Теперь я просто вамъ кондитеръ:
Нѣтъ мѣста сладостнымъ рѣчамъ;
Изъ Царскаго Села въ Санктъ-Питеръ
Конфекты посылаю вамъ.

DCCXXXI.

ЗИМНІЯ ПРОГУЛКА.

(Графинѣ Маріи Борисовнѣ Перовской).

Ждетъ тройка у крыльца: порывомъ
Копей умчитъ насъ быстрый бѣгъ.
Смотрите—мѣсячнымъ отливомъ
Озолотился первый снѣгъ.

Кругомъ серебряныя сосны;
Здѣсь сѣверной Армиды садъ:
Роскошно съ вѣтви плодоносной
Виситъ алмазный виноградъ;

Вдоль по деревьямъ арабескомъ
Змѣятся нити хрусталя;
Серебрянымъ, прозрачнымъ блескомъ
Сіяютъ воздухъ и земля.

И небо синее надъ нами,
Звѣздами утканный шатеръ,
И въ полѣ искрится звѣздами
Зимой разостланный коверъ;

Онъ, словно изъ лебяжьей ткани,
Пушистъ и свѣтитъ бѣлизной.

Скользя, какъ челнъ волшебный, сани
Несутся съ плавной быстротой.

Все такъ таинственно, такъ чудно!
Глядишь, не вѣрится глазамъ.
Вчерашній міръ спитъ безпробудно,
И новый міръ открылся намъ.

Гордяся зимнею обновой,
Ночь блещетъ въ свѣтозарной тьмѣ;
Есть прелесть въ сей красѣ суровой,
Есть прелесть въ молодой зимѣ,

Есть обаянье, грусть и нѣга,
Поэзія и чувствъ обманъ;
Степь безконечная и снѣга
Необозримый океанъ.

Вотъ лѣшій—скоморохъ мохнатый,
Кикиморъ пляска и игра,
Вдали мерещатся палаты
Всѣ изъ литого серебра.

Русалокъ рой среброкудрявой,
Проснувшись въ сей полночный часъ,
Съ деревьевъ рѣзво и лукаво
Стряхаетъ иней свой на насъ.

DCCXXXII.

ЗИМА.

Улыбкой первой, лаской нѣжной,
Дыханьемъ свѣжимъ, молодымъ
Царевны нашей бѣлоснѣжной
Мы насладиться поспѣшимъ.

Что ново, то намъ въ наслажденье,
Пока въ привычку не вошло,
А за привычкой пресыщенье
И радость обратитъ во зло.

Придетъ зима, веселье наше,
Ее какъ праздникъ встрѣтимъ мы;
Сдается намъ, милѣй и краше
Нѣтъ ничего родной зимы.

Но вотъ что нашу радость губитъ:
Мы гостьѣ рады... Ну такъ что жъ?
Засиживаться гостья любитъ,
Такъ что бываетъ не въ терпежъ.

Сидитъ, сидитъ, помилуй Боже!
До безконечности томитъ,

Давно морозъ деретъ по кожѣ,
А все она еще сидитъ.

Теперь любуемся зимою,
Новинка въ ней, приманка есть;
Позднѣй замутитъ насъ тоскою
И намъ успѣетъ надоѣсть

Своей красой однообразной,
Своей улыбкой ледяной,
Своей любовью неотвязной,
Своею вѣрностью съдой.

1869 г.

DCCXXXIII.

ПОМИНКИ ПО БОРОДИНСКОЙ БИТВѢ.

Посвящается Дмитрію Гавриловичу Бибикову.

I.

Милорадовича помню
Въ битвѣ при Бородинѣ:
Былъ онъ въ шлянѣ безъ султана
На гнѣдомъ своемъ конѣ.

Бодро онъ и хладнокровно
Велъ полки въ кровавый бой,
Строй за строемъ густо, ровно
Выступалъ живой стѣной.

Только подошли мы ближе
Къ средоточію огня,
Взвизгнуло ядро и пало
Передъ нимъ, къ ногамъ коня,

И сердито землю роя
Адскимъ огненнымъ волчкомъ,
Не затронуло героя,
Но осыпало пескомъ.

„Богъ мой!“ онъ сказалъ съ улыбкой,
Указавъ на вражью рать, —
„Насъ завидѣлъ непріятель
„И спѣшитъ намъ честь отдать“.

II.

И Кутузовъ предо мной,
Вспомню ль о Бородинѣ:
Онъ и въ бѣлой былъ фуражкѣ,
И на бѣломъ былъ конѣ.

Чрезъ плечо повязанъ шарфомъ,
Онъ стоитъ на высотѣ,
И надъ старцемъ блещетъ ярко
День въ осенней красотѣ.

Старца бодрый видъ воинственъ.
Онъ средъ полчищъ одинокъ,
Онъ безстрастенъ, онъ таинственъ,
Онъ властителенъ, какъ рокъ.

На челѣ его маститомъ,
Пролетѣвшею насквозь
Смертью разъ пробитомъ,
Пламя юное зажглось —

Пламя думъ, грозой созрѣвшихъ,
Въ битвѣ закаленныхъ думъ.
Онъ ихъ молча вопрошаетъ
Сквозь пальбу, огонь и шумъ,

Мыслью онъ паритъ надъ битвой,
И его орлиный взглядъ
Движетъ волею и силой
Человѣческихъ громадъ.

А его молніеносцы
Ждутъ внимательно кругомъ,
Чтобъ, по слову полководца,
Зарядить крылатый громъ.

Отъ вождя къ вождю обратно
Мчатся быстрые гонцы,
Но иного безвозвратно
Смерть хватаетъ на лету!

Противъ насъ дружины, ужасъ
Завоеванныхъ земель,
Записавшія побѣду
Съ давнихъ лѣтъ въ свою артель;

Славой блещущія лица
И въ главѣ ихъ—вождь побѣдъ,
Гордымъ солнцемъ Аустерлица
Загорѣвшее лицо.

Но блѣднѣетъ это солнце
И течетъ на западъ свой,
А взойдетъ другое солнце
Надъ пылающей Москвой.

И впервые въ грудь счастливца
Недовѣрья хладъ проникъ:
Такъ съ учителемъ заспорилъ
Сѣдовласый ученикъ.

Къ острову Святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ,
И Кремля святыя стѣны
Въ казнь себѣ усвоитъ врагъ.

День насталъ! Мы ждали битвы,
Всѣ возрадовались ей:

Шли давно о ней молитвы
Пріунывшихъ усачей.

И на пиръ веселый словно
Каждый радостно летитъ,
Будь у каждаго три жизни,
Онъ всѣхъ трехъ не пощадитъ.

Никогда еще въ подлунной
Не кипѣлъ столь страшный бой:
Изъ орудій адъ чугунный
Разразившись поднялъ вой,

Цѣлый день не умолкаетъ,
Извергая смерть кругомъ;
Строй за строемъ исчезаетъ
Подъ убійственнымъ огнемъ.

Но пылаютъ мщенья гнѣвомъ
Снова свѣжіе ряды.
Свѣжей кровью и посѣвомъ
Смерть плодитъ свои бразды

Словно два бойца во злобѣ,
Набѣжала рать на рать;
Грудью въ грудь вломились обѣ,
Чтобъ противника попрать.

Но побѣда обоюдно
То дается намъ, то имъ;
Въ этотъ день рѣшить бы трудно,
Кто изъ двухъ непобѣдимъ.

Крѣпнетъ боевая вьюга,
Все сильнѣй ростетъ она,
И вцѣпившихся другъ въ друга
Разнимаетъ ночь одна.

Грозный день сей Бородинской
Имъ и намъ въ почетъ равно.
Славься битвой исполинской,
Славься въ вѣкъ, Бородино!

III.

Головешкой въ этомъ адѣ
Кто бы могъ признать меня?
Я ль въ воинственномъ нарядѣ
Всадникъ борзаго коня?

Полно я ли? Вотъ задача!
На себя гляжу ль во снѣ?
Мой двойникъ, меня дурача,
Не мерещется ли мнѣ?

Нѣтъ, нагрянула невзгода,
И я, баричъ и москвичъ,
Я услышалъ гласъ народа,
Божій гласъ и царскій кличъ.

Полно шляндать по бульвару
И по Прѣсненскимъ прудамъ,
И—Макарову подъ пару —
Быть поэтомъ милыхъ дамъ.

Рюмы прочь и перья въ панку,
И долой мой модный фракъ:
Я надѣлъ медвѣжью шапку,
Я Мамоновскій казакъ.

Я съ приволья прямо въ сѣчу,
Съ лона нѣги молодой
Прямо ядрамъ я на встрѣчу,
Прямо въ Бородинскій бой!

Но мундиръ мой небывалый,
Но медвѣжій мой нарядъ,
Хоть красивый, хоть удалый,
Чуть не вышли мнѣ въ накладъ.

Князь Московскій смотритъ принцемъ,
И донецъ на всемъ скоку
Мчится съ роковымъ гостинцемъ
Къ самозванцу-казаку.

Но вступилось Провидѣнье,
И тутъ кто-то въ добрый часъ
Объяснилъ недоумѣнье
И меня отъ смерти спасъ.

Чтобъ избѣгнуть доли тяжкой,
Киверъ я съ себя сорвалъ,
Тутъ же форменной фуражкой
Жизнь свою застраховалъ.

Мнѣ фуражку далъ Валуевъ.
Гдѣ жъ красавецъ боевой?
Женскихъ клятвъ и подѣлуевъ,
Женскихъ слезъ кумиръ младой?

Гдѣ же онъ—веселой рѣчью
Радость дружескихъ пировъ,
Витязь смѣлый подъ картечью
Всѣхъ красавицъ, всѣхъ враговъ?

Новобранца наградилъ онъ
Талисманомъ въ день борьбы,
Но себя не оградилъ онъ
Отъ таившейся судьбы.

Между ядеръ пролетѣло
Развѣ нѣсколько минутъ,

Въ немъ ужь сердце онѣмѣло,
И огонь его задутъ.

Окровавленный опъ сброшенъ
Съ опустѣвшаго сѣдла;
Лавръ и миртъ внезапно скошенъ,
Жизнь внезапно отцвѣла.

Ужь давно молва забыла,
Что опъ жилъ, что былъ убитъ:
Безыменная могила
Неизвѣстный прахъ таитъ.

Кто отыщетъ въ полѣ битвы,
Смертью вспаханномъ кругомъ,
Мѣсто, гдѣ слезу молитвы
И любви пролить о немъ?

Нива смерти жизнью свѣжей
Равнодушно заросла,
И все глуше и все рѣже
Вѣсть про старыя дѣла.

Но твой образъ, витязь юный,
Возстаетъ передо мной,
И созвучьемъ сердца струны
Откликаются съ тобой.

Въ темномъ царствѣ смерти злобной
Тѣнь твою я отыскалъ:
Будь мой стихъ тебѣ надгробной,
Гдѣ бы прахъ твой ни лежалъ.

IV.

И тебя ль сердечнымъ словомъ
Вѣрный стихъ мой обойдетъ?

Ты мнѣ также былъ покровомъ,
Мой старинный доброхотъ!

Бородинскій сослуживецъ,
Нашъ безрукій ветеранъ,
Ты, отмѣченный счастливецъ
Блескомъ, почестей и ранъ.

Дружно за кровавой чашей
Побратались мы давно,
И въ преданьяхъ дружбы нашей
Врѣзалось „Бородино“.

Этотъ день, гдѣ двѣ державы,
Двѣ судьбы сошлись въ борьбѣ,
Скрѣпой крови, скрѣпой славы
Росписался на тебѣ.

Бородинскою грозою
Изувѣченный боецъ,
Уцѣлѣвшею рукою
Ты схватилъ себѣ вѣнецъ.

За отчизну раны святы:
И счастливъ, кто съ юныхъ дней
Подвигъ, въ жертву ей подъятый,
Окрестилъ въ крови своей.

Помнишь, какъ средь перепалки
Пуль и ядеръ хлынулъ дождь?
А Суворовской закалки
Милорадовичъ, нашъ вождь,

Подъ картечью былъ, какъ дома,
Иль съ красавицей вдвоемъ:
Такъ давно ему знакома
Встрѣча съ пулей и ядромъ!

Ты, обстрѣленная пташка,
Тутъ порхалъ, головорѣзъ!
Я жь, смиренная букашка,
Самъ дивлюсь, какъ къ вамъ залѣзъ.

Подъ огнемъ неугомоннымъ
И мой конь не уцѣлѣлъ.
„Пѣшій не товарищъ конному“,
Молвилъ я, и на мель сѣлъ.

Ты, съ заботливостью брата,
Тутъ же выручилъ меня:
Что въ бою дороже злата,
Ты взаймы мнѣ далъ коня.

Былъ и тотъ недолговѣченъ,
И какъ разъ ядромъ однимъ
Былъ Бахметевъ въ ногу встрѣченъ,
Конь мой палъ, и я подъ нимъ.

Тѣмъ покончился смиренно
Мой воинственный походъ!
Но въ преданьяхъ незабвенно
Святъ двѣнадцатый мнѣ годъ.

Съ той поры умчало время
Много лицъ, событій, лѣтъ;
Разрослось другое племя,
И чего не видѣлъ свѣтъ!

Но въ полетѣ быстрокрыломъ
Время избранныхъ щадитъ:
Бородинскимъ, юнымъ пыломъ
Грудь твоя еще горитъ.

Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,

А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ, и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,
Вѣрный совѣсти, глаголу,
Шелъ ты съ ней ея путемъ.

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

Часто и съ двумя руками,
Мѣстъ и почестей ловецъ,
Не сведетъ концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.

Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукою смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
„Двѣ огромныя руки“
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живого пальца,
Полмизинца не найдешь.

Цѣлый міръ будь имъ поставщикъ,
А радѣть ли о другомъ —
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбитъ параличемъ.

Если жь гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользѣ дань принесть,
Позабывъ, что ты увѣченъ,
Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка:
И на дружбу, и на службу
Горяча твоя рука.

DCCXXXIV.

ПАМЯТИ АВРААМА СЕРГѢЕВИЧА ПОРОВА.

1.

„Онъ кроткой жизнью жилъ и умеръ смертью кроткой".
Ему надгробною правдивой и короткой
Могли бы ближніе поминкою о немъ
Вписать сіи слова на камнѣ гробовомъ.
Но онъ не схимникъ былъ въ тѣни уединенья:
Живой членъ общества, онъ отъ его служенья,
Отъ подвиговъ, отъ жертвъ не отклонялъ себя,
И жизни благодать, и жизни крестъ любя,
Всему высокому сочувствуя сердечно,
Что въ жизни временно, и то, что въ жизни вѣчно,
Душой уразумѣть и оцѣнить онъ могъ:
Онъ тихъ и ясенъ былъ среди земныхъ тревогъ.
Любовью къ ближнему и вѣрой въ Провиденье
Порывы пылкихъ чувствъ и трезвыхъ чувствъ смиренье
Уравновѣсилъ онъ и въ стройность сочеталъ,
Онъ честно дѣйствовалъ и честно онъ мечталъ.
Ни въ полдень зрѣлыхъ лѣтъ, ни въ сумракъ ихъ вечерній
Не зналъ онъ темныхъ чувствъ ни горечи, ни терній;
Онъ и не сѣялъ зла, и зла не пожиналъ;
Была и совѣсть въ немъ прозрачна, какъ кристаллъ,

Невозмутимое и свѣжее зерцало.
О помыслахъ другихъ судилъ онъ по себѣ:
Обезоруженный онъ предстоялъ борьбѣ,
Гдѣ явный врагъ вредилъ, иль нѣдругъ лицемѣрилъ,
Онъ зла въ себѣ не зналъ и вчужѣ злу не вѣрилъ.
Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, изъ малаго числа,
Которымъ жизнь вотще училищемъ была.
Быть можетъ, съ жалостью или съ насмѣшкой строгой
Относится нашъ вѣкъ къ сей братіи убогой,
Къ симъ людямъ Божіимъ, смиреннымъ и простымъ,
Дающимся въ обманъ незлобіемъ своимъ,
Но нужны на землѣ и эти Божьи люди,
Чтобы при нихъ вольнѣй дышали наши груди,
Чтобъ мы въ бою страстей могли на комъ-нибудь
Душой усталою съ любовью отдохнуть.
Среди житейскихъ смутъ, съ ихъ безконечнымъ сиромъ,
Онъ долгій путь прошелъ, но на него укоромъ
Ничьи бы не могли озлобиться уста.
Была душа его младенчески чиста,
Но и созрѣла въ немъ, какъ плодъ благоуханной,
Созрѣвшій на браздѣ Земли Обѣтованной,
Гдѣ теплый воздухъ чистъ, гдѣ чисты небеса
И Божья благодать ложится, какъ роса.

2.

Двукратно зрѣлъ онъ край священной Палестины.
Тамъ краски свѣтлыя евангельской картины
Еще не стерлися подъ давкою вѣковъ,
Тамъ въ почву врѣзанъ слѣдъ Божественныхъ шаговъ,
Тамъ чуешь въ воздухѣ евангельскія рѣчи,
Тамъ съ смутнымъ трепетомъ ждешь и боишься встрѣчи,
Какъ тутъ же нѣкогда, дорогой въ Еммаусъ,
Внезапно братьями былъ встрѣченъ Іисусъ.
Евангеліе здѣсь есть лѣтопись живая:
Ея событія поднесь переживая,

Паломникъ съ набожнымъ вниманьемъ, день за днемъ,
Таинственно слѣдитъ за этимъ дневникомъ.
Здѣсь не исчерпано чудесъ святое лоно,
Здѣсь все еще свѣжо, какъ и во время оно.
Вотъ, кажется, грядетъ Невѣдомый землѣ
Со знаменемъ любви и скорби на челѣ.
Благословляетъ Онъ, и милуетъ, и учитъ;
Онъ утѣшаетъ тѣхъ, которыхъ горе мучитъ;
Больныхъ врачуетъ Онъ прикосновеньемъ рукъ,
И, въ мудрой простотѣ превыше всѣхъ наукъ,
Чтобъ въ міръ и жизнь вселить миръ, счастье и свободу,
„Любите ближняго!“ Онъ говорилъ народу.
Кто разъ сподобился, о, Іерусалимъ,
Хоть мимоходомъ быть причастникомъ твоимъ,
Кто умирительный твой воздухъ жадной грудью
Вдыхалъ, кто твоему молчанью и безлюдью
Сочувствовать умѣлъ и въ этой тишинѣ
Съ минувшимъ и съ собой могъ быть наединѣ,
Тотъ скажетъ, что хоть разъ вкусилъ онъ въ жизни сладость
Унынья свѣтскаго, похожаго на радость.
И какъ забыть тебя, спасенія купель,
Тебя, живыхъ чудесъ ковчегъ и колыбель!
Васъ — Геѳсиманскій садъ и берега Кедрона!
Васъ — Елеонская гора, холмы Сіона,
Іосафатовой долины тишина!
Васъ — вѣчный блескъ небесъ и вѣчная весна,
Весь этотъ свѣтлый міръ, всю эту Іудею
Съ своей поэзіей и скорбію своею!
Въ сей край паломникъ нашъ, какъ въ отчій домъ вступилъ;
Сей край онъ съ юныхъ лѣтъ заочно возлюбилъ,
Къ нему неслись его завѣтныя стремленья;
Онъ изучалъ его въ трудахъ долготерпѣнья,
Но глубже вѣрою своей его постигъ;
Она была ему вѣрнѣйшая изъ книгъ.
Съ Апостолами онъ духовно породнился,
Онъ съ ними вѣровалъ и плакалъ, и молился;

Онъ почву цѣловалъ, носившую Христа;
Завидовалъ онъ вамъ, сподвижники Креста;
Онъ съ вами раздѣлить желалъ бы вашу долю:
Гоненья, нищету и язвы, и неволю.

Онъ жертвамъ доблестнымъ былъ рано обученъ.
Служенье обществу страданьемъ началъ онъ,
Но тяжкій опытъ сей, какъ рыцарскимъ обѣтомъ,
Въ немъ честь запечатлѣлъ предъ нимъ самимъ и свѣтомъ
И закалилъ ее, какъ огненной струей.
Въ дни отрочества онъ, паломникъ боевой,
Въ пылъ битвы брошенный едва созрѣвшей волей,
За родину стоялъ на Бородинскомъ полѣ
И, разомъ возмужавъ подъ ядрами въ бою,
Ей въ жертву онъ принесъ младую кровь свою.
И во всю жизнь его тѣ два воспоминанья,
Два чистые ключа, двѣ страсти, два призванья,
Двѣ радуги души на всѣхъ путяхъ, во всемъ,
Въ немъ отзывались и оттѣнялись въ немъ.
Въ немъ и паломникъ былъ, сынъ вѣры и молитвы,
И отрокъ пламенный, какъ въ день народной битвы.
Сосудъ, очищенный огнемъ Бородина,
Душа призванію осталася вѣрна.

Россія для него была земной святыней.
Онъ лавромъ молодымъ и взросшей въ Палестинѣ
Завѣтной пальмою, дней прежнихъ помня быль,
Былъ въ правѣ обвивать свой боевой костыль.
Любили слышать мы, какъ съ молодой замашкой,
Постукивалъ нашъ другъ своею деревяшкой,
Какъ прямо отъ души душѣ онъ говорилъ,
Хоть заикался онъ и хоть разсѣянъ былъ.
Но на дѣла добра, за правду ли вступаясь,
Умъ, въ совѣсть вслушавшись и съ ней не запинаясь,
Мысль выражалъ свою правдивымъ языкомъ.
Нѣтъ, совѣсть ни предъ кѣмъ не заикалась въ немъ.

Онъ жизнь любилъ, но въ ней не суетныя блага.
Добра святая страсть, ей сродная отвага,
Любовь къ прекрасному и этотъ чистый пылъ,
Который въ немъ питалъ очагъ духовныхъ силъ,
Все въ старческой душѣ нетлѣннымъ уцѣлѣло,
И юный духъ бодрилъ дряхлѣющее тѣло.

Но для него и смерть не пугаломъ была:
Близъ праха милаго она его ждала
Привѣтливой звѣздой желаннаго свиданья;
Онъ руку подалъ ей съ улыбкой упованья.
Молитвой озарилъ онъ свой послѣдній часъ,
Онъ смертью кроткою и праведной угасъ,
Съ покорностью Творцу, съ любовью нѣжной къ братьямъ,
Какъ гаснетъ чистая лампада предъ Распятьемъ,
Когда въ свой часъ ея свѣтильня догоритъ,
И утро новое сводъ неба озаритъ.

DCCXXXV.

КЪ С. П. ШИПОВОЙ.

Вотъ возвращается вамъ ваше опахало,
Къ услугамъ вашимъ вновь является оно;
Съ нимъ имя и мое, хоть вамъ въ томъ дѣла мало,
Игрою случая на вѣкъ закрѣплено.

Когда меня уже не будетъ, а на балѣ,
Между мазуркою и вальсомъ, напримѣръ,
Прохладу станете искать вы въ опахалѣ
И слушать, что поетъ вамъ нѣжный кавалеръ,

Вдругъ память обо мнѣ оно на васъ навѣетъ,
Туманный образъ мой предъ вами промелькнетъ,
И вырваться еще вздохъ тихій не успѣетъ,
А вальсъ опять умчитъ васъ въ бурный свой полетъ.

DCCXXXVI.

Фонтаны! Жаль васъ, отдохните,
Что тратить вамъ свое добро?
Водой вы насъ не удивите:
Безъ васъ свѣжо, безъ васъ мокро

Смотрите, какъ во время Ноя
И такъ до вечера съ утра
Въ насъ ливмя хлещетъ до убоя
Дождь изъ небеснаго ведра.

А вы еще туда жь, съ жеманствомъ
Красуясь въ этотъ влажный часъ,
Своимъ задорнымъ постоянствомъ
Вы дразните и дождь, и насъ.

Пожаромъ зданье обхватило,
А въ домъ свой, залитой огнемъ,
Козлинъ, чтобы свѣтлѣе было,
Бѣжитъ съ зажженнымъ фонаремъ.

Тамъ, гдѣ потопъ, Самсонъ, тобою
Намъ любоваться недосугъ,
И то грозится намъ бѣдою
Водобоязненный недугъ.

DCCXXXVII.

РОМАНСЪ.

На голосъ: Beau troubadour, quelle audace t'emporte, etc.

Прекрасный пажъ, куда несешься смѣло?
Опасенъ путь въ горахъ, а ночь темна:
Погибнешь ты. —Погибну! Что за дѣло?
Несчастному въ отраду смерть одна.

Я полюбилъ, кого любить не смѣю,
Кого назвать языкъ мой не дерзнетъ:
И тайной сей, святынею моею,
Душа моя страдаетъ и живетъ.

Въ саду царя цвѣтетъ младая роза,
Прекрасная какъ утро, какъ весна;
Съ нея тайкомъ запала въ грудь заноза,
И язвою вросласъ мнѣ въ грудь она.

Пьянитъ насъ цвѣтокъ благоухая,
Не вѣдая всей прелести своей:
Цвѣтешь и ты, владычица, не зная,
Какъ много чаръ въ огнѣ твоихъ очей.

Я радъ служить ей молча, безкорыстно,
Скрывая страсть въ сердечной глубинѣ,

Но зрѣть при ней счастливца—ненавистно
И страшно мнѣ, и не по силамъ мнѣ.

На край земли, изгнанью обреченный,
Я понесу души моей кумиръ,
Мою любовь и образъ незабвенный:
Въ немъ и вся жизнь моя, и весь мой міръ.

А тамъ, когда меня уже не станетъ,
Когда взойдетъ освобожденья день,
Быть можетъ, вздохъ ея меня помянетъ
И усладитъ тоскующую тѣнь.

DCCXXXVIII.

ВВЕДЕНСКІЯ ГОРЫ.

Мнѣ не чужда Зеленая Эрина,
Влечетъ и къ ней сыновняя любовь:
Въ моей груди есть съ кровью славянина
Ирландской дочери наслѣдственная кровь.

Отъ двухъ племенъ идетъ мое рожденье,
И въ двухъ церквахъ съ молитвою одной,
Одна любовь, одно благословенье
Предъ Господомъ однимъ сливались надо мной.

Не долго мать меня руководила,
И ласкъ ея вкушалъ я благодать:
Во цвѣтѣ лѣтъ болѣзнь ее сразила,
И безсознательно оплакивалъ я мать.

Но дѣтства дни промчались съ быстротою,
И сердцемъ я тоскующимъ сказалъ:
Чего-то нѣтъ, кого-то нѣтъ со мною,
И образъ матери въ груди моей возсталъ.

Она во мнѣ одну надежду знала,
Одинъ разсвѣтъ ей радостнаго дня;

Тоска по ней въ минувшемъ угадала
Все то, что̀ съ матерью отнято у меня.

Сталъ милый образъ спутникъ сердцу зримой,
Онъ проливалъ мнѣ въ душу тихій свѣтъ,
Но грустно мнѣ, что матери любимой
Сталъ нѣжнымъ сномъ я, когда ея ужь нѣтъ;

Что мнѣ она не жизнь, а призракъ милой,
Чистѣйшихъ благъ утраченный залогъ;
Что въ ней люблю не столько то, что̀ было,
Какъ то, что̀ я позднѣй любить бы могъ;

Что юношей въ благихъ ея совѣтахъ,
Въ ея любви я не имѣлъ вождя,
Что не былъ другомъ ей я въ зрѣлыхъ лѣтахъ,
Опорой не былъ я въ дни старости ея...

Теперь въ одной могилѣ одинокой
Безмолвное преданіе о ней.
Я пробудить хотѣлъ бы сонъ глубокій,
Чтобъ съ нею пережить всю жизнь минувшихъ дней,

Предъ ней раскрыть весь путь мой шагъ за шагомъ,
Сердечной книги свѣтлые листы
И темные, когда я лживымъ благомъ
Дань немощи платилъ подъ игомъ суеты.

Хотѣлъ бы я искать въ ея улыбкѣ
Судъ и награду мыслямъ и дѣламъ,
Прощенье увлеченью и ошибкѣ,
Въ слезахъ ея язвительнымъ страстямъ.

Была бъ она мнѣ совѣстью надежной
И зеркаломъ, гдѣ бъ отразился я;
Себя самихъ обманывать намъ можно,
Но сердца матери намъ обмануть нельзя:

Зародыши и счастья, и печали,
Всѣ нашихъ чувствъ и помысловъ родныхъ
Любви ея доступныя скрижали
И переводятся на внятный сей языкъ.

Въ ея любви апостольская сила
И много жертвъ свершаемыхъ въ тиши;
Какъ ладона куренье изъ кадила,
Такъ теплится ея молитва изъ души.

Но съ матерью ни слезы, ни молитвы
Не могъ дѣлить святую благодать;
Усталаго съ полей житейской битвы
Меня у очага не ожидала мать.

Пустое мѣсто въ грустномъ домѣ было,
И въ книгѣ жизни грустный былъ пробѣлъ.
Здѣсь счастья нѣтъ, чтобъ матерь замѣнило,
И скорби тотъ не зналъ, кто съ матерью скорбѣлъ.

Чѣмъ старше я, тѣмъ память все моложе
И тѣмъ свѣжѣй любви родникъ во мнѣ,
И на живую съ каждымъ днемъ похожѣй
Тѣнь, что мерещится и просится ко мнѣ.

Введенскихъ горъ кладбище сердцу свято:
Сроднилось тамъ оно съ однимъ крестомъ,
И сердце трепетомъ младымъ объято,
Когда къ кресту прильну я старческимъ челомъ.

На чуждомъ мнѣ кладбищѣ я какъ дома,
И на душу повѣетъ дѣтскій сонъ:
И той звѣздой, что съ дѣтства мнѣ знакома,
Забрезжется теплѣй мой темный небосклонъ.

И на Дѣвичьемъ Полѣ есть могила,
Которая съ Введенской мнѣ сродни:

И тамъ, и здѣсь равно ихъ пепелъ милый
Скрѣпилъ въ одинъ завѣтъ сочувствія мои.

Какъ будто я готовлюсь на свиданье,
Мнѣ слышатся родные голоса,
И на меня нисходитъ упованье,
Какъ на палящій день вечерняя роса.

Кладбище намъ урочище смиренья
И отрезвляетъ душу въ насъ и умъ:
Въ затишьѣ семъ спятъ жизни треволненья,
И преній суетныхъ здѣсь замираетъ шумъ.

Племенныхъ тяжбъ мнѣ распри ненавистной
Здѣсь на кладбищахъ забываю ихъ,
Здѣсь смерти судъ безстрастный безкорыстный
Забвенью предаетъ дѣла страстей мірскихъ.

Такъ пастырь-смерть въ одно сбираетъ стадо
Разрозненныхъ въ земной лукавой мглѣ
Въ усопшихъ міръ: и намъ бы въ жизни надо
Любовью всѣхъ обнять въ землѣ и на землѣ.

DCCXXXIX.

Тихія равнины,
Ель, ветла, береза,
Сѣверной картины
Облачная даль,

Сѣренькое море,
Сѣренькое небо,
Чустся въ васъ горе,
Но и прелесть есть.

Праздничнымъ нарядомъ
Воздухъ, волны, горы,
Разцвѣтая садомъ,
Облачаетъ югъ.

Вѣчнымъ воскресеньемъ
Тамъ глядитъ природа,
Вѣчнымъ упоеньемъ
Нѣжится душа.

Будничныя дѣти
Будничной природы,
Рѣдко знаемъ эти
Праздничные дни.

День детской намъ труденъ,
Жизнь не безъ лишеній,
Теменъ кровъ нашъ, скуденъ
Нашъ родной очагъ,

Но любовь и ласки
Матери, хоть бѣдной,
Дѣтямъ тѣ же ласки,
Та же все любовь.

Въ рубищѣ убогомъ
Мать—любви сыновней
Предъ людьми и Богомъ
Та же другъ и мать.

Чѣмъ она убоже,
Тѣмъ для сердца сына
Быть должна дороже,
Быть должна святѣй.

Грѣхъ за то злословить
Нашу мать-природу,
Что намъ изготовить
Пиршествъ не могла.

Здѣсь родныхъ могилы,
Здѣшними цвѣтами
Прахъ ихъ, сердцу милый,
Усыпаемъ мы.

Не съ родного ль поля,
Нѣжно, мать цвѣтами
Украшала, холя
Нашу колыбель.

Все, что сердцу мило,
Чѣмъ оно страдало,

Чѣмъ живетъ и жило,
Здѣсь вся жизнь его.

Струны есть живыя
Въ этой тихой пѣснѣ,
Что поетъ Россія
Въ сумракѣ своемъ.

Тѣ родныя струны
Умиляютъ душу
И въ нашъ возрастъ юный,
И въ тѣни годовъ;

Имъ съ любовью внемлю,
Имъ я вторю, глядя
На родную землю,
На родную мать.

DCCXL.

Если вѣтеръ вдругъ подуетъ
Съ темныхъ облачныхъ небесъ
И встревожитъ, и взволнуетъ
Сномъ глубокимъ спящій лѣсъ,
Заунывные напѣвы
Раздаются въ тьмѣ лѣсной
И въ влюбленномъ сердцѣ дѣвы
Отзываются тоской.

Сердце поетъ, сердце жмется,
Чуетъ горе впереди,
И запуганное бьется
Въ замирающей груди.
Словно давитъ сонъ лукавой
Сердцу страшно и темно,
И съ рыдающей дубравой
Зарыдаетъ и оно!

DCCXLI.

Мѣсячной ночи сіянье
Стелется молча кругомъ;
Смотритъ дѣвица на мѣсяцъ
Въ тихомъ унынiи своемъ.

Мѣсяцъ ее обливаетъ
Блескомъ волны золотой,
Нѣжно ее онъ ласкаетъ,
Ей улыбается онъ.

Думой завѣтной глубоко
Сердце пропитано въ ней:
Тамъ, на чужбинѣ, далеко
Милый тоскуетъ по ней.

Сердцу нѣтъ съ сердцемъ разлуки,
Сердцемъ и вчужѣ живемъ;
Что намъ и слезы, и муки,
Если ихъ терпимъ вдвоемъ!

Думаетъ дѣва: Быть можетъ,
Въ этой ночной тишинѣ
Также глядитъ онъ на мѣсяцъ,
Сердцемъ заочно при мнѣ.

Наши сердца съ первой встрѣчей
Зажили чувствомъ однимъ;
Въ мѣсячномъ блескѣ, далече,
Встрѣтится взоръ мой съ твоимъ.

DCCXLII.

ИЛЬИНСКІЯ СПЛЕТНИ.

(Новое изданіе исправленное и умноженное).

1.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
Здѣсь снова рай земной насталъ,
Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Вдимъ съ ботвиньей простоквашу,
Хоть Трубецкой и запрещалъ,
Желудку не даемъ шабашу.
Благодарю, не ожидалъ!

Цыганокъ слушаемъ съ участьемъ,
За то и таборъ поздравилъ
Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.
Благодарю, не ожидалъ!

У насъ и Патти есть, и Лукка,
Цыганскихъ соловьевъ хоралъ,
Букетъ изъ смуглыхъ розъ и лука.
Благодарю, не ожидалъ!

Весь міръ въ враждѣ, весь міръ въ раздорѣ,
Кто въ жизни горя не встрѣчалъ?
А здѣсь есть пристань: не чуй горе.
Благодарю, не ожидалъ!

Въ Ильинскомъ съ вѣжливой споровкой
Пророкъ въ свой день не бушевалъ:
Ага, знать, царедворецъ ловкій!
Благодарю, не ожидалъ!

Съ царями жизнь не жизнь — искусство,
Отъ умныхъ я людей слыхалъ;
Здѣсь съ ними жить научитъ чувство.
Благодарю, не ожидалъ!

Бренчитъ заморская гитара,
И контра-басъ загрохоталъ:
Съ миссъ Идой тароторитъ Ара.
Благодарю, не ожидалъ!

Надъ Трубецкимъ трунитъ Толстая,
Въ ней виденъ родственный закалъ:
Войны и Мира часть седьмая...
Благодарю, не ожидалъ!

Марья Аркадьевна, о Боже!
Такая тишь, такой кристалъ,
А Трубецкаго травитъ тоже...
Благодарю, не ожидалъ!

Не защищаясь и мизинцемъ
Онъ все Аркадьевнѣ шепталъ:
Когда бъ я былъ Аркадскимъ принцемъ...
Благодарю, не ожидалъ!

Въ романахъ нашу баронессу
Плѣняетъ дикій идеалъ,

Сердечкинъ скученъ, дай повѣсу!
Благодарю, не ожидалъ!

Микстурой, чаще анекдотомъ,
Нашъ Гартманъ ближнихъ врачевалъ,
Все больше хохотомъ, не потомъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Самаринъ къ Нѣмцамъ чорта строже,
А вотъ Карелин бъ опъ узналъ:
Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ...
Благодарю, не ожидалъ!

Воейковъ Адлерберга трунитъ,
Хоть самъ отличный генералъ;
Все такъ и чуетъ: вотъ укуситъ...
Благодарю, не ожидалъ!

Арсеньевъ, нынче ментеръ строгой,
Въ сердечныхъ школахъ самъ бывалъ
И телемачничалъ немного.
Благодарю, не ожидалъ!

Вотъ Озеровъ! — Честь сцены нашей.
Нѣтъ, онъ Моинъ не сочинялъ;
Живыхъ красавицъ онъ папашей.
Благодарю, не ожидалъ!

Нашъ Вяземскій все риѳмы сучитъ,
Хоть въ дѣтство дряхлое онъ впалъ,
Его и оспа не проучитъ.
Благодарю, не ожидалъ!

2.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
Здѣсь снова рай земной насталъ,

Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.
Благодарю, не ожидалъ.

Ѣдимъ съ ботвиньей простоквашу,
Хоть Трубецкой и запрещалъ;
Желудку не даемъ табашу...
Благодарю, и пр.

Цыганокъ слушаемъ съ участьемъ,
За то и таборъ поздравлялъ
Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.
Благодарю, и пр.

Въ Москвѣ и Патти есть, и Лукка,
Цыганскихъ соловьевъ хоралъ,
Смѣсь смуглыхъ лицъ съ приправой лука.
Благодарю, и пр.

Знакома ль вамъ здѣсь княжна Ара,
Здоровья милый идеалъ,
Хоть съ Идъ дружна, но ей не пара.
Благодарю, и пр.

Въ романахъ пашу баронессу
Плѣняетъ дикій идеалъ,
Сердечкинъ скученъ, дай повѣсу!
Благодарю, и пр.

Надъ Трубецкимъ трунитъ Толстая,
Въ ней виденъ родственный закалъ:
Войны и Мира часть седьмая...
Благодарю, и пр.

Воейковъ Адлерберга труситъ,
Хоть самъ отличный генералъ;
Все такъ и чуетъ: вотъ укуситъ...
Благодарю, и пр.

Нашъ Вяземскій все риѳмы сучитъ,
Хоть въ дѣтство дряхлое попалъ [1]),
Его и оспа не проучитъ.
Благодарю, и пр.

Микстурой, чаще анекдотомъ,
Нашъ Гартманъ ближнихъ врачевалъ,
Все больше хохотомъ, не потомъ...
Благодарю, и пр.

Арсеньевъ, нынче менторъ строгой,
Въ сердечныхъ школахъ самъ бывалъ
И телемачничалъ немного...
Благодарю, и пр.

Самаринъ Нѣмцамъ чорта строже,
А вотъ Карели бъ онъ узналъ:
Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ...
Благодарю, и пр.

3.

Ты спросишь, что въ Ильинскомъ дѣемъ?
Здѣсь снова рай земной насталъ;
Мы нѣжимся, весьма потѣемъ.
Благодарю, и пр.

Ѣдимъ съ ботвиньей простоквашу,
Хуть Трубецкой и запрещалъ;
Желудку не даемъ шабашу.
Благодарю, и пр.

Цыганокъ слушаемъ съ участьемъ,
За то и таборъ поздравлялъ
Насъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.
Благодарю, и пр.

[1]) При этомъ стихѣ руковой Елисаветы Дмитріевны Милютиной замѣчено: „Je proteste avec énergie".

Въ Москвѣ и Патти есть, и Лукка,
Цыганскихъ соловьевъ хоралъ,
Смѣсь смуглыхъ лицъ съ приправой лука.
Благодарю, и пр.

Знакомы ль вы съ княжною Арой?
Прекрасный, полный генералъ
Съ миссъ Идой смотритъ брачной парой...
Благодарю, и пр.

(Вариантъ Озерова:

Знакома ль вамъ здѣсь княжна Ара,
Здоровья милый идеалъ,
Хоть съ Идъ дружна, но ей не пара.
Благодарю, и пр.)

Въ романахъ нашу баронессу
Плѣняетъ дикій идеалъ,
Сердечкинъ скученъ, дай повѣсу!
Благодарю, и пр.

Надъ Трубецкимъ трунитъ Толстая,
Въ ней виденъ родственный закалъ:
Войны и Мира часть седьмая...
Благодарю, и пр.

Воейковъ Адлерберга труситъ,
Хоть самъ отличный генералъ;
Все такъ и чуетъ: вотъ укуситъ.
Благодарю, и пр.

(Вариантъ Озерова:

Воейковъ труситъ командира,
Хоть самъ исправный генералъ,
То знаетъ главная квартира.
Благодарю, и пр.)

Нашъ Вяземскій все рюмы сучитъ,
Хоть въ дѣтство дряхлое попалъ [1]),
Его и оспа не проучитъ.
Благодарю, но ожидалъ!

Микстурой, чаще анекдотомъ,
Нашъ Гартманъ ближнихъ врачевалъ,
Все больше хохотомъ, не потомъ.
Благодарю, и пр.

Арсеньевъ, нынче менторъ строгій,
Въ сердечныхъ школахъ самъ бывалъ
И телемачничалъ немного.
Благодарю, и пр.

Самаринъ Нѣмцамъ чорта строже,
А вотъ Карелля бъ онъ узналъ:
Прямой русакъ въ нѣмецкой кожѣ.
Благодарю, и пр.

(Вариантъ Озерова:

Шталмейстеръ басомъ обладаетъ,
Варганъ гудитъ здѣсь во весь залъ,
А онъ подъ музыку читаетъ.
Благодарю, и пр.)

---

[1]) Приписка Озерова: Опять онъ новыхъ силъ набралъ.

DCCXLIII.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЯ СИЛЕТНИ.

Въ Слѣпцовѣ Захаржевскій слышенъ,
Въ немъ и Ледрю-Ролленъ возсталъ,
Имъ баррикадъ здѣсь рядъ возвышенъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Но не прослыть ему Рошфоромъ,
Онъ фонарей не расточалъ,
Въ ночь городъ смотритъ темнымъ боромъ.
Благодарю, не ожидалъ!

А Страусъ въ Павловскѣ толпами
Всѣхъ зрѣлыхъ дамъ заколдовалъ;
Всѣ такъ и слушаютъ—глазами.
Благодарю, не ожидалъ!

DCCXLIV.

СЛУХИ ИЗЪ ЛИВАДІИ.

Съ Бахчисараемъ случай разомъ
Шутя Ливадію сравнялъ:
Нашъ Озеровъ сталъ водолазомъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Онъ тезку трагика оставилъ
И Пушкинымъ быть пожелалъ:
Онъ свой фонтанъ собой прославилъ.
Благодарю, не ожидалъ!

Въ Крыму фонтанамъ жребій странный:
Одинъ поэта вдохновилъ,
Другой шталмейстеру сталъ ванной.
Благодарю, не ожидалъ!

DCCXLV.

КЪ С. П. ШИПОВОЙ.

По Божьей милости и родовому праву
И красоты вѣнецъ, и красоты державу
Отъ матери своей наслѣдовали вы;
Вѣнецъ сей перешелъ съ прекрасной головы
На вашу голову прекрасно-молодую.
Минувшаго люблю въ васъ память дорогую
И настоящаго въ васъ прелесть я люблю;
Былое отъ того, что̀ есть, не отдѣлю.
Преданье для меня при васъ живое слово;
Все, чѣмъ любуюсь въ васъ, мнѣ ново и не ново.
Сквозь милый образъ я на образъ вашъ смотрю.
Въ бесѣдѣ ль искренней я съ вами говорю,
Мнѣ кажется, что я, обманутый годами,
Доканчиваю рѣчь, начатую не съ вами,
И что пророческимъ видѣньемъ или сномъ
Я тайно угадалъ васъ въ образѣ другомъ,
И съ вами встрѣтившись,—невольно, тайной силой,
И по сочувствію, и по привычкѣ милой
Признало сердце васъ, и отдалось оно,
Какъ подъ владычество знакомое давно.
Измѣны въ чувствѣ нѣтъ, хоть измѣнились лица!
Сердечной повѣсти завѣтная страница

Сліяла, освѣживъ преданій старину,
Два образа въ одинъ и пѣсни двѣ въ одну.
Какъ въ совѣсти своей, съ влеченьемъ чувствъ согласной,
Я вѣрноподданнымъ былъ матери прекрасной,
Такъ съ нѣжней вѣрностью, при сѣдинѣ волосъ,
Прекрасной дочери присягу я принесъ.

DCCXLVI.

Отсутствующій виноватъ:
Вотъ смыслъ пословицы извѣстной,
Ее вездѣ и всѣ твердятъ
Уликой вамъ не слишкомъ лестной;
Но и пословицы вѣдь врутъ,
Хоть дѣти мудрости народной,
Есть исключенія и тутъ,
И вотъ примѣръ кому угодно:
Когда придетъ ко мнѣ вашъ враль,
Присутствіе возненавижу,
Мнѣ всѣхъ отсутствующихъ жаль,
И въ нихъ я праведниковъ вижу.

1870 г.

DCCXLVII.

Мнѣ не къ лицу шутить, не по душѣ смѣяться,
Остаться долженъ я при немощи своей.
Зачѣмъ отжившему живымъ мнѣ притворяться?
Болѣзненный мой смѣхъ всѣхъ слезъ моихъ грустнѣй.

1871 г.

DCCXLVIII.

ЭПИТАФІЯ СЕБѢ ЗАЖИВО.

Лампадою почной погасла жизнь моя,
Себя какъ мертваго оплакиваю я.
На мнѣ болѣзни и печали
Глубоко врѣзанъ тяжкій слѣдъ:
Того, котораго Вы знали,
Того ужь Вяземскаго нѣтъ

DCCXLIX.

Я пѣнье соловьевъ любилъ въ свой возрастъ дѣтскій,
И въ старости любилъ ихъ пѣснь въ лѣсахъ родныхъ:
Но соловьи поютъ здѣсь какъ-то по нѣмецки,
Пивное что-то есть въ тяжелой пѣсни ихъ.
Въ нѣмецкомъ соловьѣ нѣтъ нѣги, нѣтъ порыва,
Любовью пѣснь его не дышитъ, не звучитъ;
Какъ бюргеръ съ трубкою во рту, за кружкой пива,
Такъ не поетъ и онъ, а только что сопитъ.

DCCL.

ВИСБАДЕНСКІЕ СТИХИ.

1.

У васъ есть множество обителей въ дому:
Въ дому особенно есть оконъ изобилье,
И можно каждое отмѣтить по фамильѣ
Того, кто въ свой чередъ допущенъ былъ къ нему.
Вы не спѣсивы, нѣтъ: улыбка, ласка та же
Ждутъ каждаго, къ окну кто бъ съ вами не подсѣлъ.
У васъ окошекъ рядъ и въ нижнемъ есть этажѣ,—
Что тутъ и говорить? У васъ я даже,
Ужъ если не окно, то форточку имѣлъ.

2.

Въ двухъ образахъ теперь я васъ заочно вижу:
Однимъ любуюсь я, другой я ненавижу,
И вы, и мысль о васъ всегда во мнѣ въ борьбѣ.
Одно я чувствую, одно твержу себѣ:
Есть Петербургская блестящая княгиня,
Но ужъ Висбаденской Маріи нѣтъ какъ нѣтъ.

Одну поработилъ себѣ лукавый свѣтъ,
Другая въ памяти сердечной, какъ святыня,
Хранится въ чистотѣ и прелести своей,
И какъ звѣзда зажглась въ ночи души моей.

DCCLI.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Альбомъ вашъ старъ, но старъ и я,
Такъ что жь? Тѣмъ лучше: съ нимъ мы пара,
И старой книги бытія
Мы ветхіе два экземпляра.

Той библіотеки ужь нѣтъ,
Гдѣ мы въ красивомъ переплетѣ,
Съ узорной роскошью виньетъ,
При яркой, свѣжей позолотѣ,

У всѣхъ стояли на виду,
И люди любовались нами,
И въ молодомъ своемъ чаду
Собой мы любовались сами.

Той библіотеки ужь нѣтъ,
Тѣ книги моль давно изъѣла,
Давнымъ давно забылъ ихъ свѣтъ:
Живому нѣтъ до мертвыхъ дѣла.

Теперь въ ходу, теперь въ чести
Другіе люди и новинки.

А мы? Мы на живомъ пути
Чего-то прошлаго поминки.

Что жь дѣлать? Каждому свой день.
Напрасны жалобы и пени:
Иные входятъ на ступень,
Другіе сходятъ со ступени.

Но, старину свою любя,
Ее признательно помянемъ,
Обломки, молча, про себя,
Другъ друга утѣшать мы станемъ.

DCCLII.

ШУТОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ.

1.

Изъ памяти своей совсѣмъ меня вы выжили:
Какъ полный сочностью лимонъ
До капли, до конца совсѣмъ меня вы выжали
И тутъ же выбросили вонъ.

2.

Хочешь зло бичёвать?
Не ходи по окрестностямъ;
Есть тебѣ гдѣ гулять
И по собственнымъ мѣстностямъ.

Не забудь, человѣкъ,
Сынъ земного отечества,
Что и ты—имя рекъ—
Бѣдный членъ человѣчества.

Будемъ, братья, скромнѣй,
То-есть, будемъ же братьями,

Не особь отъ людей
Выдвигаясь изъятьями.

Нѣтъ ничьей тутъ вины,
И къ чему разглагольствіе?
Всѣ мы злы и смѣшны,
Всякъ въ свое удовольствіе.

DCCLIII.

ИЗЪ ЦАРСКАГО СЕЛА ВЪ ЛИВАДІЮ

(позднею осенью 1871 года).

Посвящается Елисаветѣ Дмитріевнѣ Милютиной.

Смотрю я вашимъ Аю-Дагомъ,
Въ берлогѣ какъ медвѣдь сижу,
Иль медленно, медвѣжьимъ шагомъ
Въ саду пустынномъ я брожу.

Но, какъ медвѣдю ради скуки,
Сосать мнѣ лапу не подстать:
Мои такъ исхудали руки,
Что въ нихъ ужь нечего сосать.

И умъ, и чувство исхудали;
Побитъ былъ стужей жизни цвѣтъ.
Того, котораго вы знали,
Того ужь Вяземскаго нѣтъ.

Есть развѣ темное преданье
О свѣтлой нѣкогда судьбѣ,
На камнѣ гроба начертанье,
Поминки по самомъ себѣ.

Тамъ, гдѣ сіяньемъ вѣчно новымъ,
Ласкается къ вамъ южный день,
Вы помяните добрымъ словомъ
Мою тоскующую тѣнь.

1872 г.

DCCLIV.

26 ЯНВАРЯ 1872 г.

Моя поэзія и дни мои угасли.
Но если чувствовать еще способенъ я,
За чувство свѣтлое благодарить не Васъ ли
Должна душа моя?
Высоко я цѣню честь царскаго вниманья,
Достойно же воспѣть царицу не могу;
Но въ царскомъ образѣ былъ ангелъ состраданья,
И молча образъ тотъ я въ сердцѣ сберегу.

DCCLV.

Всѣ сверстники мои давно ужь на покоѣ,
И младшіе давно сошли ужь на покой:
Зачѣмъ же я одинъ несу ярмо земное,
Забытый каторжникъ на каторгѣ земной?...

DCCLVI.

Жизнь ѣдкой горечью проникнута до дна,
Нѣтъ къ ближнему любви, нѣтъ кротости въ поминѣ,
И душу мрачную обуреваютъ нынѣ
Одно отчаянье и ненависть одна...

1873 г.

DCCLVII.

ЛѢСЪ.

Въ лѣсу за листомъ листъ кругомъ
Съ деревьевъ валится на землю:
Самъ въ увяданіи моемъ
Паденью ихъ съ раздумьемъ внемлю.

Глухой ихъ шорохъ подъ ногой
Въ моей прогулкѣ одинокой,
Какъ шорохъ тѣни въ тьмѣ ночной,
Тревожитъ лѣса сонъ глубокой.

Кладбища сонъ и тишина!
А жизнь съ улыбкой обаянья
Вчера еще была полна
И нѣги, и благоуханья.

Не листья ль жизни нашей дни?
Насъ и они въ свой срокъ обманутъ,
Какъ листья, опадутъ они,
И какъ они, печально вянутъ.

Гдѣ лѣсъ былъ зеленью обвитъ,
Теперь одни листы сухіе:

Такъ память грустная хранитъ
Отцвѣтшей жизни дни былые.

По свѣжей роскошью вѣтвей
Весной очнется вновь дуброва,—
А намъ на пеплѣ нашихъ дней
Цвѣтущихъ не дождаться снова!

DCCLVIII.

Когда вамъ нечего сказать мнѣ,
Зачѣмъ ко мнѣ вамъ подходить?
Зачѣмъ съ днемъ каждымъ непопятнѣй
И все страннѣй со мною быть?
Когда вамъ нечего сказать мнѣ,
Зачѣмъ ко мнѣ вамъ подходить?

Зачѣмъ вашъ взоръ, какъ бы случайно,
По мнѣ разсѣянно скользитъ?
Иль вопросительно и тайно
Глубоко въ душу мнѣ глядитъ?
Зачѣмъ вашъ взоръ, какъ бы случайно,
По мнѣ разсѣянно скользитъ?

Зачѣмъ, когда встрѣчаюсь съ вами,
Смущаться вамъ отъ нашихъ встрѣчъ,
И торопливыми словами
Съ другимъ заводите вы рѣчь?
Зачѣмъ, когда встрѣчаюсь съ вами,
Смущаться вамъ отъ нашихъ встрѣчъ?

Зачѣмъ плѣнять меня улыбкой?
Зачѣмъ холодностью пугать?
Зачѣмъ коварствомъ, иль ошибкой,
Меня ласкать и волновать?

Зачѣмъ плѣнять меня улыбкой?
Зачѣмъ холодностью пугать?

Зачѣмъ надежды и сомнѣнья
Сбиваютъ съ толку страсть мою?
Зачѣмъ беречь отъ обольщенья
И привлекать меня къ огню?
Зачѣмъ надежды и сомнѣнья
Сбиваютъ съ толку страсть мою?

Зачѣмъ приманкою участья
Съ ума вы сводите меня
И не даете чувству счастья
Дожить до завтрашняго дня?
Зачѣмъ приманкою участья
Съ ума вы сводите меня?

1874 г.

DCCLIX.

ПОЭТУ-АРХЕОГРАФУ ИЛИ АРХЕОГРАФУ-ПОЭТУ

ДОБЛЕСТНОМУ ПОТОМКУ ЗНАМЕНИТАГО ГРЕЧЕСКАГО ПѢСНОПѢВЦА
Тимоѳеи.

(Александру Ильичу Тимоѳееву).

Скажу вамъ: Исполать! любезный Тимоѳеевъ,
Любезнѣйшій изъ всѣхъ наличныхъ стиходѣевъ,
Въ которомъ самъ пѣвецъ мадамъ де Курдюковъ
Соперника себѣ признать въ гробу готовъ.
Меня въ сухой глуши чужого захолустья
Вы вспрыснули живой водой родного устья,
И русскій смѣхъ, скуламъ нѣмецкимъ не сродни,
Чуть-чуть не надорвалъ животики мои.
Спасибо за письмо: оно такъ Русью пахнетъ,
Словечкомъ удалымъ такъ по сердцу шарахнетъ,
Что сердце, вздрогнувъ, вдругъ кувыряться начнетъ,
Колѣнцами юлитъ, дрыгаетъ и постъ.
Когда я васъ читалъ, сдавалось, васъ я слушалъ
И съ вами я блины на масляницѣ кушалъ [1]),
И запивалъ ихъ жиръ настоичкой тройной.
Съ археографіей, старушкою сѣдой,

---

[1]) А вотъ блинъ и вышелъ комомъ. *Авторъ.*

Хоть обвѣнчались вы давно законнымъ бракомъ,
Но съ нею на мели вы не засѣли ракомъ.
Въ васъ удаль и задоръ, въ васъ забубенный хмель,
Вы, кажется, не прочь и отъ мамзель фанъ-Гель.
Что жь? На здоровье! Желаю вамъ веселья!
А я средь колбасовъ и въ царствѣ пивоваренья
Съ печальной завистью на вашу прыть смотрю,
И колбасовъ не ѣмъ, и пива я не пью.
Что жь, дѣлать нечего! Но только, ради Бога,
Хоть разъ свезите въ Буффъ архи-идеалога,
То-есть, Владиміра, что Павловъ сынъ [1]): къ тому жь
Онъ любознательный и велемудрый мужъ,
Но какъ онъ ни ученъ, а кажется, доселѣ
Онъ мало практики имѣлъ на счетъ мамзелей.
Натуру показавъ in naturalibus
Вы къ буффографіи ему привейте вкусъ.
Тогда опять скажу: Ура! О, Тимоѳеевъ,
Любезнѣйшій изъ всѣхъ стихо- и чудо-дѣевъ!

---

[1]) Титовъ.

DCCLX.

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ И ПРІЯТЕЛЬСКОЕ ПОЖЕЛАНІЕ А. И. ТИМОѲЕЕВУ.

Самъ счастья своего виновникъ,
Поэтъ ты и археографъ,
Къ тому же доблестный чиновникъ,
Въ тройную цѣль уже попавъ,
Послѣдній сдѣлай ты пифъ-пафъ!
И хоть Титовъ наложитъ штрафъ,
Людики смѣлый будь любовникъ
И всѣхъ мамзелей Голіаѳъ.

DCCLXI.

ГРАФИНѢ АЛЕКСАНДРѢ АНДРЕЕВНѢ ОЛСУФЬЕВОЙ.

Мы въ Гомбургѣ сошлись и здѣсь же разойдемся,
Путь каждому изъ насъ судьбой опредѣленъ.
Приспится на пути намъ радость? Вдругъ проснемся, —
И радость ужь зашла за дальній небосклонъ.
Старикъ, вамъ бью челомъ я старыми стихами
И вамъ скажу въ прощальный часъ:
Въ дорогѣ встрѣтившись я любовался вами,
А дома буду помнить васъ.

DCCLXII.

ГРАФУ МОДЕСТУ АНДРЕЕВИЧУ КОРФУ.

Съ родного очага судьбиной
Давно отрѣзанный ломоть,
Закабаленъ я былъ чужбиной
И осужденъ въ ней дни молоть.

Какъ ни мелю, все по пустому:
Не перемелется мука,
Одну мякину да солому
Сбираетъ нехотя рука.

Между собой все такъ похоже:
День каждый завтрашнему дню
Передаетъ одно и то же,
И ночи ночь тоску свою.

Безсонница, какъ вѣдьма злая,
И съ нею дочь ея хандра,
Ночь напролетъ надоѣдая,
Торчатъ у праздника одра.

И вы здоровья, силы свѣжей,
Какъ я, пришли сюда искать:

Въ насъ немощь и недуги тѣ же,
И сна чужда намъ благодать.

Кажись, выносимъ трудъ не малый,
Чтобъ только сномъ глаза сомкнуть,
Читаемъ русскіе журналы,
А все не можемъ мы заснуть.

Такая, знать, у насъ натура,
Что ни подушки, ни тюфякъ,
Ни русская литература
Не убаюкаютъ никакъ.

Досадно, тяжело и больно!
Такъ горемычный часовой
Стоитъ и слышитъ, какъ привольно
Весь станъ храпитъ во тьмѣ ночной.

Посмотришь, всѣ благополучно
Спятъ русскимъ сномъ отъ русскихъ книгъ:
Отъ пихъ мнѣ до зѣвоты скучно,
А сна не выжмешь ни на мигъ.

Судьба свела насъ издалеча
Въ чужой и тихой сторонѣ:
Будь въ добрый часъ намъ эта встрѣча!
Чего желать и вамъ, и мнѣ?

„Царевичу младому Хлору“
Молюсь, чтобъ къ намъ онъ, доброхотъ,
„Насъ взвелъ на ту высоку гору,
„Гдѣ безъ хлорала сонъ ростетъ“.

DCCLXIII.

Дня прекраснаго разсвѣтомъ
Все въ васъ дышетъ и цвѣтетъ,
Жизнь улыбчивымъ привѣтомъ
Васъ на праздникъ свой зоветъ.

Свѣтлый праздникъ новоселья!
Блескъ безоблачныхъ небесъ.
Откровенья и веселья
Поэтическихъ чудесъ,

И мечты воображенья,
И надежд блестящій рой
Расточаетъ угощенья
Гостьѣ жизни молодой

Путь цвѣтами вамъ украшенъ;
Старъ, угрюмъ я и завялъ, —
Потому-то вамъ и страшенъ,
Вамъ и пугаломъ я сталъ.

Обратите въ состраданье
Страхъ, который не подъ стать;
Старость есть ужъ наказанье,
И прощенья ей не знать.

Мы, изъ жалости сердечной,
Лепту нищему даемъ,
Ничего хоть нѣтъ, конечно,
Привлекательнаго въ немъ.

Все бѣднѣй я съ каждымъ годомъ!
Къ вамъ протянута рука:
Вы улыбкой, мимоходомъ,
Осчастливьте старика!

DCCLXIV.

СЕРГѢЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ НИКОЛАЕВСКОМУ.

Съ моею музой престарѣлой
Любезничать хотите вы,
Но не вскружить вамъ посѣдѣлой
И ужъ остывшей головы.

Нѣтъ, муза трезво пробудилась
Отъ соблазнительнаго сна,
Съ годами и остепенилась,
И образумилась она.

Цвѣты поблекли на дорогѣ,
И небо пасмурно глядитъ,
И дома грустно на порогѣ
Она задумавшись сидитъ.

Въ дни молодости беззаботной
Когда намъ въ радость все, что̀ есть,
И легковѣрно, и охотно
Она выслушивала лесть.

Теперь не вѣритъ обольщеньямъ,
Не вѣритъ льстивымъ похваламъ:

Съ самопознаньемъ и смиреньемъ,
Она покорствуетъ судьбамъ.

Передовымъ и книги въ руки!
Она жь въ обозѣ отсталыхъ:
И если иногда, отъ скуки,
Къ стиху еще подводитъ стихъ,

То развѣ изъ одной привычки,
Какъ на лежанкѣ, въ вечерокъ,
Сквозь сопъ передвигая спички,
Старушка вяжетъ свой чулокъ!

DCCLXV.

ОСЕНЬ.

Кокетничаетъ осень съ нами:
Красавица на западѣ своемъ
Послѣдней ласкою, послѣдними дарами
Приманиваетъ насъ нѣжнѣе съ каждымъ днемъ

И вотъ я, волокита старый,
Люблю ухаживать за ней
И жадно допивать за каплей каплю, чары
Прельстительной волшебницы моей.

Все въ ней мнѣ нравится: и пестрота наряда,
И бархатъ, и парча, и золота струя,
И яхонтъ, и янтарь, и гроздья винограда,
Которыми она обвѣшала себя.

И тѣмъ дороже мнѣ, чѣмъ ближе ихъ утрата,
Еще душистѣе цвѣты ея вѣнка,
И въ свѣтломъ зареѣ прекраснаго заката
Силъ угасающихъ и нѣга, и тоска.

DCCLXVI.

Когда изъ родины, намъ и заочно милой,
Доходитъ голосъ къ намъ на дальнемъ берегу,
Насъ переноситъ онъ таинственною силой
Хоть мелькомъ, хоть на мигъ къ родному очагу.

Вдругъ память проблескомъ минувшее освѣтитъ,
И въ настоящемъ мы, и въ прошломъ заживемъ,
И сердце чуткое знакомый голосъ встрѣтитъ
Улыбкой тихою, задумавшись на немъ.

Не звученъ голосъ мой и слуха не чаруетъ,
Но отголосокъ въ немъ преданій, думъ родныхъ;
Быть можетъ, вашего вниманья не минуетъ
Случайно на глаза попавшійся мой стихъ.

Въ немъ скажутся мои сердечныя былины
И тѣнь, и призраки того, чего ужъ нѣтъ;
Глубокіе лѣса отчизны и равнины,
Нева, ея ночей безсумрачныхъ разсвѣтъ.

Тамъ волны южныя съ ихъ роскошью прибрежной,
Тамъ нѣга теплая, тамъ воздухъ голубой;
Здѣсь свѣтлая зима съ своей парчою снѣжной,
Съ своей суровою и бодрой красотой.

Примите дань мою съ радушьемъ и участьемъ:
При новыхъ чувствахъ вы не разлюбили насъ,
Въ васъ счастье новое сродпилось съ прежнимъ счастьемъ,
Вамъ съ повою звѣздой лучъ прежній не угасъ.

Теперь мой чуждый стихъ откликнется далеко,
Пройдутъ мечты мои въ вашъ пышный, чудный край,
Какъ пѣснь, чрезъ степь, несется одиноко
И слухъ проѣзжаго пробудитъ невзначай.

DCCLXVII.

Въ Парижѣ вы: да, именно въ Парижѣ!
Хоть знаю я, а вѣрить не могу:
Себя въ лунѣ вообразить мнѣ ближе,
Чѣмъ васъ искать на Сенскомъ берегу.

Парижъ и вы — двѣ крайности, и трудно
Ихъ примирить и приложить къ нимъ слѣдъ;
Событьями нашъ вѣкъ вертитъ такъ чудно,
Что ничего несбыточнаго нѣтъ.

Случайностямъ мудренымъ, многосложнымъ,
Открытый путь! Мы — жертвы ихъ затѣй:
И что всегда бывало невозможнымъ,
Теперь всего возможнѣй и вѣрнѣй.

Вы любите спокойныхъ дней теченье
И свѣтлый миръ души и бытія;
Сокровище для васъ и утѣшенье —
Родной очагъ, Россія и семья

Ни внѣшній блескъ, ни всѣ его соблазны
Въ свой кругъ волшебный васъ не увлекутъ:
Дороже вамъ вашъ міръ однообразный,
Но міръ, гдѣ вашимъ чувствамъ есть пріютъ;

Гдѣ дома вы, гдѣ сердце старожиломъ
Устроилось, хозяйствомъ завелось
И бережно хранитъ въ затишьѣ миломъ
Все, чѣмъ оно на жизнь отозвалось;

Гдѣ старыя преданья и привычки,
Сочувствія, повѣрья прежнихъ лѣтъ,
Въ завѣтный часъ сердечной переклички,
Всѣ на лицо и вамъ даютъ отвѣтъ.

Съ святыни сей, съ домашняго порога
Васъ перенесъ судьбины произволъ
На шумный путь, гдѣ вѣчная тревога,
Гдѣ всѣхъ страстей клокочущій котелъ.

Тамъ вспыхахъ и опрометью, жадно,
Жизнь безъ оглядки все бѣжитъ впередъ
И рубитъ сплошь деревья безпощадно,
Чтобъ съ нихъ скорѣй сорвать невѣрный плодъ;

Тамъ сентенпать, семь пятницъ на недѣлѣ,
У каждаго во рту семь языковъ,
Есть семь чудесъ, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ,
Но врядъ ли тамъ найти семь мудрецовъ.

Добро бы мнѣ во имя Оффенбаха
Въ Парижѣ быть: нѣтъ, въ Гомбургъ я попалъ,
Сюда, гдѣ жизнь ползетъ, какъ черепаха,
Гдѣ самъ за ней я черепахой сталъ.

А не смущаясь юныхъ лѣтъ измѣной,
Тамъ отыскать я могъ бы прежній пылъ
И за одно съ прекрасною Еленой
Парисомъ я въ Парижѣ бы кутилъ.

Вотъ какъ бѣгутъ превратно дни за днями,
Вотъ какъ судьба, съ повязкой на глазахъ,
Насъ не спросясь, играетъ въ жмурки съ нами
И на угадъ насъ ловитъ второпяхъ.

DCCLXVIII.

„ЕЩЕ ОДНО ПОСЛѢДНЕЕ СКАЗАНЬЕ".

Посвящается А. Д. Баратынской.

Послѣдніе я доживаю дни,
На ихъ ущербъ смотрю я безъ печали:
Все, что могли сказать, они сказали
И дали все, что могутъ дать они.

Ждать новаго отъ нихъ мнѣ не возможно,
А старое все знаю наизусть:
Знакомы мнѣ и радость ихъ, и грусть,
И все, что въ нихъ дѣйствительно и ложно.

Подъ опытомъ житейскихъ благъ и грозъ
Я все прозрѣлъ, прочувствовалъ, извѣдалъ,
Соблазновъ всѣхъ я сладкій ядъ отвѣдалъ,
Вкусилъ и горечь всѣхъ возможныхъ слезъ.

Что на берегъ одной волны порывомъ
Приносится, уносится другой:
Я испыталъ и зыбь ихъ, и прибой,
Волнуясь ихъ приливомъ и отливомъ.

Все это было, и какъ въ смутномъ снѣ
Мерещатся дневныя впечатлѣнья,
Такъ этихъ дней минувшихъ отраженья
Въ туманныхъ образахъ скользятъ по мнѣ.

Изъ книги жизни временемъ сурово
Всѣ лучшіе повыдраны листы:
Разрозненныхъ ужъ не отыщешь ты
И не вплетешь ихъ въ книгу жизни снова.

Не поздно ли ужъ зачитался я?
Кругомъ меня и сумракъ, и молчанье:
„Еще одно послѣднее сказанье
„И лѣтопись окончена моя“.

DCCLXIX.

Куда дѣвались вы съ своимъ закатомъ яснымъ,
Дни бодрой старости моей!
При васъ ни жалобой, ни ропотомъ напраснымъ
Я не оплакивалъ утраты юныхъ дней.

Нѣтъ, бремя позднихъ лѣтъ на мнѣ не тяготѣло,
Еще я полной жизнью жилъ;
Ни умъ не увядалъ, ни сердце не старѣло,
Еще любилъ я все, что̀ прежде я любилъ.

Не чужды были мнѣ налеты вдохновенья,
Трудъ мысли, свѣтлыя мечты,
И впечатлительность, и жертвоприношенья
Души, познавшей власть и прелесть красоты.

Какъ вѣтръ порывистый ломаетъ дубъ маститый,
Такъ и меня сломилъ недугъ.
Всѣ радости земли внезапной тьмой покрыты
Во мнѣ, и все кругомъ опустошилось вдругъ.

Съ днемъ каждымъ жизни путь темнѣй и безнадежнѣй,
Порвались струны бытія:
Страдающая тѣнь, обломокъ жизни прежней,
Себя, живой мертвецъ, переживаю я.

Изъ жизни уцѣлѣть могли одни мученья,
Ихъ острый ядъ къ груди приросъ.
И спрашиваю я: гдѣ жь благость Провидѣнья?
И нѣтъ отвѣта мнѣ на скорбный мой вопросъ.

DCCLXX.

ЗАМѢТКИ.

1.

ПО СОВРЕМЕННОМУ ЗООЛОГИЧЕСКОМУ ВОПРОСУ.

Орангъ-утангъ ли нашъ Адамъ?
Отъ обезьянъ идемъ ли мы?
Такой вопросъ рѣшать не намъ:
Рѣшатъ ученые умы.

Въ наукѣ неучъ и профанъ,
Спрошу: не больше ль правды **въ томъ,**
Что вовсе не отъ обезьянъ,
А въ обезьяны мы идемъ?

Ученье новое для насъ не безъ изъяна:
Я самъ смущаюсь имъ, какъ ни упрямъ **мой нравъ.**
Посмотришь на иныхъ, и скажешь; Дарвинъ правъ;
Праматерь ихъ и впрямь должна быть обезьяна!

2.

СЛОВО ШАМФОРА.

Мы можемъ комика съ побѣдою поздравить:
Вся публика въ восторгѣ отъ него.
„А сколько дураковъ потребно для того,
Чтобъ публику составить?“

3.

ПО ПОВОДУ НОВЫХЪ ПРІОБРѢТЕНІЙ РОССІЙСКАГО ЯЗЫКА.

Есть слово модное и всѣмъ на вкусъ пришлось:
Всѣ игнорировать пустились вкривь и вкось.
—„Такого слова нѣтъ у Пушкина“.—Такъ что же?
Для насъ ужь Пушкинъ старъ, давай намъ помоложе.
Жуковскій, Батюшковъ все это старина,
Все школа старая временъ Карамзина.
Мы игнорируемъ дѣла ихъ, книги и заслуги,
Ученья новаго поклонники и слуги,
Мы пишемъ на обумъ и чаще безъ ума;
Учиться некогда учителямъ печати:
Врожденныхъ силъ своихъ напрасно не губя,
Мы призваны другихъ учить, а не себя.
Безъ лишняго труда ждетъ генія побѣда,
А всѣ мы геніи отъ а до зеда.
Когда же какъ-нибудь нѣтъ мысли на лицо,
Пускаемъ въ оборотъ мы новое словцо,
Мы любимъ щеголять словъ чужеземныхъ кражей,
Хоть языкамъ чужимъ и плохо учены.
„Богъ въ помощь, господа! Прогресса вы сыны!
„Лингвистики у васъ нѣтъ въ авторской поклажѣ,
„Но игнористикой вы щедро снабжены:
„Вы игнорируете даже,
„Какъ вы въ концѣ концовъ и жалки, и смѣшны!“

4.

ЗАГАДКА.

Есть на землѣ чета родная,
Двойчатки, но въ нихъ сходства нѣтъ:
Одна — красавица, другая —
Уродъ курносый и скелетъ.

Весь міръ имъ данъ на прокормленье.
Одна пируетъ, но въ расплохъ
Придетъ сестра — и все въ мгновенье
Проглотитъ до послѣднихъ крохъ.

5.

Мудрецъ или лѣнтяй, иль просто добрый малый,
Но книгу жизни онъ съ вниманьемъ не читалъ,
Хоть долго при себѣ ее онъ продержалъ.
Онъ перелистывалъ ее рукою вялой,
Онъ мимо пропускалъ мудреныя главы,
Головоломныя для слабой головы:
Онъ равнодушенъ былъ къ ея загадкамъ темнымъ,
Которыя она не кстати иль подъ стать,
Какъ сфинксъ, передаетъ читателямъ нескромнымъ,
Узнать желающимъ, чего не можно знать;
Не подведешь въ итогъ гадательныхъ ихъ чиселъ;
Пытливаго ума не чувствовалъ тоски:
Нѣтъ, этотъ виноградъ ему всегда былъ киселъ,
Онъ не протягивалъ къ нему своей руки.
Простая жизнь его простую быль вмѣщаетъ:
Тянулъ онъ данную природой канитель,
Жилъ, не заботившись провѣдать жизни цѣль,
И умеръ, не узнавъ, зачѣмъ онъ умираетъ.

6.

Лукавый рокъ его обчелъ:
Родился рано онъ и поздно,
Жизнь одиночную прошелъ
Онъ съ современной жизнью розно.

Въ немъ стараго добра былъ кладъ,
Родникъ и будущихъ стремленій;
За то и былъ онъ виноватъ
У двухъ враждебныхъ поколѣній.

„Воздвигъ я памятникъ себѣ!“
Не могъ сказать онъ умирая:
Онъ много выстрадалъ въ борьбѣ,
Но та борьба была глухая.

Къ такой борьбѣ вниманья нѣтъ:
Кто въ глубь души борцу заглянетъ?
Не перекрестится и свѣтъ,
Пока успѣха громъ не грянетъ.

1875 г.

DCCLXXI.

Пробудится ль мой слухъ напѣвами Травьяты,
Въ которыхъ скорбь любви и жалобы утраты
Изъ глубины души рыданьями звучатъ,
Во мнѣ откликнуться и вторить имъ снѣшатъ
Мои сочувствія, мечты, воспоминанья.
Какъ будто въ чудномъ снѣ ихъ силой обаянья
Заблещетъ предо мной въ сіяньи яркомъ дня
Картина, нѣкогда плѣнявшая меня.
Въ дремотѣ чувствъ моихъ есть и тоска, и нѣга,
Въ заглохшей памяти, какъ будто изъ-подъ снѣга,
Цвѣты забытые выглядываютъ вновь,
Цвѣты минувшихъ дней, и прелесть, и любовь.
Вотъ берегъ, залитый небесъ и солнца блескомъ,
Вотъ море синее, своимъ прибрежнымъ плескомъ
И тихимъ говоромъ, иль грохотомъ волны,
Пѣснь, заунывную изъ темной глубины
Поющее въ своей пустынѣ одиночной;
И утренней зарей, и въ сумракъ полуночной
Здѣсь воздухъ льется въ грудь медовою струей.
Все дышетъ нѣгою, все блещетъ красотой.
Край чудный, край тепла, роскошнаго приволья!
Здѣсь пальма стройная и свѣжая магнолья,
Луга пропитаны благоуханьемъ розъ.
Разсадникъ маслинъ здѣсь и виноградныхъ лозъ,
Здѣсь померанцевыхъ деревьевъ лѣсъ душистый,

Серебряный цвѣтокъ и плодъ ихъ золотистый
Изъ зелени густой заманчиво глядятъ;
Какъ разноцвѣтенъ здѣсь и пышенъ дня закатъ.
Вотъ вечеръ. Всѣ въ театръ на празднество искусства:
Слились въ одинъ потокъ и мысли, и всѣ чувства.
На югѣ музыка потреба изъ потребъ,
На югѣ опера душѣ насущный хлѣбъ.
Съ начала царствуетъ безмолвное вниманье,
Вдругъ вздрогнетъ вся толпа, какъ моря колыханье,
Восторгу нѣтъ границъ: восторга южный пылъ,
Рукоплесканій взрывъ всю залу огласилъ,
Восторгамъ, вызовамъ и кликамъ нѣтъ границъ!
И Верди торжество, и торжество пѣвицъ!

Мнѣ чудится, бытьемъ обратнымъ я живу,
Видѣнья прошлыхъ дней мнѣ снятся на яву;
И сердцу тяжело, но сладостнѣе вдвое
Въ затишьи памяти переживать былое
И видѣть въ зѣркальной прозрачности ея
И тѣни прошлаго, и самого себя.
Еще звучитъ во мнѣ младой пѣвицы пѣнье;
Она передо мной: болѣзненность, томленье,
И все, что̀ выстрадать душа ея могла,
Когда весна любви такъ скоро отцвѣла,
Все видится на ней въ слезахъ ея и мукахъ,
И все въ ней слышится въ ея предсмертныхъ звукахъ;
Какъ много страсти въ нихъ и пережитыхъ грезъ,
Утраты, тяжкихъ жертвъ и потаенныхъ слезъ.
Погибшей юности всю повѣсть и всю участь
. . . . . .
Разбитой юности, какъ бурная волна,
Когда въ крутой утесъ ударится она.
Напрасно, въ часъ борьбы послѣдней, предъ порогомъ
Могилы, счастье вновь знакомыхъ благъ залогомъ
Довѣрчивой душѣ блеснуло впереди:
Цѣпь счастья замерла въ надломленной груди;

Какъ порванной струны трепещетъ стонъ печальный,
Какъ пѣсня лебедя, завѣтъ его прощальный,
Такъ чувству одному обрекшая себя
Въ созвучьи и любви угасла жизнь ея.

DCCLXXII.

Какъ сердце, такъ и вашъ мизинчикъ
Не говорятъ вамъ обо мнѣ,
И кажется, вашъ старый приичикъ
У васъ остался въ сторонѣ.

Два мѣсяца онъ, горемычной,
Хворалъ и взаперти сидѣлъ,
И во все время неприлично
Сморкался, кашлялъ и сопѣлъ.

Его унылое сопѣнье
Понять въ васъ сердце не могло:
Меня вы погребли въ забвенье,
И все травою поросло.

Отъ сердца женскаго догадки
Напрасно было бъ старцу ждать,
Подъ старость всѣ надежды шатки,
Подъ старость грустно и желать.

Желанья ваши на просторѣ:
Что вздумаютъ — и будетъ вдругъ;
Мы помнимъ, да и то намъ горе,
А вамъ и помнить недосугъ.

Вамъ — жизни прелесть и веселья,
Приволье, солнце и цвѣты;
Намъ, старикамъ, какъ бы съ похмѣлья,
Постыло все до тошноты.

DCCLXXIII

КРАСИВЫЙ ЭМСЪ.

Красивый Эмсъ съ цѣлебными водами
И зеленью обвитыми скалами,
Какъ свѣжимъ бархатнымъ ковромъ,
И съ тихою, извилистою Ланой,
Струящейся лѣниво подъ охраной
Горъ, оцѣпившихся кругомъ!

Красивый Эмсъ съ ущельями, садами!
Развалины разбросаны вѣками
По крутизнѣ твоихъ вершинъ:
Здѣсь носятся минувшаго преданья,
И здѣсь молвой сбираются сказанья
Для свѣтлыхъ будущихъ былинъ.

Къ тебѣ во дни живительнаго мая
Прекрасный Гость изъ сѣвернаго края
Пришелъ силъ новыхъ почерпнуть:
На немъ лежитъ судебъ народныхъ бремя,
И онъ въ твое приволье, хоть на время,
Пришелъ отъ царства отдохнуть.

Величіе и власть ему не нужны,
Ни высшій санъ, ни блескъ его наружный,
Ни ратныхъ силъ могучій строй:
Ему легко господствовать надъ свѣтомъ
И кротостью, и ласковымъ привѣтомъ,
И сердца теплой добротой.

Изъ всѣхъ даровъ, присвоенныхъ Державѣ,
Изъ всѣхъ путей, ведущихъ къ громкой славѣ,
Онъ избралъ лучшее въ удѣлъ:
Закону далъ быть подданнымъ покровомъ,
Вражду страстей онъ безкорыстнымъ словомъ
И умирилъ, и одолѣлъ!

Красивый Эмсъ, любимый небесами,
Гдѣ здѣсь и тамъ мелькаютъ предъ глазами
Картины чудной красоты!
Цѣлебныхъ благъ придай его здоровью,
И съ нѣжною, признательной любовью
Помянутъ нами будешь ты!

DCCLXXIV.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА.

I.

Стою съ глубокимъ умиленьемъ,
Съ поникнувшимъ отъ думъ челомъ
Предъ поэтическимъ видѣньемъ,
Предъ историческимъ лицомъ.

И развернулась предо мною
Въ суровой истинѣ своей
Съ своей поэзіей живою
Легенда современныхъ дней.

Вчера и слава, и сіянье,
Успѣховъ шумъ и блескъ двора;
Сегодня въ грустное преданье
Сошло прекрасное вчера.

Опъ, знавшій славу, власть и силу,
Міръ переполнившій молвой,
Въ чужой землѣ нашелъ могилу,
Отверженный своей землей.

Волна подъ бурею народной
Взнесла его на пышный тронъ:

Волной другою, съ первой сходной,
Съ престола былъ низринутъ онъ.

Онъ царствамъ далъ судьбу иную,
Европы карту измѣнилъ
И, вызвавъ бурю боевую,
Подъ бурей палъ и опочилъ!

Онъ свыше имя роковое
Въ наслѣдство славное пріялъ:
Въ немъ зрѣлъ онъ знаменье святое
И славолюбьемъ воспылалъ.

Звѣзда его отъ колыбели
Ему свѣтилась впереди,
И голосъ, увлекая къ цѣли,
Твердилъ ему: Иди, иди!

И онъ дошелъ. Но кто постигнетъ,
О Промыслъ, таинства твои?
Счастливецъ зданіе воздвигнетъ
На нескончаемые дни, —

И вспыхнетъ вдругъ подземный пламень,
Вдругъ грозно почву потрясетъ,
Не устоитъ на камнѣ камень,
И зодчій съ зданьемъ въ прахъ падетъ.

Разить ли жертву намъ упрекомъ?
Нѣтъ, пожалѣемъ мы о ней,
Смиряясь молча предъ урокомъ
Властителя земныхъ властей.

II.

Природой призванная къ счастью,
Уже царица красотой,
Она и царственною властью
Была увѣнчана судьбой.

Ей поклонялися народы,
Цари сочувствовали ей,
И торжествомъ и счастьемъ годы
Ей дань платили все щедрѣй.

Ей все цвѣло и улыбалось
Въ пылу кадильницъ и похвалъ;
И солнце къ ней свѣтлѣй ласкалось,
И путь съ днемъ каждымъ расцвѣталъ.

Гдѣ жь лавръ, а съ нимъ и плющъ красивый,
Которымъ нѣжно былъ обвитъ?
Сразили ихъ грозы порывы,
И кто предъ ними устоитъ?

Все рушилось, промчалось мимо!
И мы предъ новою главой
Изъ книги, писанной незримо
Судебъ таинственныхъ рукой.

Вдова супруга и престола,
Мать и державный сирота!
На нихъ набросилась крамола:
Забыли лживыя уста

И святость клятвъ своихъ, и клики
На вызовъ царскій, чтобы вновь
Запечатлѣли власть владыки,
Народный выборъ и любовь.

Нѣтъ, не надежна память черни,
Къ измѣнамъ ей не привыкать.
Вѣнецъ царя былъ не безъ терній:
Въ изгнаньи сынъ, въ изгнаньи мать!

По санъ случайный оправдала
Она сердечной добротой

И часто слезы осушала,
Своей внимательной рукой.

Среди соблазновъ обаянья,
Въ мечтахъ чарующаго сна
Въ ней благости и состраданья
Звучала чуткая струна.

Подъ блескомъ высшаго удѣла,
Съ вѣнцомъ на молодомъ челѣ,
Она душой уразумѣла,
Что есть и скорби на землѣ.

И въ шумѣ жизни были внятны
Ей скорби плачъ и нищеты,
И лучъ отрадно-благодатный
Сходилъ къ нимъ тайно съ высоты.

О, какъ непрочны, хоть и льстивы,
Житейскихъ радостей цвѣты!
Ихъ время коситъ съ нашей нивы
Въ порѣ ихъ лучшей красоты.

Но не страшится увяданья
Добро, души завѣтный цвѣтъ,
Онъ по себѣ благоуханья
Намъ оставляетъ долгій слѣдъ.

Нѣтъ, у царицы въ день крушенья
Не все похитила гроза:
Есть душъ утѣшенныхъ моленья,
Есть благодарности слеза.

И прелесть женская, которой
Отнять не могутъ никогда
Ни гнѣвный рокъ невзгодой скорой,
Ни своевольная вражда,

Еще полна въ ней самовластья:
И если нѣтъ отъ прежнихъ дней
Льстецовъ величества и счастья,
Поклонники еще при ней.

И тѣмъ милѣй для нихъ царица,
Что въ ней досады не видать,
Что плечъ прекрасныхъ багряница
Уже не можетъ осѣнять.

Своею ясностью спокойной,
Кого она не убѣдитъ,
Что почести была достойной,
Что выше почести стоитъ.

Быть можетъ, облакомъ кручина
Подчасъ ложится ей на грудь,
Когда она глядитъ на сына
И на его невѣрный путь.

Свое минувшее отнынѣ
Вдова, покорная судьбѣ,
Хранитъ во внутренней святынѣ
Безропотно въ самой себѣ.

Вѣкъ чудный, вѣкъ волшебный прожитъ!
Всѣхъ благъ земныхъ ей сонъ знакомъ,
Но въ будущемъ ее тревожитъ
Забота нѣжная о немъ,

Что Промыслъ сыну предназначитъ?
Священна матери любовь!
Она и молится, и плачетъ,
И въ сынѣ оживаетъ вновь.

И я съ глубокимъ умиленьемъ
Стою въ раздумiи своемъ
Предъ историческимъ видѣньемъ,
Предъ поэтическимъ лицомъ!

DCCLXXV.

Спрошу: зачѣмъ землетрясенье,
Зачѣмъ холера и чума,
Зачѣмъ тревоги и мученья
Души, и тѣла, и ума?

На свѣтѣ есть одно здоровье,
А всѣхъ болѣзней не сочтешь;
Дается радость подъ условье,
Что ты ее переживешь.

Но скорбь такое достоянье,
Что можешь съ нимъ весь вѣкъ провесть.
Нѣтъ, жизнь не даръ, а наказанье.
Вопросъ: За что? Отвѣтъ: Богъ вѣсть!

Природа мать щедра любовью
На все, что̀ ни къ чему пейдетъ,
И зломъ засѣянная нива
Роскошной жатвою цвѣтетъ.

Все, что̀ не нужно, все, что̀ вредно,
Вездѣ въ обилiи большомъ;
Добро жь такъ рѣдко и такъ бѣдно,
Что добывается съ трудомъ.

DCCLXXVI.

ЗАМѢТКИ, РАКЕТКИ, СИЛУЭТКИ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

1.

Разнесся слухъ про новую потерю:
Изъ сплетниковъ еще нѣтъ одного.
Что умеръ онъ, я тѣмъ охотнѣй вѣрю,
Что эту вѣсть узналъ не отъ него.

2.

Быть можетъ, вытерпѣлъ нашъ авторъ много хлопотъ,
За то всеобщее возмездіе стяжалъ:
Трагедіямъ своимъ единогласный хохотъ.
Когда жъ онъ промѣнять кинжалъ
На кисть фонъ-Визина почувствовалъ охоту,
Стяжалъ комедіямъ во весь театръ зѣвоту.

3.

Игрокъ задорный, рокъ насмѣшливый и злобный
Жизнь и самихъ людей подводитъ подъ сюркупъ;
Способный человѣкъ бываетъ часто глупъ,
А люди умные какъ часто неспособны!

Post-scriptum.

Вотъ, напримѣръ, хотя бы грѣшный я:
Судьбой дилетантизмъ во многомъ мнѣ даровавъ,
Моя по всѣмъ морямъ носилась ладія,
Но берегъ ни одинъ мной не былъ завоеванъ,
И въ мірѣ проскользитъ безслѣдно жизнь моя.
Потомству дальнему народныя скрижали
Объ имени моемъ ничѣмъ не возвѣстятъ;
На дни безплодные смотрю я безъ печали,
И что не славенъ я, въ своемъ смиреньи радъ.
Нѣтъ, слава лестная, но часто злое бремя,
Для слабыхъ мышцъ моихъ та ноша тяжела.
Что̀ время принесетъ, пусть и уноситъ время:
И человѣкъ есть персть, и персть его дѣла.
Я все испробовалъ отъ альфы до іоты,
Но беззаботная и праздная пчела,
Спускаясь на цвѣты, не собиралъ я соты,
А медъ ихъ вынивалъ и въ улей не вносилъ.
„День мой — вѣкъ мой“ всегда моимъ девизомъ былъ,
Но все же, можетъ быть, рожденъ я не напрасно:
Въ семьѣ людей не всѣмъ, быть можетъ, я чужой,
И хоть одна душа откликнулась согласно
На улетающій минутный голосъ мой.

DCCLXXVII.

На взяточниковъ громъ все съ каждымъ днемъ сильнѣй
Теперь гремитъ со всѣхъ журпальныхъ баттарей.
Прекрасно! По дѣломъ! Къ чему спускать пороку?
Хотя и то сказать: въ сихъ залпахъ мало проку,
И какъ ни жарь его картечью общихъ мѣстъ,
Котъ-васька слушаетъ да преспокойно ѣстъ.
Фонъ-Визина слыхалъ, слыхалъ онъ и Каннпста,
И мало ли кого? Но шикапья и свиста
Ихъ колкихъ эпиграммъ не убоялся котъ,
Все также жиренъ онъ и хорошо живетъ.
Конечно, къ деньгамъ страсть есть признакъ ненавистный,
Но сами, господа, вы вовсе ль безкорыстны?
Не гнетесь ли и вы предъ золотымъ тельцомъ?
И чисты ль вы рукой, торгующей перомъ?
Кто споритъ! Взяточникъ есть человѣкъ презрѣнный,
Но сребролюбія недугомъ омраченный
Писатель во сто разъ презрѣнпѣй существо.
Даръ слова—Божій даръ, онъ въ торгъ пустилъ его.
Свой благородный гнѣвъ, и скорбь, и желчь, и слезы,
Все цѣпитъ опъ, торгашъ, по таксѣ риомъ и прозы.
Сей изрекаемый надъ грѣшниками судъ,
Сей проповѣдникъ нашъ, сей избранный сосудъ,
Который такъ скорбитъ о каждой нашей язвѣ,
Никакъ опъ не прольетъ цѣлебной капли,—развѣ
За деньги чистыя, чтобы купить на нихъ
Чѣмъ утолить задоръ всѣхъ алчностей своихъ.

DCCLXXVIII.

ПАМЯТИ М. П. ПОГОДИНА.

Еще нѣтъ одного изъ спутниковъ, когда-то
Отправившихся въ жизнь на подвигъ и на трудъ;
Паломники свою хоругвь держали свято,
И каждый бодро несъ завѣтный свой сосудъ.

Кругомъ земля цвѣла и на небѣ свѣтѣло:
День майскій разсвѣталъ въ прозрачной синевѣ,
И каждый шелъ впередъ восторженно и смѣло
Съ надеждою въ груди и думой въ головѣ.

Въ дали таинственной, въ краю обѣтованномъ
У каждаго была мечта и цѣль своя,
Но породнила всѣхъ въ служеньи постоянномъ
Единодушная и дружная семья.

Не знали зависти, однимъ соревнованьемъ
Горѣли доблестно свободныя сердца:
И каждаго успѣхъ былъ общимъ достояньемъ,
И братьевъ озарялъ блескъ братскаго вѣнца.

Въ дни трудные они другъ друга выручали,
Вносили въ свой союзъ всѣ помыслы свои:

Кто старше былъ, тому довѣрчиво внимали,
А младшихъ старшіе съ любовью берегли.

Все было въ той порѣ заманчиво и ново:
Духъ свѣжій обхватилъ сподвижниковъ младыхъ.
Въ народѣ отзывъ былъ на каждое ихъ слово,
Заслушивался онъ рѣчей и пѣсней ихъ.

Прекрасенъ былъ тотъ день, и путь тотъ былъ прекрасенъ.
Струей обильной жизнь лилась въ младую грудь;
Казалось, до конца день этотъ будетъ ясенъ,
Казалось, до конца падеженъ будетъ путь.

И гдѣ жь сей свѣтлый день надеждами богатый?
Затмился онъ въ тѣни ненастныхъ облаковъ,
И этотъ свѣтлый путь усѣяли утраты,
И многихъ не слыхать знакомыхъ голосовъ.

Такъ пали многіе, не доходя до цѣли,
Не довершивъ труда, который созрѣвалъ;
И грустно старшіе подъ бурей уцѣлѣли,
Когда жестокій вихрь за вѣтвью вѣтвь срывалъ.

И онъ, жрецъ-труженикъ науки, посвятившій
Ей плодотворные и многіе года,
Былъ бодрой юности до старости хранившій,
Палъ доблестнымъ бойцомъ на поприщѣ труда.

На голосъ родины всѣ чувства въ немъ звучали,
Онъ родину любилъ и въ мертвыхъ, и въ живыхъ;
Съ любовью провѣрялъ народныя скрижали,
Не гордо мудрствуя, а вслушиваясь въ нихъ.

На старца падали кощунства молодежи,
Самонадѣянной въ тщеславіи своемъ,
Но онъ не унывалъ и, вѣря въ Промыслъ Божій,
Шелъ твердо, съ юныхъ лѣтъ предъизбраннымъ путемъ.

Онъ былъ изъ тѣхъ временъ и твердъ былъ тѣмъ закаломъ,
Что бранью пошлою встревоженъ быть не могъ:
Судъ равныхъ былъ ему судомъ передъ зерцаломъ.
Но наглыхъ лжесудей онъ вопли препебрегъ.

Въ вопросахъ дня, въ шуму житейскихъ треволненій
Горячимъ былъ и онъ участникомъ въ борьбѣ,
Но не заискивалъ чужихъ страстей и мнѣній:
Онъ ошибаться могъ, но вѣренъ былъ себѣ.

Онъ современникъ былъ плеяды лучезарной,
Созвѣздья свѣтлаго онъ самъ звѣздою былъ.
Почтимъ же памятью глубоко-благодарной
Почившаго въ семьѣ родныхъ ему могилъ.

1876 г.

DCCLXXIX.

ГРАФИНѢ ТОЛЬ.

Во имя Фауста и Гретхенъ, въ память Гёте,—
О Мефистофелѣ грѣшно и поминать—
Я снова встрѣтилъ васъ: а жизнь въ своемъ полетѣ
Успѣла много дней и радостей умчать.

Но я состарѣлся, а вы похорошѣли,
Одѣлась ваша жизнь и цвѣтомъ, и плодомъ,
И чувства свѣжія вы уберечь умѣли
Съ нажитымъ опытомъ и зрѣющимъ умомъ.

Въ краю поэзіи, гдѣ процвѣталъ когда-то
Зеленый лавръ и миртъ великаго пѣвца,
Мы съ вами справили по немъ поминки свято,
И въ насъ на пѣснь его откликнулись сердца.

Картиной вымысловъ мы любовались съ вами.
Въ нашъ позитивный вѣкъ мечтаній жаждетъ грудь,
И убаюканнымъ преданьями и снами
Въ тѣни минувшаго намъ сладко отдохнуть.

Я радъ, что встрѣтилъ васъ, хотя подъ чуждымъ кровомъ,
Что въ дальней сторонѣ сошлись мы, земляки,

Что обмѣнялись мы роднымъ, сердечнымъ словомъ
И молча дружескимъ пожатіемъ руки.

Примите мой привѣтъ, а, можетъ быть—прощанье,
Но близокъ-ли, иль нѣтъ, таинственный мой срокъ,
О свѣтломъ Веймарѣ, о васъ воспоминанье
Внесется мной, какъ перлъ, въ сердечный мой вѣнокъ.

DCCLXXX.

ИЗЪ СОБРАНІЯ СТИХОТВОРЕНІЙ: ХАНДРА СЪ ПРОБЛЕСКАМИ.

1.

Я ночью пью хлоралъ запоемъ,
Привыкшій къ яду Митридатъ,
Чтобъ усладить себя покоемъ
И сномъ, хоть взятымъ на прокатъ.

Мнѣ въ тягость жизнь, хочу забыться,
Хочу не знать, что я живу,
Хочу отъ жизни отрѣшиться
И отъ всего, что̀ на яву.

Ничтожества сонъ непробудный,
Затишье по тревожномъ днѣ,
Возмездьемъ будь за подвигъ трудный,
За жизнь, столь тягостную мнѣ.

2.

И жизнь, и жизни всѣ явленья
Мнѣ чудятся какъ въ смутномъ снѣ,
Болѣзненно всѣ впечатлѣнья
Перерождаются во мнѣ.

Скучаю прежнимъ я весельемъ,
Сержусь на то, что̀ я любилъ:
Недугъ какимъ-то горькимъ зельемъ
Мои всѣ чувства отравилъ.

Во мнѣ идетъ съ ожесточеньемъ
Борьба враждебныхъ двухъ началъ:
Умъ не скудѣетъ размышленьемъ,
Но воли нѣтъ, но духъ упалъ.

Разумнымъ и пытливымъ взоромъ
Я на борьбу свою гляжу,
И самъ, какъ вчужѣ, я дозоромъ
За нею пристально слѣжу.

Себя сознательнымъ упрекомъ
Я осужденью предаю,
Но судъ не дѣйствуетъ урокомъ
На немощь и тоску мою.

Въ моемъ сознаньи проку мало,
Въ немъ добрыхъ силъ не почерпнуть;
Оно лишь новое мнѣ жало
И такъ въ уязвленную грудь.

Своихъ страданій рабъ послушный,
Не спорю съ ними, не борюсь:
Нѣтъ, я, какъ воинъ малодушный,
Безъ боя въ плѣнъ имъ отдаюсь.

3.

Чувствъ одичалыхъ и суровыхъ
Гнѣздилище душа моя:
Я ненавижу всѣхъ здоровыхъ,
Счастливцевъ ненавижу я.

Въ нихъ узнаю свои утраты,
И мнѣ сдается, что они —
Мои лихіе супостаты
И разорители мои,

Что подъ враждебнымъ мнѣ условьемъ,
Съ лицомъ насмѣшливымъ и злымъ,
Они живутъ моимъ здоровьемъ
И счастьемъ, нѣкогда моимъ.

4.

Меня за книгу засадили,
Съ трудомъ читается она:
Въ ней смѣсь и вымысловъ, и были,
Плохъ вымыселъ и быль скучна.

Какъ много въ книгѣ опечатокъ,
Какъ много непонятныхъ мѣстъ!
Силъ и охоты недостатокъ
Читать ее въ одинъ присѣстъ.

Предъ догорающей лампадой
И въ ожиданьи темноты
Читаю съ грустью и досадой
Ея послѣдніе листы.

Все это опытъ, увѣряютъ,
Терпѣнье надобно имѣть,
И въ ободренье обѣщаютъ,
Что будетъ продолженье впредь.

Благодарю! Съ меня довольно!
Такъ надоѣлъ мнѣ первый томъ,
Что мнѣ впередъ и думать больно,
Что вновь засяду на второмъ.

5.

Я—прозябаемаго царства:
Мнѣ нужны воздухъ, солнце, тѣнь,
На жизнь и всѣ ея мытарства
Работать мнѣ тоска и лѣнь.

Въ юдоли сей трудовъ и плача
Заботы, жертвы и борьба—
Головоломная задача,
А голова моя слаба.

Скажу со скорбью и упрекомъ:
Не приспособленъ я къ борьбѣ,
И сотворенъ я человѣкомъ
На зло природѣ и себѣ.

Нѣтъ, я—растительнаго царства,
Питаюсь теплымъ блескомъ дня,
А жизнь и всѣ ея мытарства,
Непроходимы для меня.

6.

Жизнь коротка, но въ ней не все же скоротечно:
Намъ измѣняютъ дни, но память намъ вѣрна,
И въ темномъ небѣ нашемъ путь свой млечной
Звѣздами золотитъ она.

Одинъ цвѣтокъ ростетъ на рубежѣ могилы—
Воспоминаніе: онъ старости цвѣтокъ,
Благоухающій и неизмѣнно милый,
Вплетаться любитъ онъ въ нашъ старческій вѣнокъ.

Воспоминаніе—чарующій напитокъ;
И посреди опорожненныхъ чашъ,

Отъ пиршествъ молодыхъ оставшійся избытокъ,
Струей отрадной вновь онъ льется въ кубокъ нашъ.

Да здравствуетъ минувшее! Вотъ наша
Пѣснь лебединая, прощальное ура!
Счастливы юноши! Надѣйтесь: завтра—ваше,
А наша собственность—вчера.

И неотъемлема она, пока мы живы;
И съ жатвой въ будущемъ мы вамъ передаемъ
И нами вспаханныя нивы,
И память, и преданье о быломъ.

7.

Цвѣтокъ.

Зачѣмъ не увядаемъ мы,
Когда часъ смерти наступаетъ,
Какъ съ приближеніемъ зимы
Цвѣтокъ спокойно умираетъ?

Къ нему природы благъ законъ,
Ему природа мать родная:
Еще благоухаетъ онъ,
Еще красивъ и увядая.

Его изсохшіе листки
Еще хранятъ свой запахъ нѣжной,
Онъ даръ намъ памятной руки
Въ день слезъ разлуки безнадежной.

Его мы свято бережемъ
Въ завѣтной книгѣ думъ сердечныхъ,
Какъ вѣсть, какъ пѣсню о быломъ
О дняхъ такъ грустно-скоротечныхъ.

Для насъ онъ памятникъ живой,
Хотя онъ жизнью ужь не дышетъ,
Не вспрыснутъ утренней росой
И въ полночь соловья не слышитъ.

Какъ съ другомъ, съ нимъ мы говоримъ
О прошломъ намъ родномъ и общемъ,
И молча вмѣстѣ съ нимъ грустимъ
О счастьѣ, ужь давно усопшемъ.

Цвѣтку не тяжекъ смертный часъ:
Сегодня насъ онъ блескомъ манитъ,
А завтра намъ въ послѣдній разъ
Онъ улыбнется и увянетъ.

А насъ и корчитъ, и томитъ
Болѣзнь предъ роковой могилой,
Намъ дикимъ пугаломъ грозитъ
Успенья геній бѣлокрылой.

Мертвящій холодъ въ грудь проникъ,
Жизнь одичала въ мутномъ взорѣ,
Обезображенъ свѣтлый ликъ
Друзьямъ и ближнимъ въ страхъ и горе.

А тамъ насъ въ тѣсный гробъ кладутъ,
Опустятъ въ мраки подземелья
И сытной пищей предадутъ
Червямъ на праздникъ новоселья.

Въ предсмертныхъ мукахъ и въ борьбѣ
Неумолимой, безпощадной,
Какъ позавидую тебѣ,
Цвѣтокъ мой пепаглядной!

Будь ласковой рукой хранимъ,
Загробнымъ будь моимъ преданьемъ,
И въ память мнѣ друзьямъ моимъ
Еще повѣй благоуханьемъ.

8.

„Что выѣхалъ въ Ростовъ".

И. Дмитріевъ.

„Такой-то умеръ"—что жь? Онъ жилъ да былъ и умеръ.
Да, умеръ! Вотъ и все. Всѣмъ жребій намъ таковъ.
Изъ книги бытія одинъ былъ вырванъ нумеръ,
И въ книгу внесено, что „выѣхалъ въ Ростовъ".
Мы всѣ попутчики въ Ростовъ. Одинъ поранѣ,
Другой такъ попозднѣй, но всѣмъ почлегъ одинъ,
Есть подорожная у каждаго въ карманѣ,
И похороны всѣмъ послѣдствіе крестинъ.
А послѣ? Вотъ вопросъ. Какъ знать, зачѣмъ пришли мы,
Зачѣмъ уходимъ мы? На всемъ лежитъ покровъ,
И думаютъ себѣ земные пилигримы,
А что-то скажетъ намъ загадочный „Ростовъ"?

9.

Вхожу съ надеждою и трепетомъ въ твой храмъ,
Хочу я волю дать молитвѣ и слезамъ.
О, да исправится молитва предъ Тобою,
Какъ изъ кадильницы Тебѣ моей рукою
Возженный чистый ониміамъ,
Вечерней жертвы приношенье.
Боецъ уязвленный, томлюсь я битвой дня:
Въ Твое убѣжище, въ Твое упокоенье,
Прими, о Господи, меня.

10.

Ужъ падаютъ желтые листья
И воздухъ прозрачный свѣжѣй,
На землю спускается вечеръ
Все раньше, съ днемъ каждымъ темнѣй.

Прощайте, прекраснаго лѣта
Цвѣтущіе яркіе дни!
Какъ были они благодатны!
Какъ быстро промчались они!

Такъ съ жизнью прощается старость,
И молча, поникнувъ челомъ,
При вянущихъ мысляхъ и чувствахъ
Горюетъ о лѣтѣ своемъ.

Прощайте вы, радости жизни,
Надежды, желанья, мечты,
Вы, бодрыя, свѣтлыя думы,
Вы, нивы житейской цвѣты!

И старецъ въ печальномъ раздумьѣ
Глядитъ на сходящую тѣнь,
На желтые, павшіе листья,
На близкій послѣдній свой день.

DCCLXXXI.

ПРИВЫЧКА.

Я въ жизни не люблю крутого перелома,
Тревожно не ищу все лучшаго добра,
Въ лѣнивой мудрости и на людяхъ, и дома
Хочу сегодня жить, какъ прожилъ я вчера.

За счастьемъ не гонюсь, когда бъ и вѣрилъ счастью:
Не по лѣтамъ моимъ о счастьѣ помышлять.
Когда придетъ пора осеннему ненастью,
Жаровъ и яркихъ дней іюльскихъ можно ль ждать?

Все счастіе мое—привычка и привычка;
Печально счастіе моихъ печальныхъ дней:
Когда бы въ клѣткѣ былъ я запертая птичка,
Мнѣ было бъ тяжело не оставаться въ ней.

Привычка въ ласку мнѣ, и я ее лелѣю.
Другъ съ другомъ мы сжились, какъ съ матерью дитя,
И убаюканный кормилицей моею,
Подъ пѣснь обычную дремлю и нѣжусь я.

Подъ женскимъ образомъ съ привѣтливой улыбкой
Привычки сѣти насъ пріютнѣй въ плѣнъ берутъ.

Тутъ нѣтъ любви: любовь растетъ на почвѣ зыбкой;
Привычка, цвѣтъ, и сокъ, и корни въ глубь идутъ.

Но люди и судьба мнѣ не даютъ покоя:
Примкну ль къ чему-нибудь—они забьютъ въ набатъ.
Тревога! Все вверхъ дномъ! Бѣги на мѣсто боя,
И жизнь срываетъ съ плечъ обычный свой халатъ.

Жизнь сызнова начни: легко сказать, а трудно
Ткань новую заткать, и также мудрено
Приняться вновь за цѣль, когда въ лампадѣ скудно,
Чуть пламя теплится, а на дворѣ темно.

DCCLXXXII.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ЛЕГЕНДА СО СЛОВЪ ФИГАРО.

У Эмиля Жирардена
Былъ съ визитомъ Адлербергъ;
Хоть и тугъ онъ на движенья,
Зва его онъ не отвергъ.

Гостя ждетъ петербѣливо
Стряпчій всѣхъ журпальныхъ дѣлъ,
И въ Парижъ нашъ графчикъ живо
Изъ Ливадіи поспѣлъ.

И въ кафтанѣ онъ съ иголки,
Весь въ цвѣтахъ и весь въ шелкахъ,
Онъ въ парадной треуголкѣ,
И въ короткихъ онъ штанахъ.

(Попрошу я фотографа
Выслать графскій медальонъ:
Любопытно видѣть графа,
Какъ въ штанахъ затянутъ онъ).

„Ваша ль подпись?“ вопрошаетъ
Растерявшись журналистъ,

И онъ графу представляетъ
Вздоромъ начиненный листъ.

Много ль преній, пересуда
Было тутъ? Молчитъ молва.
Но сдается мнѣ покуда,
Что мораль ихъ такова:

Жирарденъ попалъ въ витіи,
Публицистъ онъ и острякъ,
Но коснется ль до Россіи,
Вотъ и Жирарденъ — дуракъ.

DCCLXXXIII.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Бывало сырною недѣлей,
Во дни балетовъ и блиновъ,
Еще я нѣжусь на постели,
А ужь фельдъегерь тутъ готовъ.

Онъ благосклонным царскимъ словомъ
На утренній спектакль зоветъ,
Гдѣ съ каждымъ днемъ въ волшебствѣ новомъ
Міръ баснословный возстаетъ.

Картина за картиной блещетъ,
И въ полдень, при лучахъ луны,
Фонтанъ зимой струями плещетъ
И вѣетъ нѣгою весны.

Несутся музы на папѣвы,
И вереницею живой
Порхаютъ молодыя дѣвы,
Какъ свѣтлыхъ сновидѣній рой.

Движенья нѣжны ихъ и гибки,
Печать молчанья на устахъ...

Но есть поэзія улыбки,
Но есть поэзія въ ногахъ!

Все помню, старый грѣховодникъ,
Все радужно рябитъ въ глазахъ;
И какъ въ тюрьмѣ своей колодникъ
Груститъ о прежнихъ вольныхъ дняхъ,

Такъ и меня въ ночи безсонной
Беретъ отчаянье и злость,
Какъ вспомню, какъ во время оно
И я былъ масляничный гость.

Въ тоскѣ моей, въ пылу задоровъ,
Еще мнѣ въ уши отдаетъ,
Какъ громогласно князь Суворовъ
Хохочетъ и въ ладоши бьетъ.

Предамся весь очарованью —
Искусство, роскошь, красота!
Мечтаешь,—тутъ же за мечтаньемъ
И воплощается мечта.

И вдругъ я забываться стану,
Ужь дремлется во слѣдъ мечтамъ,
Не знаешь, вѣрить ли обману?
Не знаешь, вѣрить ли глазамъ?

DCCLXXXIV.

Всегда мы черезъ край переполняемъ чашу;
Въ натурѣ нашей нѣтъ, чтобъ въ мѣру намъ хлебнуть.
Всегда запоемъ тѣшимъ нашу
Широко жаждущую грудь.

Способны вызывать въ театрѣ мы Жюдику
Пятнадцать, двадцать, сорокъ разъ,
Пока ужь не совсѣмъ собьемся съ панталыку,
Или потухнетъ въ залѣ газъ.

Событья ль на другой театръ насъ переносятъ,
Все тотъ же въ насъ задоръ и тотъ же буйный крикъ.
„Что горячитесь вы?“ нечаянно ль насъ спросятъ, —
Мы путаться начнемъ и станемъ мы въ тупикъ.

Путемъ добра, путемъ ошибокъ
Бѣжимъ мы, голову и чувства очертя;
Мужать умѣемъ мы въ пылу житейскихъ сшибокъ,
Но осмотрительность нужна ли, мы—дитя!

Мы часто для другихъ загадка,
За тѣмъ, что и себѣ загадка мы подъ часъ.
Нѣтъ въ нашихъ доблестяхъ провѣрки и порядка,
И въ нашихъ немощахъ сознанья нѣтъ у насъ.

Намъ, будто личнымъ намъ, особымъ провидѣньемъ
Къ таинственнымъ судьбамъ проложенъ темный слѣдъ.
Какъ часто промахъ нашъ бываетъ намъ спасеньемъ!
Какъ часто нашъ успѣхъ бываетъ намъ во вредъ!

Намъ чужды общіе законы и преданья,
Не отъ Адама мы ведемъ свой родъ и вѣкъ;
Днемъ раньше или днемъ позднѣе мірозданья
Былъ созданъ русскій человѣкъ.

DCCLXXXV.

ЗАМѢТКИ.

1.

Чего-то нѣтъ въ его натурѣ,
И это „нѣтъ“ одна изъ главныхъ въ немъ примѣтъ:
Нѣтъ жизни у него въ литературѣ,
Литературы въ жизни нѣтъ.

2.

„Скажи, какъ могъ попасть ты въ либералы?“
Да такъ пришлось, судьбы не побѣдить:
Нѣтъ ни гроша, къ тому жь и чинъ мой малый,
Такъ чѣмъ же мнѣ прикажете вы быть?

3.

Съ его ль душонкою свободѣ цѣну знать?
Вотъ онъ и шляется мишурнымъ либераломъ,
Боится краснымъ быть, чтобъ не пугалась знать,
И пишетъ подъ тишкомъ статьи въ журналѣ аломъ.

4.

Съ одними бѣлъ онъ, то-есть, зеленъ,
Какъ форменный мундирный фракъ;

Съ другими также пустомелепъ,
Но красенъ, какъ вареный ракъ.

5.

Разнообразной остротою
Не блещетъ русскій фельетонъ:
Онъ туповатъ, за то порою
Ужасно неприличенъ онъ.
Для мысли не найдешь пожнвы
Въ его бездонной болтовнѣ,
А только подписи игривы,
И всѣ изъ азбуки онѣ.
Игреки, иксы такъ и рвутся,
Толкуютъ, рядятъ, судятъ зря,
Такъ пусть они и парекутся —
Фельетонисты букваря.

6.

Не говорю, что я пишу умно,
Не говорю: пишу по европейски,
Но говорю, что врешь ты все одно,
Но говорю, что пишешь по халдейски.

7.

Судьба насъ за носъ водитъ всѣхъ,
То насъ лаская, то дурача;
Вотъ выпала и мнѣ на грѣхъ
Довольно трудная задача.
Верчусь въ неправильномъ кругу
И средоточья не имѣю:
Быть молодымъ ужь не могу,
А старымъ быть я не умѣю.

8.

Ударомъ молніи растрескается камень,
А сердце старое, забывшее любовь,
Отъ вашихъ черныхъ глазъ—такъ всемогущъ ихъ пламень—
Забьется и тайкомъ задумается вновь.

1877 г.

DCCLXXXVI.

Въ воспоминаніяхъ ищу я вдохновенья,
Одною памятью живу я наизусть;
И радости мои не чужды сожалѣнья,
И мнѣ отрадою моя бываетъ грусть.

Жизнь мысли въ нынѣшнемъ, а сердца жизнь въ минувшемъ.
Средь битвы я одинъ изъ братьевъ уцѣлѣлъ:
Кругомъ умолкнулъ бой, и на полѣ уснувшемъ
Я занятъ набожно прибраньемъ братскихъ тѣлъ.

Хоть мертвые, но мнѣ они живые братья:
Ихъ жизнь во мнѣ, ихъ дней я пасмурный закатъ,
И ждутъ они, чтобъ въ нхъ загробныя объятья
Припалъ ихъ старый другъ, ихъ запоздавшій братъ.

DCCLXXXVII.

ПОМИНКИ.

Когда, въ часъ сумерекъ, перечислять мы станемъ
Друзей, ужь выбывшихъ изъ нашего кружка,
И имя мы одно, межь прочими, помянемъ,
У всѣхъ, какъ на заказъ, сорвется съ языка:

„Такихъ людей, какъ онъ, уже не встрѣтишь болѣ!“
Онъ дня блестящаго прекрасный былъ закатъ,
Онъ былъ послѣдній цвѣтъ въ благоухавшемъ полѣ,
И съ нимъ погасъ его и блескъ, и ароматъ.

И нынѣ есть цвѣты: земля не оскудѣла;
Есть люди, коими гордиться можетъ свѣтъ,
Но какъ-то все не то: жизнь будто устарѣла,
Нѣтъ въ ней той свѣжести и простодушья нѣтъ.

Нашъ вѣкъ—спесивый вѣкъ: онъ смотритъ педагогомъ,
Указкой школьниковъ своихъ по пальцамъ бьетъ.
Онъ мало чувствуетъ, витійствуетъ о многомъ,
Онъ сочиняетъ жизнь, а жизнью не живетъ.

Нашъ другъ не славился ни громкою войною,
Ни мирнымъ торжествомъ зиждительныхъ трудовъ,

И вѣщая молва стоустной болтовнею
Не прокричитъ о немъ въ исторіи вѣковъ.

Скромнѣй былъ путь его: онъ въ жизни шелъ проселкомъ.
Но сей проселокъ былъ и свѣтелъ, и красивъ;
И любовался онъ прогулкой тихомолкомъ,
И попросту былъ мудръ, и попросту счастливъ.

Любезный человѣкъ и человѣкъ любимый:
— Вся біографія его въ стихѣ одномъ —
Онъ сталъ незамѣнимъ, какъ былъ необходимый;
Какъ дорожили имъ, такъ сѣтуемъ о немъ.

Онъ старостою былъ, душой и запѣваломъ
Бесѣдъ аттическихъ и дружескихъ трапезъ,
Съ Жуковскимъ чокался онъ пѣнистымъ бокаломъ,
И съ Пушкинымъ въ карманъ онъ за словомъ не лѣзъ.

Разсѣянностью насъ до смѣха онъ забавилъ:
Его промолвокъ всѣхъ былъ перечень великъ;
Намъ нравилось и то, что мило онъ картавилъ,
Что на бекрень подчасъ надѣтъ на немъ парикъ.

Природа съ щедростью любимца надѣлила
И многихъ въ немъ даровъ посѣяла залогъ,
Но жизнь безпечная не всѣ ихъ въ ростъ пустила:
Иные онъ забылъ, другіе пренебрегъ.

Онъ не любилъ борьбы, не выносилъ онъ скуки;
Онъ жизни упростилъ затѣйливый вопросъ,
Онъ дилетанте былъ искусства и науки,
И въ жизнь изящную дилетантизмъ онъ внесъ.

До невозможности онъ былъ разнообразенъ,
Въ немъ съ зрѣлой осенью еще цвѣла весна,
Но многострунный міръ былъ общимъ строемъ связанъ,
И нота вѣрная во всемъ была слышна.

Всего прекраснаго поклонникъ иль сподвижникъ,
Онъ въ книгѣ жизни всѣ перебиралъ листы:
Былъ мистикъ, теософъ, пожалуй, чернокнижникъ
И нѣжный трубадуръ подъ властью красоты.

Равно въ масонскую и въ оперную ложу
Былъ вхожъ онъ: и вездѣ былъ дома, былъ онъ свой.
Въ немъ старой Франціи могли признать вельможу,
Онъ польскій былъ магнатъ и русскій коренной.

Закуривался онъ съ профессоромъ нѣмецкимъ,
Съ нимъ заносился въ даль заоблачныхъ границъ.
Для дѣтства могъ бы онъ у насъ быть новымъ Бецкимъ
Иль быть директоромъ танцовщицъ и пѣвицъ.

Все было для него средою благодарной:
Въ немъ отыскался бы и тонкій дипломатъ,
Энциклопедіи ручной и популярной
Онъ сокращенный былъ и щегольской форматъ.

Способный въ споръ вступать съ раввиномъ о талмудѣ,
Съ Россини, какъ знатокъ, Моцарта оцѣнить,
Съ врачемъ про мозгъ спинной, про тифъ и о простудѣ,
Какъ будто врачъ, онъ самъ могъ съ толкомъ говорить.

Былъ легкомысленъ онъ, былъ и сосредоточенъ,
Съ прибрежья наблюдалъ житейскихъ волнъ игру;
Легко забывчивый, былъ аккуратно точенъ
Онъ въ часъ обѣденный и на призывъ къ добру.

Тутъ лѣни не было, раздумья и отсрочки.
Былъ онъ и бодръ, и скоръ на добрыя дѣла,
И къ ближнему любовь, безъ пышной оболочки,
Души его святымъ сокровищемъ была.

Всемірной ярмаркой и выставкой всесвѣтной
Былъ кабинетъ его, открытый настежь всѣмъ:
Кто приносилъ туда залогъ мечты завѣтной,
Кто мысль, кто плодъ труда, кто приходилъ ни съ чѣмъ.

Актеръ, магнетизеръ, мыслитель величавой,
Скрипачъ, и букинистъ, и теноръ, и хирургъ,
И всѣ искатели, которые за славой
Да и за деньгами тѣснятся въ Петербургъ,

Всѣ проявлялись здѣсь на пробѣ и поклонѣ;
Здѣсь былъ ихъ первый шагъ съ задаткомъ на успѣхъ;
Хозяинъ ласковый, въ домашнемъ Вавилонѣ
Умѣлъ все выслушать и надоумить всѣхъ.

Онъ, свѣтскій человѣкъ во всемъ значеньи слова,
Любилъ и тишину, и пѣгу сельскихъ дней:
Заслушивался онъ, какъ шепчется дуброва,
Заглядывался онъ на свѣжій блескъ полей.

Помѣщикъ, занятъ былъ онъ жатвой и цвѣтами,
Здѣсь рощу онъ сажалъ, тамъ мостъ спѣшилъ навесть,
Любилъ и въ дальный лѣсъ ходить онъ за грибами,
Особенно жь любилъ ихъ подъ сметаной съѣсть.

Онъ царедворецъ былъ, но въ причетѣ придворныхъ
Умѣлъ быть самъ собой въ чести и вопіяхъ,
Не расточалъ царямъ словъ приторно-притворныхъ,
Онъ былъ Горацiемъ у Августа въ гостяхъ.

На жизненномъ пути, тернистомъ и невѣрномъ,
Онъ мудрость съ радостью любезно сочеталъ,
Онъ розы Пестума опрыскивалъ фалерномъ,
Онъ былъ поэтъ, хотя стиховъ не сочинялъ.

Приписка.

Вамъ, знавшимъ подлинникъ и, слѣдственно, любившимъ,
Вамъ слабый снимокъ мой мнѣ хочется поднесть.
Люблю я вѣсть давать сердцамъ уже отжившимъ,
Какъ будто и отъ нихъ откликнется мнѣ вѣсть.

Вы угадаете ль портретъ мой безымянной?
Иль я другой „Ефремъ, россійскихъ странъ маляръ“,
Который нѣкогда своей мазилкой странной
„Кузьму писать Лукой“ имѣлъ особый даръ [1]).

Нѣтъ, не на кисть свою, не на свое искусство
Надѣюсь, а на Васъ, на Вашъ сердечный судъ,
На память чуткую, на смѣтливое чувство:
Къ загадочнымъ чертамъ очи и ключъ найдутъ.

На милый прахъ кладу и кипарисъ, и розы,
Дань теплыхъ чувствъ моихъ, но оскудѣвшихъ силъ,
И въ своенравный стихъ, съ улыбкою сквозь слезы,
Я внесъ, что чувствую, что помню, что любилъ.

---

[1]) Эпиграмма Дмитріева.

DCCLXXXVIII.

ВЕСНА 1877 ГОДА.

(ВО ВРЕМЯ ПРОГУЛКИ ПѢШКОМЪ).

Опять все зелено, земля помолодѣла,
Тепломъ и нѣгою повѣялъ свѣтлый день,
Узорчатымъ ковромъ весна луга одѣла,
И такъ и чуется, что зацвѣтетъ сирень.

Природа радостной улыбкой міръ ласкаетъ,
Какъ матерь пѣжная и полная заботъ
Передъ младенцемъ грудь съ любовью обнажаетъ,
Когда проснется онъ и къ ней съ любовью льнетъ.

Все встрѣтило весну веселымъ трепетаньемъ;
Весь міръ растительный, вся дышущая тварь;
Благоуханными цвѣтами и сіяньемъ
Земля украсилась, какъ праздничный алтарь.

А люди? Нѣтъ, они весны не разумѣютъ!
Ожесточились въ нихъ и чувства, и умы;
Природы голоса въ нихъ глохнутъ и нѣмѣютъ,
Лучъ Божій не пройметъ сгустившейся въ нихъ тьмы.

Напрасно къ нимъ весна ласкается съ любовью;
Весна для нихъ нужна, чтобы зачать войну,

Чтобъ нивы Божія залить горячей кровью,
Чтобъ возмутить полей и весей тишину,

Чтобы предать огню несчастныхъ жертвъ жилища,
Чтобъ слушать битвы шумъ и братьевъ вопль и стонъ,
Чтобъ землю претворить въ открытыя кладбища,
Гдѣ трупамъ братьевъ нѣтъ ни слезъ, ни похоронъ.

Нѣтъ, не для нихъ весна роскошествуетъ снова
И Божій людъ зоветъ на свой семейный пиръ!
Нѣтъ, не для нихъ любовь Евангельскаго Слова
Намъ проповѣдуетъ смиреніе и миръ.

Тамъ, на поляхъ весны кровь братьевъ ужь дымится!
Вотъ отъ чего и здѣсь красивая весна
Печальной думою мнѣ на душу ложится,
И скорбью вся душа моя возмущена.

Мнѣ грустно за Царя, мнѣ за Россію больно,
Грущу и за нее, цвѣтущую весну:
Миръ, Божью благодать, встревожили крамольно
Братоубійственнымъ воззваньемъ: на войну!

Вы, лжеапостолы, апостолы убійства,
Вы, именемъ Христа, съ крестомъ Его въ рукахъ,
Вы ухищреньями преступнаго витійства
Стремитесь возбуждать одну вражду въ сердцахъ!

Вы опозорили святое слово: братство.
Не только что любовь, и жалость вамъ чужда,
И ваша набожность есть то же святотатство,
Въ васъ и любовь узка, и широка вражда!

Вы любите однихъ, чтобъ прочихъ ненавидѣть!
О камень алтаря вы точите свой ножъ.
Даны вамъ и глаза, чтобъ истины не видѣть,
Даны и уши вамъ, чтобъ только слушать ложь.

Для васъ, коснѣющихъ во тьмѣ предубѣжденья,
Христосъ какъ будто бы на землю не сходилъ.
Вашъ богъ не Богъ любви, а гнѣва богъ и мщенья,
Въ громахъ и молніяхъ господь онъ грозныхъ силъ.

Возносите ему вы дикія молитвы,
Вамъ въ помощь вы его зовете на убой,
Его вы молите, чтобъ въ день кровавой битвы
Благословилъ онъ васъ кровавою рукой.

Нѣтъ, не нуждается Господь въ защитѣ вашей;
Онъ рекъ: подъявшій мечъ самъ отъ меча падетъ,
Онъ не кровавою, а свѣтлой скорби чашей
Съ людьми запечатлѣлъ Божественный завѣтъ.

Онъ—Пастырь: соберетъ въ Свой день Свое Онъ стадо
И Божье царствіе устроитъ на землѣ.
Ему ни вашихъ битвъ, ни вашихъ жертвъ не надо,
Ни вашей болтовни въ журнальномъ ремеслѣ.

Славянофильства нѣтъ въ апостольскомъ ученьи;
Но отъ Аксакова евангеліе есть,
Которымъ учитъ насъ радѣть объ избіеньи
Всѣхъ не-Славянъ, чтобъ ихъ Славянамъ въ даръ принесть.

Правительствъ пагубой и язвою народовъ
Пророки лживые родятся въ наши дни.
Дай волю имъ—отъ нихъ нѣтъ громовыхъ отводовъ,
И съ неба яснаго накличатъ громъ они.

Они мутятъ умы и совѣсти морочатъ,
Пугаютъ тѣмъ, чего и не было, и нѣтъ,
И благо въ будущемъ безумно намъ пророчатъ,
Когда въ законъ себѣ мы примемъ ихъ совѣтъ.

Средь общей тишины они забьютъ тревогу,
Подымутъ имъ въ бреду приснившійся вопросъ,

И увѣрять начнутъ, что онъ угоденъ Богу,
И что въ вопросѣ томъ замѣшанъ самъ Христосъ.

Вы ставите себя всемірнымъ средоточьемъ,
И думаете вы, слѣпыхъ страстей рабы,
Что свыше облеклись вы Божьимъ полномочьемъ,
Чтобъ человѣчества устраивать судьбы.

Кто вамъ священство далъ? Кто васъ поставилъ въ судьи,
Чтобъ въ тяжбахъ Промысла брать на себя починъ?
Невѣдомъ Промыслъ намъ: и Турки тоже люди,
И Турки братья намъ, Отецъ у насъ одинъ.

Насъ раньше просвѣтилъ Онъ словомъ благодати
И милосердымъ быть насъ раньше научилъ:
Но старшинствомъ своимъ гордиться намъ не кстати...
. . . . . .

Лженроповѣдники ученій сумасбродныхъ,
Печати крикуны и площади бойцы,
Вы, подстрекатели дурныхъ страстей народныхъ
И популярности трусливые льстецы!

Всѣ ваши буйные, неистовые крики —
Не гласъ народа, нѣтъ, не Божій гласъ и судъ:
Въ Двѣнадцатомъ году на подвигъ свой великій
Смиренный и трезвый шелъ православный людъ.

Къ борьбѣ онъ приступалъ безъ гаерства и шума,
Запоемъ уличнымъ не разжигалъ умы;
У всѣхъ одинъ обѣтъ, одна святая дума:
Россію отстоять, и отстояли мы.

Преступно призывать вамъ всуе имя Божье,
Грѣшно кощунствовать вамъ именемъ Святымъ
И подставлять Его въ подмостки и подножье...
. . . . . .

Что жь? Въ бой пошлите ихъ, охотниковъ до крови,
Лихихъ застрѣльщиковъ и словомъ, и перомъ:
Посмотримъ, какъ они въ виду другихъ условій
Захорохорятся въ бою передъ врагомъ!

Имъ изъ порожняго переливать въ пустое
Легко, чернилами они не дорожатъ;
Но пули съ ядрами заговорятъ другое...
. . . . . .

Россія создана на то, чтобъ быть Россіей,
Чтобъ совершить тотъ путь, что Промысломъ ей данъ,
А не чужую кладь нести на гордой выѣ
И быть прислужницей какихъ-нибудь Славянъ.

Объ исторической вы бредите задачѣ:
Тутъ нѣтъ исторіи и тутъ задачи нѣтъ,
А праздный вымыселъ одной мечты горячей,
Которой разумъ вашъ болѣзненно задѣтъ.

Нѣтъ, не одинъ у насъ съ Славянами скрижали,
Путь историческій у насъ былъ не одинъ,
Власть чуждую съ себя мы сами низвергали
Народной доблестью и смѣлостью дружинъ.

Они, какъ нищіе, и рукъ, и денегъ просятъ,
Умѣютъ бунтовать, но побѣждать не имъ;
Въ душѣ и на челѣ они глубоко носятъ
Стыдъ рабства долгаго подъ племенемъ чужимъ.

Богъ съ ними! Пусть съ себя сдереть покровъ свой вдовій
И цѣпи съ рукъ своихъ опальная страна,
Но только не цѣной потоковъ русской крови:
Въ насъ лишней крови нѣтъ, она и намъ нужна.

Зачѣмъ такъ чутки мы на чуждые намъ стоны,
А страждущей семьи намъ голосъ часто чуждъ?

Зачѣмъ по сторонамъ кидаемъ милліоны,
Когда у насъ ихъ нѣтъ для нашихъ кровныхъ нуждъ?

Какъ будто нѣтъ у насъ ни скорби, ни страданья,
Какъ будто нѣтъ у насъ ни туги, ни страды,
Ни хлѣба алчущихъ, ни алчущихъ познанья,
Ни жадно чающихъ движенія воды!

Нѣтъ, многія поля у насъ еще безводны —
Для орошенья ихъ да брызнетъ свѣжій ключъ!
Торговлѣ, грамотѣ упрочьте путь свободный,
Стенямъ вы дайте жизнь, потемкамъ—Божій лучъ.

Нѣтъ, почва русская, томясь безъ удобренья,
И много проситъ рукъ, и много денегъ ждетъ,
Чтобъ зрѣлой жатвою добра и просвѣщенья
Насытиться вполнѣ могъ доблестный народъ.

Нѣтъ, нужны вамъ запой и гамъ, и гвалтъ журнальной,
И барабанный бой, и балаганный трескъ,
И уличной толпы тревожной и пахальной
Восторги пьяные и дикій вой и плескъ.

Что выиграетъ Курскъ, Чембаръ, Курмышъ и Вятка,
Когда Черняевъ дастъ Бѣлграду короля,
И, задыхаяся отъ счастья и порядка,
Черкасскимъ процвѣтетъ Болгарская земля?

И меньше ль подати внесетъ, и меньше ль пота
Прольетъ нашъ труженикъ,
Когда Болгаріи Черкасскаго забота
Дастъ канцелярскій строй, а съ нимъ и рай земной?

DCCLXXXIX.

Какъ много слезъ, какое горе
Въ запасѣ на сердечномъ днѣ!
Такъ ужасы таятся въ морѣ,
Въ его пучинной глубинѣ.

При ясномъ днѣ и сердце ясно,
И море чисто, какъ стекло:
Все такъ привѣтно-безопасно,
Все такъ улыбчиво-свѣтло.

Но свѣжій вѣтеръ ли повѣетъ,
И молча туча набѣжитъ, —
Вдругъ море смутно потемнѣетъ
И подъ испугомъ задрожитъ.

Вступаетъ въ бой волна съ волною,
Какъ звѣрь щетинится волна,
И море, взрытое грозою,
Готово выскочить со дна.

И сердцу не безвѣстны бури:
Волна и сердца глубока,
И въ немъ есть блескъ своей лазури,
И въ немъ свои есть облака.

Когда нечаянно обложатъ
Они сердечный небосклонъ
И чувства смутныя встревожатъ
Затишье сердца, свѣтлый сонъ, —

Подобно морю подъ волнами,
Когда ихъ буря бороздитъ,
Зальется сердце въ пасъ слезами
И тяжкой скорбью загудитъ.

DCCXC.

Жизнь наша въ старости—изношенный халатъ:
И совѣстно носить его, и жаль оставить;
Мы съ нимъ давно сжились, давно, какъ съ братомъ братъ;
Нельзя насъ починить и за ново исправить.

Какъ мы состарѣлись, состарѣлся и онъ;
Въ лохмотьяхъ паша жизнь, и онъ въ лохмотьяхъ тоже,
Чернилами онъ весь расписанъ, окропленъ,
Но эти пятна намъ узоровъ всѣхъ дороже;

Въ нихъ отпрыски пера, которому во дни
Мы свѣтлой радости иль облачной печали
Свои всѣ помыслы, всѣ таинства свои,
Всю исповѣдь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшаго слѣды:
Записаны на ней и жалобы, и пени,
И на нее легла тѣнь скорби и бѣды,
Но прелесть грустная таится въ этой тѣни.

Въ ней есть преданія, въ ней отзывъ нашъ родной
Сердечной памятью еще живетъ въ утратѣ,
И утро свѣжее, и полдня блескъ и зной
Припоминаемъ мы и при дневномъ закатѣ.

Еще люблю подчасъ жизнь старую свою
Съ ея ущербами и грустнымъ поворотомъ,
И, какъ боецъ свой плащъ, прострѣленный въ бою,
Я холю свой халатъ съ любовью и почетомъ.

DCCXCI.

БЕЗСОЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Мы часто дѣйствуемъ случайно,
Хандримъ и любимъ невзначай;
Все въ насъ отъ насъ творится тайно,
Какъ за собой ни примѣчай.

Жизнь наша, чувства, впечатлѣнья —
Не заведенные часы:
Нельзя намъ класть для уравненья
Движенья сердца на вѣсы.

Нѣтъ равновѣсья въ нашей долѣ:
Какъ ни держись, не ровенъ часъ,
А волей, иль скорѣй неволей
Куда-нибудь да клонитъ насъ.

Мы, какъ тростникъ подъ вѣтромъ, гибки,
Подъ нами почва не вѣрна;
Мы впечатлительны и зыбки,
Какъ мимотечная волна.

И цвѣтъ, и обликъ свой мѣняя,
Все, что̀ надъ ней, все, что̀ кругомъ,

Волна пріемлетъ, отражая
Въ скользящемъ зеркалѣ своемъ.

Въ рѣкѣ, что̀ жизнью называемъ,
И мы—зеркальная струя,
И мимоходомъ отражаемъ
Всѣ впечатлѣнья бытія.

Случайностей своихъ и встрѣчныхъ
Жизнь безпрерывная игра:
Въ волнахъ дней нашихъ скоротечныхъ
Не тѣ мы нынѣ, что̀ вчера.

Кого ничто не растревожитъ,
Кто стоекъ, стоикъ и утесъ,
Въ теоріи мудрецъ, быть можетъ,
Но въ жизнь едва ли жизнь онъ внесъ.

Средь волнъ, когда онѣ прибоемъ
Разятъ его со всѣхъ сторонъ,
На нихъ взираетъ онъ съ покоемъ,
Но все не хладный камень онъ.

DCCXCII.

ЗАМѢТКИ.

1.

Объясненіе и разрѣшеніе Восточнаго вопроса.

БАСНЯ.

Гора рождаетъ мышь: извѣстно намъ давно,
Но гору мышь родитъ: вотъ это мудрено,
Хоть и сбылось.
Идемъ, подобно Божьей карѣ,
Россію и за ней Европу всю поджечь,
За тѣмъ, чтобы Аксаковъ на пожарѣ
Славянофильское яичко могъ испечь.

2.

Ma profession de foi.

Нѣтъ, я не туркофилъ и не стою за Порту,
Но чтобъ рѣшить вопросъ Восточный, вотъ мой планъ:
Всѣхъ Турковъ, сколько ихъ ни есть, отправить къ чорту,
Но съ тѣмъ, чтобъ и отъ всѣхъ отдѣлаться Славянъ.

DCCXCIII.

МОЯ ЛЕГЕНДА.

Худо, худо, ахъ, Французы,
Въ Ронсевалѣ было вамъ:
Карлъ Великій тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.
Карамзинъ.

Худо, худо, Петръ Андреичъ,
Въ „Vor der Höhe“ было вамъ:
Тамъ лишились вы внезапно
Лучшихъ рыцарей своихъ.

Рыцарь духа, рыцарь силы,
Въ бодромъ мужествѣ своемъ
Озаряли вашу старость
Золотымъ своимъ щитомъ.

Стары были вы годами,
По казались молодымъ;
Вы въ обманъ вдавались сами,
И обманъ вашъ льстилъ другимъ.

Подъ какимъ-то обаяньемъ
Годы были вамъ легки,
И скрывали лба морщины
Облетавшихъ розъ листки.

Въ старческой бесѣдѣ вашей
Средь любезныхъ дамъ и дѣвъ
Слышался знакомой пѣсни
Не старѣющій напѣвъ.

Сердцу сердце отвѣчало,
И сливались въ стройный ладъ
Жизни свѣтлое начало,
Жизни гаснущей закатъ.

Но, соскучась долгой службой,
А быть можетъ, старикомъ,
Ваши рыцари пропали
Вдругъ, нежданно и тайкомъ.

Съ ними разлетѣлись чары!
Что-то замерло въ груди:
Голова и ноги стары,
Хоть сейчасъ ихъ въ гробъ клади.

Вы теперь, чѣмъ быть вамъ должно,
Старикомъ, какъ есть старикъ,
То-есть, гадкій и подложной
Быта прежняго двойникъ;

Допотопный звѣрь, что̀ молча
Въ храминѣ наукъ стоитъ,
На котораго за гривну
Въ балаганахъ чернь глядитъ

Петра Перваго обноски
Не Полтавскіе ль штаны?
Ихъ и васъ ужь моль изъѣла,
Васъ, останки старины.

Въ темномъ лѣсѣ иль въ пустынѣ
Вы—часовня древнихъ лѣтъ,

О которой и въ поминѣ
Въ новомъ племени ужь нѣтъ.

Предъ часовней, машинально,
Перекреститься подчасъ:
Вамъ поклониться случайно
И проходить мимо васъ.

Такъ прощайте жь, Петръ Андреичъ,
Нашъ разрывъ необходимъ:
Нѣмій конямъ не товарищъ,
Мертвый не ходокъ съ живымъ.

Такъ я, заживо отпѣтый,
Одинокій средь людей,
Самъ пою свою легенду
Въ злой безсонницѣ своей.

Приписка.

Былъ еще мнѣ вѣрнымъ другомъ,
Попечителемъ почей,
Примиритель мой съ недугомъ
Также добрый чародѣй:

Былъ хлоралъ, посолъ Морфея,
Но и тотъ мнѣ измѣнилъ:
Сонъ, какъ прежде, не лелѣя,
Кубокъ чудный онъ разбилъ.

Ужь не льетъ струей цѣлебной
Онъ забвеніе въ меня,
Миръ и отдыхъ отъ враждебной,
Злой дѣйствительности дня.

Онъ сестрѣ своей злорадной
Сдалъ безсонницѣ меня:

Нѣтъ ни ночи мнѣ прохладной,
Нѣтъ ни радостнаго дня.

Днемъ тоскую, ночью тоже,
Ночи съ днемъ не различить.
Да на что жь это похоже,
Васъ осмѣлюсь я спросить!

КОНЕЦЪ.

14430

ЛНБ Библиотека

ПРИМѢЧАНІЯ.

1863.

DLXXXV. Печатается со списка, на которомъ рукою Автора сдѣланы поправки; подъ спискомъ рукою же автора написано карандашомъ: „Киссингенъ. 1863“. (*Старая Записная Книжка*, 1863).

DLXXXVI. Автографъ писанъ карандашомъ. Подъ спискомъ рукою Автора написано карандашомъ же: „Киссингенъ. 1863“.

DLXXXVII—DXCI. Печатается со списка, исправленнаго рукою Автора (№ DLXXXIX. См. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864).

DXCII. *Замѣтки* 1—3 напечатаны въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863, № 9; *Замѣтки* 4 и 6—*Старая Записная Книжка*, 1863; 5-я со списка.

DXCIII. Напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1864, № 4. Въ современномъ спискѣ значится: „Декабрь 1863“. На томъ же спискѣ имѣются слѣдующія критическія двѣ замѣтки В. П. Титова: „См. на оборотѣ 2 замѣтки во вкусѣ Майхровскихъ *Гребней* 1854 года: 1) Нельзя ли „совѣсть“ (стр. 19) поверстать единственнымъ числомъ для уравненія съ здравымъ смысломъ? Но какъ? Это дѣло поэта (Залившей совѣсть, смыслъ и логику въ Европѣ)? 2) *До*, можетъ быть, опечатка. „Для жажды“ казалось бы правильнѣй; но главное—„червякъ, червяка заморить“ (стр. 19) въ русскомъ просторѣчіи говорится только про голодъ, никогда про жажду. Не лучше ль:

. . . . . Каждый
Свою сивуху, горѣлку, дешевку пьетъ
во (для) утоленье (я) жажды.

Нельзя мимоходомъ не подивиться богатству русскихъ синонимовъ по питейной части. Кстати, слышали вы, что Кошелевъ назначенъ въ Варшаву министромъ финансовъ?“

Стр. 19. Истокъ всей этой лжи—въ *помойномъ* журнализмѣ.

DXCIV. Первоначально напечатано въ Венеціи, въ Армянской типографіи, а потомъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1863, № 12.

DXCV. *Утро*, литературный и политическій сборникъ, издаваемый М. Погодинымъ. М. 1866, стр. 159.

DXCVI. Съ современнаго списка.

DXCVII. *Старая Записная Книжка*, 1863.
DXCVIII. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864.
DXCIX. *Утро*, стр. 169.
DC. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864. „27 октября 1863".
DCI. Тамъ же.
DCII. Тамъ же.

1864.

DCIII. Съ современнаго списка, на которомъ рукою Автора написано карандашомъ: „Оедору Ивановичу Тютчеву. Январь 1864".

DCIV. Списокъ съ этого стихотворенія доставленъ князю П. П. Вяземскому при слѣдующемъ письмѣ А. Д. Баратынской: „Cher Prince. Voici des vers de votre père adressés à la Princesse Марія Максимиліановна à Venise ou Elle a trouvé vos parents l'année 1864. S. A. I. aimerait que vous les missiez dans les *Oeuvres Complets* du défunt. Je vous les envoie en vous priant de me dire que vous les acceptiez c. à. d. si ce n'est pas trop tard. Toute à vous Anna Baratinsky".

Дата на спискѣ: „Венеція. $^{10}/_{22}$ января 1864".

DCV. *С.-Петербургскія Вѣдомости* 1864, № 66.

DCVI. Стихотвореніе это сохранилось въ двухъ спискахъ, сдѣланныхъ рукою княгини В. О. Вяземской и исправленныхъ рукою Автора. На одномъ изъ этихъ списковъ его рукою написано карандашомъ: „Изъ стихотвореній Венеціанскихъ: Къ Императрицѣ".

DCVII. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. 3 іюня 1864 г. Авторъ писалъ П. А. Плетневу изъ Мерана: „*Не мнѣ ль съ поэтами другими спорить*: Конечно, слѣдующія четыре строфы лишнія и, какъ вы замѣчаете справедливо, измѣняютъ характеръ пьесы. Но она посвящена Императрицѣ и въ такомъ видѣ была къ ней послана. Слѣдовательно, неловко ихъ выключить" (*Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. С.-Пб. 1885. III, 503).

DCVIII. Современный списокъ. Въ томъ же письмѣ Авторъ писалъ Плетневу: „*Я было разлюбилъ*: конечно, въ разговорѣ поставишь частичку *было* послѣ глагола, но въ стихахъ, кажется, можно воспользоваться правомъ переставлять слова, даже часто раздѣляя прилагательное отъ существительнаго. Да и въ *Словарѣ Академическомъ* сказано просто, что *было* ставится при глаголахъ, а не сказано послѣ глагола. Однородную частичку *бишь* тоже, полагаю, можно употреблять какъ хочешь. Можно сказать: *какъ бишь зовутъ сіе?* и *какъ сіе бишь зовутъ?* Тутъ даже правильно ставить *бишь* предъ глаголомъ. Почему же не поставить и *было?* Но во всякомъ случаѣ, кажется, нельзя сказать въ стихѣ и въ отношеніи къ ударенію: *я разлюбилъ было*".

DCIX. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.
DCX. Тоже.
DCXI. Тоже.
DCXII. Современный списокъ.

DCXIII. *Старая Записная Книжка*, 1864. „Январь 1864". *Утро*, стр. 160—162.

DCXIV. Современный списокъ.

DCXV. *Старая Записная Книжка*, 1864. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, рукою котораго карандашомъ написано: „Владиміру Николаевичу Карамзину".

DCXVI. Стихотвореніе это было прислано Авторомъ изъ Венеціи, при письмѣ къ В. Н. Карамзину отъ $\frac{21\text{ марта}}{2\text{ апрѣля}}$ 1864 года. *Утро*, стр. 169—170.

DCXVII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, на которомъ руковою его написано карандашомъ: „Ернестинѣ Оедоровнѣ Тютчевой". *Утро*, стр. 169—170.

DCXVIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

DCXIX. Тоже. *Утро*, стр. 162—165.

DCXX. Современный списокъ.

DCXXI. *Утро*, стр. 170—171.

DCXXII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

DCXXIII. Современный списокъ.

DCXXIV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. Замѣчено въ скобкахъ: „Мысль взята изъ Гете".

DCXXV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Утро*, стр. 159—160.

DCXXVI. Современный списокъ.

DCXXVII Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Старая Записная Книжка*, 1863—1864.

DCXXVIII. Современный списокъ.

DCXXIX. Тоже.

DCXXX. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

DCXXXI. Тоже.

DCXXXII. Тоже, съ помѣтой: „23 мая 1864 г. Переѣздъ утромъ въ Desenzano и оттуда въ колескѣ въ Салò". *(Старая Записная Книжка).*

DCXXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

DCXXXIV. *Утро*, стр. 157—158.

DCXXXV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. „$^{15}/_{27}$ іюля 1864".

DCXXXVI—DCXLI. Современный списокъ.

DCXLII. *Старая Записная Книжка*, XXIX. *Русскій*, изд. М. П. Погодинымъ, 1867, № 7—8.

DCXLIII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

DCXLIV. *Вевейская Рябина*, стихотвореніе князя П. А. Вяземскаго. С.-Пб. 1892.

DCXLV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ, съ слѣдующею автографическою надписью: „Екатеринѣ Петровнѣ Ермоловой". Дата: „Веве. 1864, ^{19} декабря".

DCXLVI. Отрывокъ автографа, писанный карандашомъ. Дата: „Веве. Ноябрь 1864".

DCXLVII. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. Дата: „Веве. Декабрь 1864".

DCXLVIII Современный списокъ. Дата: „Женева. 1864".

DCXLIX. Современный списокъ съ поправками и дополненіями Автора.

Тропинка тѣсная, крутая,
Вкругъ виноградника виляя
По скалѣ.

Дата: „Веве. Декабрь 1864“.

DCL. Списокъ съ автографа, сдѣланный Ѳ. Н. Бергомъ.

DCLI. Изъ Ниццы, 1 февраля 1865, князь П. А. Вяземскій писалъ П. А. Плетневу:

„О, этотъ югъ, о, эта Ницца,
О, какъ ихъ блескъ меня тревожитъ.

А между тѣмъ подстрѣленная птица и въ самомъ дѣлѣ неможетъ

Твоя подстрѣленная птица и пр.

Тютчевъ такъ надѣялся на этотъ югъ, что ходилъ по обыкновенію своему весь на распашку, волоса, жилетъ, платье, пледъ, все на распашку, даже рубашка, и такимъ образомъ доходилъ себя до сильной простуды. Теперь ему лучше; а вотъ прочли вы и мой отвѣтъ на его стихи, посланные изъ Веве“. (*Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. С.-Пб. 1885. III, 507–508). *Старая Записная Книжка*, XXX.

DCLII. Списокъ, сдѣланный рукою княгини В. Ѳ. Вяземской. Тиснутъ на отдѣльномъ листѣ, подъ заглавіемъ *Фрегатъ Александръ Невскій*. Paris. — Imprimerie international de G. Towne, rue de Fossés-Montmartre, 9. Дата: „Ницца. $\frac{31\text{ Декабря }1864}{12\text{ Января }1865}$“.

DCLIII. 1) *Утро*, стр. 171. 3) *Старая Записная Книжка*, XXVIII; *Утро*, стр. 171. 4) Автографъ; *Утро*, стр. 172. 5—6). Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ; *Утро*, стр. 172–174. 7—8) *Утро*, стр. 175. 9) *Старая Записная Книжка*, XXVIII. 10—16) Современный списокъ. 18—19) Автографъ. 20—23) Современный списокъ. 24) Автографъ и современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. Варіанты:

Недугъ кощунства и безвѣрья
Его сжигаетъ какъ гроза...

Въ запоѣ злости, словно хмеля,
Чтобъ напомнить свои листы,
Онъ попугай и пустомеля
Всѣхъ сплетней, дрязгъ и клеветы...

На фразахъ строитъ баррикады,
Чтобъ *рисоваться* изъ-за нихъ.

Рука разрушить все готова:
Но эти подвиги легки,
А нѣтъ зиждительнаго слова,
Ни блага нѣтъ благой руки.

Одно кощунство и проклятья!
Учить начнетъ ли молодежь—
Давно избитыя понятья,
Давно извѣданную ложь,

Предъ юностью и братьей нищей
Онъ раскрываетъ, словно кладъ,
Лукавствомъ отравленной пищи
Онъ раздражать ихъ алчность радъ.

Все это знаемъ мы!—Пожали
Мы горькій плодъ съмянъ чилыхъ,
Давно народныя скрижали
Позоромъ заклеймили ихъ.

Передовымъ себя онъ числитъ,
Но выдвинувшись всѣмъ въ примѣръ,
Умомъ чужимъ и заднимъ мыслитъ
Сей закоснѣлый (перезрѣлый) старовѣръ...

25—30) Современный списокъ. 31) Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ. *Старая Записная Книжка*, XXVIII.

DCLIV. Современный списокъ, просмотрѣнный Авторомъ.

1865.

DCLV. Современный списокъ, который рукою Автора озаглавленъ: *Маріи Ѳедоровнѣ Тютчевой (въ день ея свадьбы)*, и его же рукою сдѣлано примѣчаніе: „Она въ дѣтской комедіи играла роль Маіора". Дата: „3/15 февраля 1865. Ницца".

DCLVI. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ. Стихотворенія, посвященныя ей княземъ П. А. Вяземскимъ.* Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. С.-Пб. 1890, стр. 7—10. „Ницца. 19 февраля 1865".

DCLVII. Тамъ же, стр. 11. „Ницца. 1 апрѣля 1865".

DCLVIII. Тамъ же, стр. 12—14. „На желѣзной дорогѣ. Мая 1 1865".

DCLIX. Тамъ же, стр. 15.

DCLX. Тамъ же, стр. 16.

DCLXI. Современный списокъ.

DCLXII. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 18—21.

DCLXIII. Тамъ же, стр. 22—25.

DCLXIV. Тамъ же, стр. 26—27.

DCLXV. Тамъ же, стр. 17. („Изъ Пруссіи").

DCLXVI. Тамъ же, стр. 28—29. 1) „Петербургъ. 15 мая 1865". *Складчина.* Литературный Сборникъ. С.-Пб. 1874, стр. 30. 2) „Петербургъ. Май 1865".

DCLXVII. Списокъ, сдѣланный рукою графини М. И. Ламздорфъ.

DCLXVIII. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 31. Рукою Автора: „Кажется, переводъ съ арабскаго или провансальскаго, а вѣроятнѣе съ мериландскаго. Царское Село. 14 іюня 1865".

DCLXIX. Тамъ же, стр. 32—33. „Царское Село. 16 іюня 1865“.

DCLXX. Тамъ же, стр. 34—35. „Царское Село. 19 іюня 1865“.

DCLXXI. Тамъ же, стр. 36—37. „Петергофъ. Іюль 1865“.

DCLXXII. Списокъ, сдѣланный рукою С. И. Пономарева.

DCLXXIII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга.

DCLXXIV. Списокъ сдѣланъ рукою княгини В. Ѳ. Вяземской, на которомъ рукою Автора написано карандашомъ: „И. Маріи Алекс. Петергофъ. 27 іюля 1865“. *Русскій Вѣстникъ* 1865, № 8. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича.

DCLXXV. Современный списокъ, озаглавленный рукою Автора: *Дача за Петергофомъ*; тою же рукою вписаны слѣдующіе стихи:

Когда въ прогулкѣ я зайду на эту дачу,
Гдѣ зелень есть и тѣнь, и море на придачу,
Съ игривой прихотью есть сердца теплота,
Въ ней прелесть женщины и дѣтства простота.

„Петергофъ. 12 августа 1865“. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*, стр. 38.

DCLXXVI. Списокъ, сдѣланный рукою княгини М. А. Вяземской. „Царское Село. 26 августа 1865“. Въ концѣ тою же рукою сдѣлана слѣдующая приписка: „Стихи князя Вяземскаго Ея Им. Высочеству Евгеніи Максимильяновнѣ Пр. Ольденбургской. Печатать дозволяется“.

DCLXXVII. Современный списокъ. „Петергофъ. 4 августа 1865“.

DCLXXVIII. „Подмосковная съ глубочайшею преданностью и признательностью посвящается Звенигородской Помѣщицѣ“. Село Ильинское. Сентябрь 1865. Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ 6 октября 1865 Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича.

DCLXXIX. Списокъ.

DCLXXX. Списокъ, сдѣланный съ автографа рукою графа С. Д. Шереметева. Дата: „Царское Село. 29 сентября 1865“. Въ началѣ рукою автора написано: „Permettez moi, Madame, de déposer aux pieds de Votre Majesté une modeste fleur éclose dans mes heures de réclusion“.

DCLXXXI. *Памяти графини М. И. Ламздорфъ*. стр. 42—43. „С.-Петербургъ. Декабрь 1865“.

1866.

DCLXXXII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга. Дата. „С.-Петербургъ. 2 января 1866“.

DCLXXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ. Въ письмѣ, отъ 15 января 1866 года, князь П. А. Вяземскій писалъ М. П. Погодину: „Вотъ еще шутка, которая, Богъ знаетъ съ чего, забрела мнѣ въ голову. Не пригодится ли она вамъ“.

DCLXXXIV—DCLXXXV. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. Н. Берга.

DCLXXXVI. Современный списокъ, на которомъ рукою автора написано карандашомъ: „Мои стихи, записанные въ книгу съ бѣлыми листами О. И. Тимирязевой". Дата: „С.-Петербургъ. 19 марта 1866".

DCLXXXVII. Списокъ съ подлинника, хранящагося у великаго князя Сергія Александровича.

DCLXXXVIII. *Сѣверная Почта* 1866, № 90. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. По поводу этого стихотворенія князь П. А. Вяземскій (27 апрѣля 1866) писалъ П. А. Валуеву: „Бросьте на четверть часа внутреннія дѣла и прочтите со вниманіемъ мои стихи. Если найдете нужнымъ что̀ замѣтить, милости просимъ, и пришлите мнѣ ваши замѣчанія. Если не найдете точекъ преткновенія, то покорнѣйше прошу приказать переписать покрасивѣе. Вотъ и бумага. Но если при четкомъ и болѣе крупномъ почеркѣ стихи на моей бумагѣ не упишутся, то велите переписать на большомъ листѣ. Послѣ словъ на первой страницѣ *вождь единый* нужно отступить. Также и послѣ словъ на 2-й *единый часъ*, а послѣдній періодъ *народная любовь* также отдѣлить. За всѣ ваши труды послѣ представленія стиховъ принесу ихъ жертвою на алтарь *Сѣверной Почты*. Часа въ 3 или въ 4 въ пятницу заѣду къ вамъ. Въ смыслѣ записки вашей буду отвѣчать Погодину". На замѣчаніе П. А. Валуева князь П. А. Вяземскій отвѣчалъ: „Вмѣсто *чистаго* вставить *яснаго*. Вмѣсто *горячій—завѣтный слѣдъ*. *Благоухаетъ въ немъ*, не лучше ли сказать *благоуханье льетъ*, хотя выраженіе будетъ менѣе точно. Предоставляю вамъ рѣшить какъ угодно. Почему не нравится вамъ, что *на ней*, то-есть, на *исповѣди*, въ смыслѣ profession de foi, *твердыня Русская* то-есть, подразумѣвается *зиждется, основана*? Воля ваша, кажется, можно оставить. Предъ риѳмою *Боже* вставить стихъ, написанный на концѣ страницы:

Во всѣхъ и мысль одна и бьется сердце тоже.

Сложилась вмѣсто *сплотилась*.

Стихи *богаче* и *горяче* замѣщаются стихами:

Издавна на Руси родникъ ея обиленъ:
Въ царѣ народъ живетъ, и царь народомъ силенъ.

Кажется, такъ идетъ, и благословясь можно пуститься переписывать. Впрочемъ, если еще сомнѣніе въ васъ родится, не щадите меня.

Заглавія *16 Апрѣля 1866* не писать. Я самъ напишу его. Въ перепискѣ соблюсти отступленія, которыя означены мною въ первомъ письмѣ.

Если можно, прикажите изготовить и другой списокъ, простой, не каллиграфическій. Онъ послѣ пригодится для напечатанія въ газетѣ.

Простите, что мучу васъ своею метроманіею: Я хотѣлъ сказать *какъ*, а ошибкою написалъ такъ, то-есть, какъ *въ храмѣ, когда*

онъ уже опустѣетъ еще благоухаетъ etc. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ лучше принять вашу редакцію. Если вы забыли ее, вотъ она:

Такъ, въ храмѣ, гдѣ молитвъ окончаны обряды,
Передъ иконами горятъ еще лампады,
И вечеромъ, когда ужъ опустѣетъ храмъ,
Благоухаетъ въ немъ потухшій ѳиміамъ.

Спасибо за всѣ ваши труды, а я сегодня боленъ какъ собака и ужасно гриппствую".

DCLXXXIX. *Старая Записная Книжка*, XXX. На автографѣ означено въ началѣ: „Царское село. 20 іюня 1867"; а въ концѣ: „Записано въ Лембергѣ. Графиня М. И. Ламздорфъ скончалась 9 мая 1866 г. въ Женевѣ."

DCXC. Списокъ, сдѣланный рукою Ив. П. Барсукова и просмотрѣнный Авторомъ.

DCXCI. Черновой автографъ, писанный карандашомъ.

DCXCII. Списокъ, сдѣланный рукою графини Е. П. Шереметевой, просмотрѣнный Авторомъ, и его рукою означено: „3 іюля 1866."

DCXCIII. *Сѣверная Почта* 1866, № 200. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Царское Село. 12 сентября 1866".

DCXCIV. Списокъ, сдѣланный съ современнаго списка.

DCXCV. Списокъ, сдѣланный рукою графини Е. П. Шереметевой.

DCXCVI. *Сѣверная Почта* 1866, № 259.

DCXCVII. 1) Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „17 мая 1866. Царское Село". 2) Современный списокъ. 3—5) Списки.

1867.

DCXCVIII. Списокъ, снятый съ подлинника, хранящагося у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Мартъ 1867".

DCXCIX. Списокъ, сдѣланный рукою А. А. Половцова и просмотрѣнный Авторомъ.

DCC. *Современная Лѣтопись* при *Русскомъ Вѣстникѣ* 1867 г.

DCCI—DCCXIII. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 1—29.

DCCXIV—DCCXVI. Списки, сдѣланные рукою Ѳ. Н. Берга.

DCCXVII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ. Въ началѣ его рукою написано карандашомъ:

А.—Арсеньевъ.
В—Философовъ.
М. де Курдюкова—Княжевичъ.

На другомъ спискѣ, сдѣланномъ рукою С. И. Пономарева, рукою автора написано чернилами: „Театральная шутка, написанная мною въ Ливадіи, кажется, 30 августа".

Madame де Курдюкова—*Княжевичъ*.
Г. Болтуновъ, путешественникъ—*Философовъ*.
Г. *Ориноопуло*, чиновникъ—*Баронъ Мейендорфъ*.
Г. Коврижкинъ, сочинитель изъ Вязьмы—*Арсеньевъ*".

Варіанты:

Явленіе I.

А.

Какіе же еще были пріѣзжіе?

Б.

Были Турки, которые привезли арабскихъ коней.

А.

Вѣроятно, въ надеждѣ вмѣстѣ съ ними промять, то-есть, замять Кандійскій вопросъ. Но, авось, кони не вывезутъ ихъ.

Явленіе II.

А.

... Секретъ то же что шило: его въ мѣшкѣ не утаишь, что знаетъ одинъ, то знаютъ и другіе, узнаетъ весь домъ, узнаетъ все семейство, всѣ родные до третьяго поколѣнія.

DCCXVIII. Автографъ. Въ концѣ замѣчено: „Задумано въ Севастополѣ и въ Ливадіи. Сочинено дорогою—вечеромъ, записано въ Кишиневѣ 22 октября 1867. Пушкинъ, благослови, Владыко!“

DCCXIX—DCCXX. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ.

DCCXXI. 1–3) *Старая Записная Книжка*. XXX. 4) Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева. 5) *Старая Записная Книжка*, XXX.

1868.

DCCXXII. Отдѣльно напечатанный листъ. „Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 24 апрѣля 1868 года“. Въ Типографіи Второго Отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи.

DCCXXIII. Современный списокъ, просмотрѣнный авторомъ, рукою котораго озаглавлено карандашомъ: „Императрицѣ“.

DCCXXIV. Списокъ. Дата: „Іюль 1868“.

DCCXXV. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 41.

DCCXXVI. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣнный Авторомъ, которымъ замѣчено: „Написано по просьбѣ Кнорринга, нашего посланника въ Голландіи, который жаловался, что въ Сардамскомъ домикѣ нѣтъ никакой надписи, свидѣтельствующей о посѣщеніи покойнаго Цесаревича Николая Александровича“. Просматривая это и другіе стихотворенія въ сентябрѣ 1871 года, въ Царскомъ Селѣ Авторъ писалъ: „Въ моемъ больномъ расположеніи, какъ грустно мнѣ все это перечитывать“.

DCCXXVII. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго Авторомъ.

DCCXXVIII. 1—6. Препровождены къ Погодину при слѣдующемъ письмѣ Автора (изъ Царскаго Села, 31 іюля 1868 года): „А я все еще

не получалъ вашего *Русскаго* ни въ Москвѣ, ни здѣсь. Между тѣмъ вотъ мои смиренныя лепты. Можете сказать отъ себя, что онѣ взяты изъ собранія новыхъ сочиненій князя Вяземскаго, которыя должны появиться въ печати, нынѣшнею зимою". Въ томъ же письмѣ князь Вяземскій писалъ Погодину: „Въ *Запискахъ* Греча (Русск. Вѣсти., іюнь, стр. 377) сказано о Рылѣевѣ: „Въ *Посланіи къ Вяземскому*, написанномъ, будто бы, въ подражаніе Персіевой сатирѣ и напечатанномъ въ *Невскомъ Вѣстникѣ*, онъ говорилъ очень явно объ Аракчеевѣ". Никогда не получалъ я подобнаго посланія. Въ заграничномъ изданіи стихотвореній Рылѣева на первой страницѣ есть *Посланіе къ временщику* (подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелю), по имени моего и посвященія мнѣ тутъ нѣтъ. Не можете ли отыскать *Невскій Вѣстникъ*, должно быть, 20-го года, на который Гречъ ссылается. Если у васъ нѣтъ, то нѣтъ ли въ Чертковской Библіотекѣ? Передайте мою просьбу Бартеневу. Тайныя *Записки* Греча такъ и выказываютъ желаніе его, чтобы при жизни захвачены онѣ были III-мъ отдѣленіемъ и очистили его отъ всякаго участія и сообщества съ дѣятелями 14-го декабря".

7—8. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 40—41. Дата: „Сентябрь 1868 г."

DCCXXIX. Современный списокъ. Дата: „Іюнь 1868". *Приписка*: „Вы пишете: она еще похорошѣла", сдѣлана въ Гомбургѣ въ мартѣ 1874 года.

DCCXXX. Списокъ, доставленный П. И. Бартеневымъ, рукою котораго озаглавлено: *Къ С. П. Шиповой*. Дата. „2 ноября 1868."

DCCXXXI. *Складчина*. С.-Пб. 1874, стр. 33—34. Дата: „Царское Село. Ноября 1868 года."

DCCXXXII. Списокъ.

1869.

DCCXXXIII. *Русскій Архивъ* 1869, стр. 175—182.

DCCXXXVI. Тамъ же, стр. 067—074.

DCCXXXV. Списокъ, озаглавленный и помѣченный П. И. Бартеневымъ: *Къ С. П. Шиповой*. „Съ подлиннымъ вѣрно. П. Бартеневъ".

DCCXXXVI. Автографъ съ слѣдующею замѣткою: „Писано въ Петергофѣ во время дождливаго лѣта и послѣ моей осны и *предъ* моею болѣзнью, а отъ того и стихи больные и плохіе" (*Старая Записная Книжка*, XXXI).

DCCXXXVII. Автографъ. Дата: „1869 лѣтомъ, въ Петергофѣ" (*Старая Записная Книжка*, XXXI).

DCCXXXVIII. Списокъ съ современнаго списка. Дата: „Москва. 1869".

DCCXXXIX. Современный списокъ.

DCCXL—DCCXLI. Списокъ, сдѣланный рукою Е. Д. Милютиной. Дата: „Ильинское. 26 іюля 1869". (*Гражданинъ*, 1875, № 5).

DCCXLII. 1) Подлинникъ (*Старая Записная Книжка*, XXXII). 2) Списокъ, сдѣланный рукою Е. Д. Милютиной. 3) Современный списокъ.

DCCXLIII. *Старая Записная Книжка*, XXXII.

DCCXLIV. Тамъ же. Дата: „Царское Село. 13 сентября 1869 г.".

DCCXLV. Списокъ, озаглавленный и помѣченный П. И. Бартеневымъ: *Къ С. П. Шиповой.* „Съ подлиннымъ вѣрно. П. Бартеневъ". Дата: „Царское Село. Сентябрь 1869".

DCCXLVI. *Старая Записная Книжка*, XXXII.

1870.

DCCXLVII. Изъ письма Автора къ княгинѣ М. А. Вяземской, отъ 23 декабря 1870 года.

1871.

DCCXLVIII. Изъ письма Автора къ княгинѣ М. А. Вяземской, отъ 9 января 1871 г.

DCCXLIX. Стихи эти присланы Авторомъ изъ Висбадена княгинѣ М. А. Вяземской (при письмѣ отъ 1 мая 1871 года), въ которомъ читаемъ: „Здѣсь восхищаются пѣснями соловьевъ, а вотъ что я о нихъ думаю".

DCCL. Списокъ сдѣланъ рукою графа С. Д. Шереметева, которымъ отмѣчено: „Записаны 1 декабря 1871. Петербургъ".

DCCLI. Списокъ.

DCCLII. Тоже.

DCCLIII. Современный списокъ.

1872.

DCCLIV. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича.

DCCLV. Автографъ. Дата: „Царское Село. 12 іюня 1872".

DCCLVI. Автографъ.

1873.

DCCLVII. *Складчина.* С.-Пб. 1874, стр. 41—42. Дата: „Гомбургъ. Ноябрь 1873".

DCCLVIII. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Авторъ писалъ къ графу С. Д. Шереметеву: „Заставьте графа Корфа попробовать: складно ли слова мои пойдутъ на эту музыку.

1874.

DCCLIX. Стихотвореніе это прислано Авторомъ изъ Гомбурга А. П. Тимоѳееву при письмѣ (отъ 22 февраля 1874 г.), которое адресовано такъ: „Поэту-Археографу или Археографу-Поэту, доблестному потомку знаменитаго Греческаго пѣснопѣвца Тимоѳея, который, вѣроятно, во время оно также любовался Буффами и фанъ-Гелями". Въ письмѣ же Автора мы читаемъ: „Шутки и вирши въ сторону, премного благодарю васъ за память обо мнѣ

и за любезное письмо. Оно меня очень порадовало и потѣшило.— Не знаю, какъ именовать и величать васъ подобаетъ. Извините! У меня прескверная, или просто старческая память на имена. Но сердце сердцу даетъ вѣсть и имя. Извините также, что поздно вамъ отвѣчаю. Отвѣтъ въ головѣ былъ давно готовъ, но я не могъ улучить минуту, чтобы выложить его на бумагу. Все это время былъ я занятъ и озабоченъ печеніемъ хлѣбовъ для Самарцевъ, сирѣчь для *Складчины*. Прошу васъ тамъ ихъ покушать, если не побрезгуете.

„И уже вамъ жаловался на память свою. За худымъ здоровіемъ моимъ въ Петербургѣ, за спѣшными сборами къ отъѣзду за границу, не могу припомнить, удовлетворилъ ли я расходы, которые вы понесли по части переписки и переплета etc. моего Остафьевскаго Архива. Сдѣлайте одолженіе помогите моей оскудѣвшей памяти. Скажите о томъ Барсукову, который передастъ мнѣ, что вы скажете! ... Кромѣ стиховъ, передайте и въ прозѣ мой усердный поклонъ Владиміру Павловичу Титову и скажите ему, что получилъ письмо его".

DCCLX. Списокъ, сдѣланный рукою А. И. Тимоѳеева.

DCCLXI. Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева. Дата: „Гомбургъ. 28 мая 1874". На спискѣ, доставленномъ П. И. Барсеневымъ, отмѣчено: „Написано на книгѣ *Въ дорогу и дома*, собраніе стихотвореній князя П. А. Вяземскаго".

DCCLXII. *Гражданинъ* 1875, № 8—9. Дата: „Гомбургъ. 1874 августъ".

DCCLXIII. Списокъ, сдѣланный рукою О. И. Берга. Дата: „29 августа" (1874).

DCCLXIV. *Старая Записная Книжка*, XXXII. *Гражданинъ* 1875, № 22. Дата: „Гомбургъ. 15 сентября 1874".

DCCLXV. Современный списокъ. Дата: „Гомбургъ. Октябрь 1874". Означено: „Получено въ Лондонѣ".

DCCLXVI. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго авторомъ, рукою котораго написано: „Daignez, Madame, agréer avec indulgence ma boutade poétique et mes voeux bien fervents pour que le séjour à San-Rémo puisse bientôt et parfaitement restaurer Votre Santè et Vos forces. Dans mes voeux et mes prières j'invoque le ciel bleux, les bosquets d'orangers et les douces brises de la mer. Et ces invocations sont très désintéressées et impartiales, car ici nous sommes en plein hiver. Nous n'avons pas de neige, mais le givre festonne les arbres avec beaucoup d'élégance. J'ose supplier Votre Majesté de me faire donner par quelqu'un des nouvelles de Votre Santè et de Votre prise de possession de San-Rémo. Les journaux russes sont très discrets, je dirai beaucoup trop discrets à Votre Sujet, et les journaux étrangers m'inspirent peu de confiance".

Дата: „17 ноября 1874 года. Homburg v. d. Höhe".

DCCLXVII. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Гомбургъ. Октябрь 1874".

DCCLXVIII. Списокъ съ современнаго списка, просмотрѣннаго авторомъ, рукою котораго написано: „Посвящается А. Д. Баратынской". Дата: „22 декабря 1874" (*Старая Записная Книжка*, XXXII).

DCCLXIX. Списокъ съ автографа. Замѣтка автора: „Эти стихи написаны, или надуманы мною года два тому: Сюда записаны 16 сентября (1876 г.). (*Стар. Зап. Кн.*, XXXIII, 35—36).

DCCLXX. Списокъ съ автографа (*Стар. Зап. Кн.*, XXXII).

1875.

DCCLXXI. Списокъ съ автографа. Дата: „22 января 1875“ (*Стар. Зап. Кн.*, XXXII).

DCCLXXII. Списокъ съ автографа. Адресъ: „Monsieur le Sénateur Karamsin“. Дата: „Homburg v. d. Höhe 8 апрѣля 1875“.

DCCLXXIII. Литографія. Дата: „Эмсъ. Май 1875“.

DCCLXXIV. Подлинникъ хранится у великаго князя Сергія Александровича. Дата: „Фридрихсгафенъ. 1875“. Имѣется французскій переводъ этого стихотворенія.

DCCLXXV. Списокъ.

DCCLXXVI. Списокъ съ автографа. 1) „Гомбургъ. 22 іюля 1875“. 3) Примѣчаніе Автора: „Чему служитъ примѣромъ азъ грѣшный: 4 сент. Во время прогулки пѣшкомъ“. (*Старая Зап. Кн.*, XXXIII).

DCCLXXVII. Списокъ, сдѣланный рукою Ѳ. П. Берга.

DCCLXXVIII. *Русскій Архивъ* 1876. № 2. стр. 262—263. Дата: „Гомбургъ предъ высотами. Декабрь 1875“.

1876.

DCCLXXIX. Списокъ съ автографа. Дата: „Май 1876.—Графинѣ Толь.“

DCCLXXX. Списокъ съ автографа. Къ стихотворенію *Цвѣтокъ* (№ 7) Авторъ въ своей *Старой Записной Книжкѣ* сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Стихотвореніе это я написалъ, то-есть, надумалъ минувшимъ лѣтомъ (1876 г.) въ вагонѣ, когда ѣхалъ изъ Гомбурга въ Эмсъ. Читалъ я его Гроту къ Гомбургѣ, и, кажется, былъ онъ имъ очень доволенъ. Много подобныхъ стиховъ у меня пропало, которые я мысленно сочинялъ въ прогулкахъ и ѣздѣ — и не успѣлъ записывать. Безпечность и лѣнь всему этому причиною. Дѣло въ томъ, что я люблю творить и охлаждаюсь къ сотворившемуся“. Стихотвореніе: *Вхожу съ надеждою* и пр. (№ 9) написано въ Эмсѣ, въ маѣ 1876 года.

DCCLXXXI. Автографъ. Дата: „9 августа 1876“. (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, 65 об.—66).

DCCLXXXII. Списокъ съ автографа. Дата: „17 сентября 1876“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, 74 и об.).

DCCLXXXIII. Списокъ съ автографа.

DCCLXXXIV. Списокъ, сдѣланный рукою графа С. Д. Шереметева.

DCCLXXXV. Списокъ съ автографа (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, 66, 23, и об., 76, 73 об.

1877.

DCCLXXXVI. Списокъ съ автографа. Дата: „1877“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, 76 и об.).

DCCLXXXVII. *Примѣчаніе графа С. Д. Шереметева*: Стихотвореніе это было мнѣ прислано княземъ П. А. Вяземскимъ, для передачи Государю Александру II, чрезъ посредство Цесаревича Александра Александровича; при чемъ князь Вяземскій выразилъ желаніе, чтобы Государь самъ догадался о комъ идетъ рѣчь, такъ какъ лицо не названо, что и было мною доложено Цесаревичу, при передачѣ ему стихотворенія. Когда стихотвореніе было передано по назначенію, то лично отъ Цесаревича услышалъ, что Государь тотчасъ же узналъ Вільгорскаго. Стихотвореніемъ остался чрезвычайно доволенъ.

DCCLXXXVIII. Списокъ съ автографа.

Варіантъ:

„И популярности сановные льстецы“.

Рукою Автора замѣчено: „Всѣ эти записанныя строфы, à bâton rompu, должны войти въ составъ стихотворенія моего: *Весна 1877 года*. Надобно ихъ прибрать и пригнать въ одно цѣлое“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, л. 118 об.—121 об., 123 и об.—124).

DCCLXXXIX—DCCXC. Списокъ съ автографа. Примѣчаніе автора: „Эти два стихотворенія—плодъ поѣздки моей въ Баденъ-Баденъ“ (*Старая Записная Книжка*, XXXIII, л. 125—126).

DCCXCI. Списокъ съ автографа (тамъ же, л. 129 об.—130).

DCCXCII. Списокъ съ автографа. Дата: 1) „14 апрѣля“; 2) 23 іюня 1877“ (тамъ же, л. 118, об. 126).

DCCXCIII. *Русскій Архивъ* 1879, № 1, стр. 132—135. Дата: „Ноябрь 1877“.

Цѣна 2 рубля.

BINDING SECT. SEP 21 1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3447
V5
1878a
t.12

Viazemskii, Petr Andreevich
Polnoe sobranie sochinenii